
ШКОЛА
Прости
за любовь
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Юлия Хан

Прости за любовь

https://litres.ru/74771844
SelfPub; 2026

Аннотация

Последний звонок. Женя стоит с букетом, улыбается на камеру, а внутри — пустота размером с человека, которого нет рядом.

Она влюбилась в того, кого нельзя было любить. Ее новый учитель. Мужчина, ради которого хотелось забыть обо всех правилах, но которого, возможно, никогда не удастся назвать своим.

А рядом оказался тот, кто прятал любовь за насмешками, а теперь готов рискнуть всем, лишь бы однажды услышать: «Я выбираю тебя».

Один — её самое невозможное чувство. Другой — тот, кто слишком долго ждал своего шанса.

Но как отличить любовь от мечты, если обе заставляют сердце биться быстрее?

А вдруг самое сложное — не понять, кого любишь, а признать, что твоё сердце уже давно перестало принадлежат только одному?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	32
Глава 4	50
Глава 5	87
Глава 6	111
Глава 7	135
Глава 8	152
Глава 9	196
Глава 10	215
Глава 11	244
Глава 12	267
Глава 13	281
Глава 14	304
Глава 15	337
Конец ознакомительного фрагмента.	367

Юлия Хан
Прости за любовь

Глава 1

— Ты снова на пробежку? — спросила мама, взглянув на часы над моим письменным столом.

Я кивнула, поправляя спортивную кофту и застёгиваясь до самого подбородка.

— Будь аккуратнее. И, пожалуйста, недолго. Время уже позднее.

— Хорошо, не переживай.

Я улыбнулась маме, которая проводила меня до входной двери, внимательно следя, пока я надевала кроссовки.

Выбежав из дома, я направилась в сторону парка. Асфальт под кроссовками звучал глухо — вечер отключил все звуки, кроме моего дыхания и стука подошв. В это время здесь всегда было людно: бегуны, велосипедисты, мамочки с колясками. Но чем дальше я углублялась в аллеи, тем тише становилось вокруг. Минут через десять количество таких же бегунов начало таять. Люди расходились по своим маршрутам, сворачивали в жилые кварталы, и вскоре я осталась почти одна на длинной, плохо освещённой дорожке.

Сегодня это чувство обмануло меня.

Дорожка сузилась, деревья сомкнулись плотнее, фонари стали редкими жёлтыми пятнами через один. Я прибавила шаг, убеждая себя, что просто хочу успеть до темноты. Тело знало правду раньше, чем я успела её признать.

— Девушка!

Голос раздался сбоку — низкий, хриплый. Я не обернулась. Просто ускорилась, чувствуя, как вместе со скоростью шага увеличивается частота сердцебиения—резко, рвано, будто кто-то дёрнул за невидимый рычаг внутри груди.

— Девушка, подождите же! Куда вы так спешите?! — раздался уже другой голос, гораздо ближе, чем до этого.

Я слышала шаги за спиной. Тяжёлые, неровные. Не бегущие — идущие. Но слишком быстро догоняющие. Я просчитывала варианты, как в детской игре, где нельзя ошибиться: бежать — до выхода из парка ещё минут пять; кричать — и что дальше; свернуть — но тропинки я не знала настолько хорошо, чтобы рисковать в темноте. Ладони враз стали влажными. Дыхание перестало слушаться ритма бега, сбилось на короткие, злые вдохи.

Они вышли из кустов, когда я почти дошла до развилки. Двое. Взрослые мужчины, явно нетрезвые. Один держал в руке бутылку, второй — просто шатался, но смотрел на меня с той наглой уверенностью, которая бывает только у тех, кто чувствует безнаказанность.

— Таким юным девушкам не стоит гулять так поздно, — сказал тот, что был ближе. — К тому же одним. Хочешь, мы

тебя проводим до дома?

— Только если до нашего, — хрюкнул второй и засмеялся.

Я остановилась, ноги сами замерли. Запах дешёвого алкоголя ударил в лицо, смешиваясь с их потом и сигаретным дымом.

— Послушайте, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала. — Давайте не будем усугублять. Вы пойдёте своей дорогой, а я — своей.

Они переглянулись и засмеялись снова. Тот, что держал бутылку, шагнул вперёд.

— Ты серьёзно думаешь, что в твоём положении можно ставить условия?

Он протянул руку и схватил меня за запястье. Крепко, больно. Я дёрнулась, но он не отпустил, поднёс кончики моих волос, завязанных в хвост, к моему лицу, провёл ими по щеке.

— Ты можешь лишь смириться и подчиниться.

Я застыла. По венам разлился тот самый липкий, узнаваемый страх — знакомый настолько, что тело среагировало раньше разума: колени ослабли, дыхание зажалось где-то в горле, ладони покрылись холодным потом. Я снова была той девочкой из двора, только сейчас их было двое, а бежать было некуда.

— Что здесь происходит? — раздался голос из-за спины мужчины, державшего мои волосы. И следом — рык собаки. — Лу, место.

Пальцы на моём запястье ослабли. Я отшатнулась и увидела его. Чуть поодаль, держа на поводке внушительных размеров стафф-терьера, стоял мужчина.

— Тебе чего, мужик? Иди куда шёл, — не отпуская моё запястье, мучитель взглянул на собаку, и в его глазах промелькнул явный страх, не оставшийся незамеченным этим животным. Пёс оскалился, показывая свои острые, белоснежные зубы.

— Отпустите девушку, — взглянув на мою руку, он слегка расслабил поводок, и Лу, как назвал пса мужчина, кинулся вперёд, заставив пьяницу пошатнуться. — Я уже вызвал полицию. Лица ваши запомнил прекрасно. Она напишет заявление, а я помогу составить ваш подробный фоторобот.

— Ты нарываешься!

— Вам не кажется это абсурдным, судя по сложившейся ситуации? — улыбнулся мой спаситель. — Повторю последний раз. Отпустите девушку.

— Мы просто гуляем, — буркнул тот, что держал меня.

— Девушка выглядит так, будто не согласна на компанию. Я правильно понимаю?

Я выдернула запястье из ослабившейся хватки, сделала шаг в сторону — уже никем не удерживаемая — и остановилась рядом с собакой, которая продолжала следить взглядом за обоими мужчинами.

— Всё, брат, уходим, — сказал тот, что постарше, придержав за плечо второго, уже собирающегося шагнуть в мою

сторону.

— Но…

— Никаких но! Ещё с ментами проблем мне не хватало. Пошли! — уже громче сказал он, подтолкнув своего брата в обратную сторону, туда, где и находился стадион, с которого они, видимо, и проследили за мной.

Они ушли. Я смотрела им вслед, боясь повернуться спиной, пока их силуэты не растворились за поворотом дорожки. Только тогда поняла, что всё это время не дышала.

— Всё в порядке? — голос за спиной стал мягче.

Я кивнула, чувствуя, как трясутся руки — крупно, некрасиво, будто их дёргали за невидимые нити.

Он погладил пса по загривку.

— Хороший мальчик.

— Спасибо. Если бы не вы…

Договорить не получилось. Слова застряли где-то там же, где всё ещё стучало сердце.

— Не бойтесь, — он кивнул на собаку. — Кажется, вы ему понравились.

Я опустилась на корточки, разглядывая пса — крупного, с блестящей рыжей шерстью и умными глазами. Он ткнулся носом в мою ладонь, лизнул её, и я, неожиданно для себя, улыбнулась. Только рядом с этим тёплым мокрым носом стало чуть легче дышать.

— Спасибо вам обоим, — сказала я, поднимаясь. — Как вас зовут?

— Алексей. А его — Луциан. Сокращённо Лу. А вас?

— Женя.

— Очень приятно, — впервые улыбнулся он. — Мы оба будем рады проводить вас до дома.

Я на секунду замерла. Ещё несколько минут назад меня сковывал ужас, от присутствия незнакомых мужчин, а теперь снова должна была идти рядом с одним из них. Но и возвращаться в одиночестве после случившегося не хотелось совсем.

— Хорошо, — тихо согласилась я.

Мы шли рядом друг с другом. Я держалась чуть дальше, чем требовалось, и то и дело оглядывалась. Алексей ничего не говорил по этому поводу — просто шёл своим темпом, не подгоняя и не сокращая расстояние между нами.

— Что заставило вас так поздно бродить по улице в одиночку? — спросил он, подтягивая к себе поводок Лу, обнюхивающего чей-то оставленный пакет из-под чипсов.

— Обычно я так поздно не бегаю. Сегодня задержалась.

— Уверен, после сегодняшнего подобное не повторится. И вы не будете пренебрегать правилами безопасности. Если так поздно, то хотя бы в чьём-то сопровождении посещайте такие малолюдные места.

— Вы правы.

Я помолчала.

— Просто… не ожидала.

Я замолчала, вспоминая тот двор десять лет назад, про то,

что страх этот был мне уже знаком до сегодняшнего вечера.

Он ничего не ответил. И это почему-то было хорошо. Мне не хотелось сейчас объяснять.Не хотелось слышать вопросы.Не хотелось заново проговаривать то, что произошло.

Мы прошли ещё немного.

— Я вас ни в чём не обвиняю, вы не думайте, — сказал Алексей. — Мне самому крайне неприятен тот факт, что из-за существования подобных людей большинство, если не все представительницы женского пола живут в страхе перед нами, постоянно ограничивая себя в свободе передвижения и так далее. — Он на мгновение замолчал. — Я рад, что мы с Лу оказались в нужном месте в нужное время.

— Я вам благодарна.

Мужчина кивнул, в очередной раз принимая мою благодарность. Всю оставшуюся дорогу до дома, мы шли молча, лишь изредка я ловила на себе взгляды Алексея.

— Вот здесь я живу. — Остановившись сказала я. Наш дом стоял в глубине уютного, ухоженного двора, который я знала наизусть. Это была крепкая кирпичная пятиэтажка с аккуратными балконами. Внизу, у самого подъезда, соседка с первого этажа разбила небольшую клумбу с бархатцами и петуниями. Двор был просторным, с ровным асфальтом и ухоженными газонами. В центре стояла детская площадка — с новыми качелями, горкой и песочницей. Чуть поодаль, в тени старых лип, были лавочки, где по вечерам собирались местные бабушки, а за домом находилась спортивная пло-

щадка с баскетбольным кольцом. Здесь всегда было спокойно, светло и по-домашнему тихо.

— Хорошо, — он кивнул и помедлил. — С вами всё в порядке?

— Да, — соврала я. — Спасибо.

Он несколько секунд молчал.

— Можно узнать ваш номер? — спросил он.— Если вдруг вам понадобится свидетель сегодняшнего инцидента или вы решите нарушить своё обещание и снова пойти на пробежку одна, я смогу вас остановить. Или хотя бы предупредить полицию.

Это прозвучало почти как шутка. Я не сразу поняла, что ответить.Давать свой номер человеку, которого знала всего несколько минут, казалось не самой разумной идеей. Особенно после сегодняшнего вечера.

Но Алексей не приближался и не настаивал. Просто ждал моего ответа, а я сама не до конца понимала, почему всё-таки решилась.

— Хорошо.

Я продиктовала цифры, чувствуя, как внутри всё ещё бьётся мелкая дрожь. Телефон в моем кармане коротко пиликнул.

— Теперь и у вас есть мой контакт, — сказал он. — Если что-то случится, звоните. Я серьезно.

Я кивнула.

— Спасибо.

Улыбнуться получилось с трудом.

— До свидания.

Я развернулась и пошла к подъезду. На половине пути обернулась — он всё ещё стоял на том же месте. Лу вилял хвостом. Я помахала им и скрылась за дверью.

Поднималась по лестнице, я прислушиваясь к каждому шороху — впервые за долгое время не доверяя тишине собственного подъезда. На четвёртом этаже, у двери, поправила волосы и сделала глубокий вдох. Нужно было, чтобы мама ничего не заметила.

— Время уже очень много, Жень, — сказала мама, когда я вошла. — Давай договоримся, что так поздно ты больше не ходишь на пробежки. Если тебе это так важно, я куплю тебе беговую дорожку, будешь заниматься дома.

— Хорошо, мам, постараюсь больше не задерживаться.

— Спокойной ночи.

— Доброй ночи.

Я закрылась в ванной и включила горячую воду.

Первые несколько секунд просто стояла под душем, не двигаясь.Потом начала мыть волосы.Раз за разом проводила пальцами по прядям там, где совсем недавно чувствовала чужое прикосновение. От этой мысли передёрнуло.

Запястье всё ещё болело.Я посмотрела на него — на коже уже проступали красные следы.Закрыв глаза, попыталась не думать. Но перед глазами снова возникли кусты, тёмная дорожка, бутылка в руке одного из мужчин.

Я открыла глаза. Нет. Не хочу.

Я ещё немного постояла под водой, пока дрожь не стала слабее.И только тогда вспомнила Алексея.Не его лицо.Скорее голос.Спокойный, уверенный. Не стал расспрашивать, не пытался что-то сделать, просто остался рядом, пока я не почувствовала себя достаточно спокойно, чтобы уйти.

Я поймала себя на мысли, что очень благодарна ему, но корила себя за то, что дала незнакомому человеку свой номер. Хоть и человеку, который спас меня, но все же, абсолютно незнакомому. Я отбросила все мысли и вышла из ванной, легла в кровать и положила телефон рядом. На экране высветился новый контакт.

Алексей.

Я несколько секунд смотрела на имя, а потом перевернула телефон экраном вниз.Не нужно было сейчас об этом думать.Сегодня мне просто хотелось уснуть. Сон в итоге пришёл — рваный, неглубокий, с паузами, в которых я просыпалась и слушала тишину квартиры, прежде чем снова проваливаться в дрёму. Наверное, завтра всё это будет казаться мне гораздо менее важным. По крайней мере, мне хотелось в это верить.

Утром, когда телефон зазвонил, я несколько секунд просто смотрела на экран.

Это был он.

Палец завис над красной кнопкой — после вчерашнего не хотелось отвечать никому, — но в памяти всплыло его лицо

и Лу , вставшие между мной и двумя мужчинами. Я все-таки приняла вызов.

— Женя? Это Алексей. Извините, что рано. Хотел убедиться, что вы в порядке.

— Я в порядке, — ответила я после паузы. — Спасибо, за беспокойство.

— Хорошо. Тогда не буду вас задерживать. Хорошего дня.

Звонок оборвался быстрее, чем я успела придумать, что ответить. Не знаю, зачем вообще взяла трубку — наверное, потому что среди воспоминаний вчерашней ночи его голос оказался единственным, не вызывающим желания отшатнуться.

Я откинулась на подушку и закрыла глаза. Нужно было перестать об этом думать. Сегодня школа.

Глава 2

Мама, как обычно, ушла на работу ещё до моего пробуждения, оставив на столе приготовленный завтрак. Чуть ли не каждый вечер я твердила, что необязательно тратить на утреннюю готовку время, но она словно меня и не слышала, продолжая выстаивать у плиты по полчаса, каждый раз готовя что-то новое.

Конечно, я была благодарна, но, зная всю тяжесть и сложность её работы, всячески пыталась сместить фокус с домашних дел в пользу отдыха. Иногда это благополучно получалось, но в периоды, как сейчас, её мамские чувства всё же перебарывали и изливались во внушительную горку сырников.

Я долго стояла возле стола, глядя на тарелку. Обычное утро. Обычная кухня. Обычная жизнь. И только неприятное ощущение в запястье напоминало, что ещё несколько часов назад всё могло стать совсем иначе. Я машинально провела пальцами по коже. Следов почти не осталось, но мне всё равно показалось, будто я снова чувствую чужое прикосновение. Отдёрнув руку, я заставила себя сесть.

Времени до начала линейки было ещё достаточно, и я решила не торопиться, насладиться своей ежедневной утренней рутиной. Расчесав непослушные волосы, я посмотрела в окно, радуясь, что осень ещё не полноправно вступила в

свои права и можно будет радоваться тёплым, наполненным яркими красками днями. Сквозь занавески в комнату пробивались солнечные лучи, и ещё по-летнему тёплый ветерок согревал пространство после ночной прохлады.

За завтраком я быстро пролистала ленту социальных сетей и ответила на непрочитанные сообщения, отправив пару готовых работ заказчицам, не заметив, как умяла всю тарелку сырников, пачку мягкого творога и четверть банки сгущёнки. Убрав посуду в раковину, оставив всё на потом, я быстро приняла душ и, завернувшись в большое мягкое полотенце, на ходу поправляя распушившиеся от горячего пара волосы, стала собираться в школу.

Одежду для сегодняшнего дня я приготовила накануне: чёрная короткая юбка, чёрная лёгкая рубашка и серый удлинённый пиджак. Расчесав волосы и оставив их распущенными, решив не заморачиваться с причёской, быстро нарисовала небольшие стрелки, подкрасила ресницы и, напоследок взглянув на себя в зеркало, осталась довольна. Выглядела я нормально. Спокойно. Как будто ничего не произошло. Наверное, именно этого мне сейчас и хотелось. Только у самого выхода из дома поймала себя на мысли, что иду через тот же парк, где вчера всё случилось. Ноги сами выбрали привычный маршрут раньше, чем я успела передумать.

Парк, через который я ходила в школу вот уже долгие одиннадцать лет, был настоящим зелёным оазисом в сердце города. Он выглядел как сочетание природы и современно-

сти: высокие деревья с густыми зелёными кронами образовывали естественный купол, под которым было прохладно и комфортно даже в самые жаркие дни.

Я обожала шагать по вьющимся тропинкам вдоль цветущих кустарников. Сегодня я впервые за много лет шла по нему и всё время замечала, где заканчивается одна дорожка и начинается другая. Где стоят люди. Где никого нет. Я прошла его быстрее обычного, стараясь не смотреть в сторону вчерашней аллеи, и с облегчением выдохнула, только когда впереди показалось школьное крыльцо.

Я тут же разозлилась на себя. Неужели теперь каждый раз буду этого бояться?

Остановившись у пешеходного перехода, отделяющего парк от школы, я посмотрела по сторонам и, убедившись в отсутствии машин, перебежала дорогу.

К началу этого учебного года администрация школы весьма постаралась: вдоль забора были посажены новые деревья, клумбы с цветами и невысокие кустарники отделяли спортивную площадку, на которой появились тренажёры и хорошее покрытие. Новые окна и двери центрального входа, крашеные фасады.

У входа на площадке перед дверью школы уже ютилось большое количество людей. Первоклассники и их родители — ведь этот праздник сегодня в большей степени именно для них. Первый день в школе, первый звонок, первые уроки. Замедлив шаг, я вспомнила, как стояла у дверей этой

школы одиннадцать лет назад — такой маленький комочек с большими белыми бантами и огромным портфелем наперевес, чувствуя нахлынувшую гордость. Иногда казалось странным, что это время прошло так быстро. Я одиннадцать лет ходила по одним и тем же коридорам, видела одних и тех же людей, знала, какая ступенька на лестнице скрипит сильнее остальных. И вот теперь оставался последний год.

Пройдя мимо толпы, я зашла в школу, чтобы хоть ненадолго скрыться от жары и гула множества детских голосов, заполнивших всё вокруг.

— Женя?!

Послышался знакомый голос за моей спиной. Я обернулась и впервые за всё утро почувствовала настоящее облегчение.

— Лена, Оля, привет!

Я улыбнулась, протягивая руки и идя навстречу девушкам, разглядывая их загорелые лица.

— Как твои дела? — поинтересовалась Оля, обнимая меня.

— Всё отлично. Вы как? Как умудрились так загореть? — рассматривая, как диссонировала тёмная кожа со светлыми волосами одноклассницы, спросила я, переведя изучающий взгляд на Лену.

— Месяц в деревне — это тебе не шутки. Я сгорела в первый же день на огороде, — закатила глаза Лена. — Лучше расскажи, как ты? Нашла кого-нибудь за лето?

Она ткнула меня локтем в бок. Я машинально улыбнулась.

— Кто о чём, а ты всё туда же. Всё у меня хорошо, никого не нашла.

Я перевела взгляд на окно, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо.

— А вы? Всем парням в деревне сердца поразбивали?

Лена мечтательно вздохнула и заулыбалась, покосившись на подругу, вставшую поодаль и что-то увлечённо печатающую на экране телефона.

— Да если бы мы. Оля вот уже который день не может отойти. Мы уехали, а её принц на чёрном мопеде остался там. Вся исстрадалась бедная.

— Лен, прекрати! — осекла её девушка. — Не делай из меня какую-то размазню. Я уже и забыла, как его звали.

— Неужели?! — засмеялась Лена, внимательно глядя на подругу и переводя взгляд на телефон, покоившийся в её руках.

— Не ему ли ты, часом, пишешь?

Я глядела на подруг, умиляясь их небольшой перепалке. За месяц я действительно успела соскучиться по ним. Наверное, даже сильнее, чем думала. Их болтовня постепенно вытесняла из головы вчерашний вечер. Ненадолго. Но мне этого было достаточно.

Обеим девушкам очень повезло: их бабушки и дедушки жили в одной деревне, и с самого детства каждое лето родители отправляли их на «исправительные работы». Со време-

нем они перестали воспринимать эти поездки как каторгу и радовались возможности провести время со своими стариками.

— Даже если и ему. Какая разница, — отвернулась девушка, убрав телефон в карман брюк.

— Ладно, давайте не будем спорить, — поправив юбку, начала говорить я, понимая, в какую ссору мог перерасти этот спор. — Пойдёмте на площадку, хочу занять места под деревьями, чтобы всю линейку не страдать под солнцем.

Линейка длилась полтора часа и была насыщена длинными и скучными речами, казавшимися повторяющимися из года в год, выступлениями первоклассников и дошколят, песнями и танцами. Я старалась слушать, но периодически ловила себя на том, что взгляд сам собой скользит по территории школы.

Казалось, мне необходимо видеть людей вокруг. Понимать, кто находится рядом.

Когда директор наконец сказала заключительные слова и прозвенел первый звонок для новоиспечённых учеников, я даже почувствовала облегчение.

Небольшой колонной мы двинулись ко входу в здание, разбредаясь по своим кабинетам.

— Здравствуйте, ребята! — радостно поприветствовала классный руководитель, когда все заняли свои места за партами. — Одиннадцатый класс — это очень серьёзно. Так что я надеюсь, что в этом году у вас всё будет хорошо, отстаю-

щие подтянутся по всем предметам, отличники будут радовать учителей своими знаниями. И ни в коем случае не забывайте про экзамены. Этот год пролетит, вы даже не заметите!

Она тяжело вздохнула, поправляя очки на носу.

— А сейчас, пока я буду заниматься вашими документами, прошу старосту класса спуститься на второй этаж к расписанию. До скорого, общайтесь, ребятки, но тихо! Надеюсь на вашу сознательность. Ключ на столе, будете уходить, не забудьте закрыть кабинет и сдать их охране.

Попрощавшись со своими «любимыми» учениками, Татьяна Викторовна вышла. Тишина продержалась недолго.

— Раз нам тут делать нечего, у меня есть предложение, отказ от которого я даже слушать не хочу!

— Какое? — в один голос с Олей спросили мы, повернувшись к подруге.

— Я не знаю, заметили вы или нет, но это последний год наших мучений, — улыбнулась Лена. — Давайте все вместе сходим куда-нибудь и отметим это событие. К тому же я считаю, Оле надо отвлечься от своего Емели…

Девушка демонстративно закатила глаза, а я улыбнулась. Я слушала их и постепенно расслаблялась. Наверное, именно поэтому предложение Лены мне даже понравилось. Хотелось хотя бы на один вечер перестать думать о вчерашнем.

— Ничто так хорошо не заставляет забыть о парнях, как походы с подругами на тусовки.

Я сидела молча, уже заранее согласная с её предложени-

ем. Единственное, чего мы ждали, — ответа Оли, которая закусила нижнюю губу, погрузившись в свои мысли.

— Раз всё равно пришлось бы меня уговаривать, то пойду вам навстречу и соглашусь, но с одной пометкой, — нарушила молчание Оля. — Место выбираю я, а я хочу в караоке!

Мы переглянулись.

Я почувствовала, как внутри впервые за утро что-то похожее на нормальное предвкушение вытесняет напряжение.

— Хорошо.

Достав телефон, я быстро вбила в поиске нужное название уже знакомого мне караоке на центральной улице. Несмотря на то, что наш город не очень большой по меркам столицы, заведений, куда можно было сходить отдохнуть с друзьями или просто поужинать, было больше, чем ожидалось.

— Бронирую «Бисс»? — решила уточнить я.

— Мы пойдём туда? — восторженно и одновременно удивлённо спросила сама затейница мероприятия. — Дорого…

— Зато не будет проблем со всякими подозрительными неадекватами, — коротко ответила я, выбирая время для бронирования столика.

Слова вырвались сами. Я на секунду замолчала. Лена с Олей тоже посмотрели на меня.

— В смысле… — я пожала плечами. — Просто там спокойнее.

— Тогда точно туда, — без лишних вопросов согласилась

Лена.

Из нас троих, да и во всём классе в целом, мне единственной уже было восемнадцать.

— Скинемся на троих. Ладно, пойду спущусь на второй этаж, гляну расписание. А то Машка совсем заболталась, ждать придётся долго.

Я улыбнулась подругам, вставая со своего места. Поправив юбку, я зашагала к выходу, дойти до которого мне помешали.

Дёмин сидел, откинувшись на стуле, и просто вытянул ногу, уперев её в каркас соседней парты, сложив руки на столе так, что натянутая ткань футболки оголила плечо парня, на котором яркими, чёрными чернилами, красовалось тату. Руки, загорелые, в мелких ссадинах, лежали на столе спокойно, без нервов.

— Резвова, — сказал он, не поднимая головы. В голосе — низкий, прожаренный сигаретами тембр. Он больше не был мальчиком. За лето, Артем сильно изменился, став больше и гораздо шире в плечах, появился небольшой шрама над верхней губой, делавшим улыбку и без того, похожую на оскал, более неприятной.В общем, каникулы пошли ему на пользу. К сожалению.

Первые годы учебы с этим парнем, я никак не воспринимала его дурной нрав и сложный характер, но после пятого класса, все резко изменилось и теперь, не проходило ни одного дня, что бы между нами двумя не завязывалось ка-

ких-то споров и скандалов. Артем, был проблемой для меня лично, да и для всего класса в целом, не говоря уже о школе, страдавшей от его выходок.

— Дёмин, — ответила я так же ровно.

Я не дернулась. Не попыталась обойти. Просто остановилась и смотрела на него сверху вниз. Выдержка — вот что отличало нас от детских ссор. Там было веселье и злость. Здесь была война на истощение.

— Дай пройти,— сказала я тихо.

— Как отдохнула? — спросил он с лёгкой, вальяжной усмешкой. — Слышал, ты в Питер ездила.

— Откуда?

— Лена в сторис выкладывала. Вы же вместе были.

Я молчала. Мне не нравилось, что он следит за мной даже через подруг.

Класс замер. Даже те, кто уже достал телефоны, убрали их в карманы. Это было интереснее любого видео.

— Вернулась. Испортила тебе лето?

— Обижаешь, — он лениво поднял глаза. — Я даже не заметил твоего отсутствия.

— Взаимно, — кивнула я. — Я, кстати, думала, ты за лето научишься уступать дорогу. Но, видимо, чудес не бывает.

— А я думал, ты научишься обходить, — парировал он, по-прежнему не убирая ногу. — Но, видимо, твоя гордость всё так же не позволяет сделать крюк в два шага.

— Это не гордость, — поправила я. — Это принцип. Не

наступать на чужие кроссовки без крайней необходимости.

— А на мои можно, — он усмехнулся. — Я разрешаю. В порядке исключения.

— Спасибо за щедрость, — она сложила руки на груди. — Но я пас. У тебя, судя по всему, ноги теперь единственный способ привлечь внимание.

Он не обиделся. Только голову набок склонил, разглядывая её с ленивым интересом.

— Обозначает волка, угадала?—махнула я в сторону его руки, внимательно разглядывая тату обозначающее еле различимый силуэт зверя.— Классика. Татуировка для мальчиков, которые хотят выглядеть опасными, но боятся пауков.

Он усмехнулся.

— А ты, я смотрю, всё рисуешь ерунду свою. Натюрморты? Груши, вазы? Как в детстве?

— Лучше натюрморты, чем на плече чужое мнение о своей крутости, — ответила я с лёгкой улыбкой. — Сколько сеансов? Три? Четыре? И всё ради того, чтобы Серёга сказал «круто»?

— Серёга сказал «страшно», — поправил Артем.

— Серёга боится собственной тени, — я сделала паузу. — Как и ты, судя по выбору рисунка. Волк — это же так предсказуемо. Почему не лиса? Или не ёжик?

— Потому что ёжики колючие, — сказал он серьёзно. — Как ты. А я и так одного ежа в классе терплю с трудом.

— Комплимент, — я коснулась груди. — Я тронута. Буду

знать, что занимаю в твоём сердце отдельную клетку.

— Ты занимаешь целое отделение, — он вздохнул, изображая усталость. — Интенсивной терапии.

— Тогда подвинься, — сказала я. — А то пациент сбежит, и тебе станет скучно.

Он не убрал ногу. Посмотрел на меня. Я на него.

— Ну, Дёмин, — сказала я тоном учительницы, которая устала от любимого двоечника. — Долго мне ещё стоять? У меня, между прочим, есть дела поважнее, чем беседовать с человеком, у которого IQ равен размеру его новой обуви.

— Сорок пятый, — сказал он совершенно серьёзно. — Размер. Сорок пятый. А IQ я не проверял. Боюсь расстроиться.

— Не бойся, — ответила я. — Ты к этому привык.

Он молчал три секунды. Потом убрал ногу. Не потому, что проиграл, а потому, что ему стало скучно. Или потому, что я всё равно бы не отступила. Или просто потому, что танец был закончен.

— Проходи, Резвова, — он махнул рукой в сторону двери, как король, отпускающий подданную. — Раз уж ты так настаиваешь.

— Щедро, — я шагнула в проход. Остановилась. — И всё-таки, Дёмин.

— М?

— Тату красивое. Даже жаль, что на таком носителе.

Он кивнул, принимая удар.

— Береги ногу, — бросила я уже из коридора. — А то в следующий раз я её просто перешагну.

— Попробуй, — сказал он в закрывшуюся дверь. И улыбнулся.

Огромный стенд с расписанием и прочей другой информацией, находился на втором этаже, рядом с небольшой библиотекой и несколькими учебными классами, которые в это время оказались закрыты, но общий шум из которых, давал понять, что кто-то, все же, там находился.

— Что тут у нас?— найдя свой класс, прошептала, разглядывая написанное; — история, физика, алгебра и две литературы.

Первый, полноценный учебный день, навис угрозой переутомлениях над нашими головами, особенно после летних каникул, когда мозг, без подпитки какой-либо информацией, благополучно атрофировался. Делать такое расписание, казалось весьма кощунственно, единственная надежда была на учителей, которые постараются сжалиться над школьниками и сильно не налегать, втаскивая их в учебный процесс.

Поднявшись на третий этаж, не взирая на злость, тут же, новой волной хлынувшей на меня, вспоминая недавний разговор с одноклассником, вернулась в класс. Пройдя мимо парт, сознательно игнорируя пристальный взгляд Артема, села на своё место, откинув мешающие пряди волос, так напористо щекотавшие голые участки шеи.

— Ну что там?—повернувшись ко мне, чуть ли не одно-

временно спросили подруги.

— Ничего хорошего. Скинула фото в общий чат. Что, половина уже ушли?

— Конечно. Нам, между прочим, тоже пора, — встав с места, сказала Лена. — Ко скольки сегодня?

— В девять, — ответила я, вставая следом.

Попрощавшись с одноклассниками, мы вывалились из школьных дверей, как заключённые, получившие краткосрочную амнистию.

Первый учебный день, а казалось, что прошла уже минимум неделя.

— Я сейчас усну прямо на асфальте, — объявила Оля, снимая пиджак и засовывая его в сумку с таким видом, будто он был главным врагом всего её существования.

Я шла между ними, чувствуя, как солнечный свет наконец начинает припекать плечи.

Мы свернули на аллею, ведущую к парку — всегдашнему месту наших сборов.Листья, нападавшие совсем небольшим ковром, под ногами шуршали так, будто перешёптывались о чём-то неприличном.

— Так, — Лена развернулась к нам. — Мы сегодня во сколько?

— В девять, — ответила я, даже не глядя на неё. — Ты это уже спрашивала.

— Я спрашиваю, потому что вы обе не умеете вовремя собираться.

— Это ты не умеешь вовремя выходить, — парировала я. — Твои «пять минут» всегда превращаются в двадцать пять, и у нас есть хронометраж.

— Это был единичный случай.

— Это был каждый раз, Лена. Каждый.

Парк открылся перед нами внезапно — как будто кто-то раздвинул деревья руками. Скамейка, неизменный фонтан и старый дуб, под которым мы обсуждали всё на свете: от контрольных до расставаний, которые случались так драматично и так глупо. Я почувствовала, как плечи понемногу расслабляются. Здесь были они. Здесь было светло. Здесь было людно. И можно было не думать о вчерашнем.

— Ладно, — сдалась я. — Но в этот раз без опозданий. Потому что у нас бронь на караоке, и если мы её просрём, я лично заставлю вас петь на улице.

— Серьёзно? — Лена приподняла бровь, но в её голосе проскользнула тень улыбки.

— Тогда я уже выбрала песню.

— Дай угадаю, — сказала я. — Что-то драматичное, с надрывом, чтобы все в зале плакали, а ты делала вид, что не замечаешь.

— «I Will Always Love You», — невозмутимо ответила Оля. — И не говорите, что я вас не предупреждала.

— Ты не вытянешь Уитни Хьюстон, — покачала головой Лена.

— А я и не собираюсь. Я собираюсь сделать это настолько

громко и фальшиво, что они сами заплатят нам, чтобы мы ушли.

Мы рассмеялись. Смех получился настоящим. И от этого я сама немного удивилась. Ещё вчера вечером я была уверена, что после случившегося мне опять будет трудно чувствовать себя спокойно среди людей. А сейчас шла рядом с подругами и обсуждала караоке. Наверное, это и было самым правильным. Не забыть. Не сделать вид, что ничего не произошло. Просто позволить себе хотя бы иногда думать не только об этом.

Мимо прошла женщина с собачкой, покосилась на нас с каким-то подозрением. Я на секунду задержала взгляд на её питомце. В памяти тут же возник рыжий пёс.

Лу.

Я отвела глаза.

— Осталось придумать, что надеть, — продолжила Лена. — Но что-то человеческое. Не слишком — мы же в караоке, а не на собеседование. Но чтобы не стыдно было.

— С тебя не стыдно в любом виде, — сказала я Лене.

— Это потому что у меня харизма.

— Это потому что у нас низкие стандарты, — поправила Оля.

Она показала нам язык и двинулась в свою сторону, но через секунду развернулась обратно.

— Ровно в девять! Я уже скачала карту, так что не врите, что заблудились!

— К девяти, — крикнула я ей вслед.

— На лавке у третьего фонаря, потому что первый — для влюблённых идиотов, а второй — для курящих восьмиклассников, и у них там своя драма.

— А четвёртый не работает, — закончила я.

Прежде чем пойти за подругой, Оля посмотрела на меня. На её лице расцвела та редкая улыбка, которую она берегла для нас.

— Как думаешь, сколько песен мы успеем спеть, прежде чем Лену выгонят за хулиганство?

— Три, — предположила я. — Максимум четыре.

— Я ставлю на две. И на то, что она попытается станцевать на столе.

— И на то, что мы станцуем с ней.

Оля хмыкнула, кивнула и пошла в сторону старых пятиэтажек. Я смотрела им вслед, пока их фигуры не стали маленькими точками, а потом развернулась и двинулась домой.

Глава 3

До дома я добралась быстро. Посмотрела на часы, примерно прикинув, что у меня было еще достаточно время, что бы закончить очередной заказ. Быстро переодевшись, взяла планшет и стилус, я села за стол, попутно поставив телефон на зарядку, проверив пропущенные сообщения.

Времени было вагон, но я не любила собираться в последнюю минуту, поэтому завела будильник на семь часов, что бы не торопиться, но и успеть закончить свои дела. Работа кипела, смотря очередной подкаст, я отвлеклась от всего и не заметила, как прошло время.

Когда я наконец открыла шкаф, выбор занял не больше пяти минут. Выцветшие синие джинсы, идеально сидящие по фигуре, чёрный лонгслив с открытым плечом, чёрные туфли на низком каблуке. Посмотрела в зеркало — ничего лишнего. Волосы расчесала и оставила как есть, слегка завив на концах. Лёгкий макияж, маленькие серебряные серьги, мамины старые часы с кожаным ремешком. Всё.

Быстро поужинала, на долгую готовку времени не оставалось, взяла чёрную сумку через плечо — в неё влезал только телефон, ключи и карта. В прихожей обулась и ещё раз глянула в зеркало, я вышла из дома.

Фонари в парке, горели через один, но наша скамейка у третьего фонаря оказалась в полосе света. Никого ещё не бы-

ло. Я села, достала сигареты и зажигалку. Прикурила медленно, наблюдая, как дым растворяется в прохладном воздухе.

Оля появилась первой. Я услышала её шаги ещё до того, как увидела — ровные, спокойные. Она вышла из-за деревьев, чуть приподняв подбородок. Высокая, худая, с той естественной грацией, которую не купить. Чёрная юбка, чёрный пиджак, под которым белая футболка. Тёмные волосы лежали ровно, разделённые на прямой пробор. Бледная кожа в свете фонаря казалась фарфоровой, а ярко-голубые глаза смотрели с лёгкой насмешкой.

Она села рядом, не здороваясь, достала свои тонкие сигареты и закурила. Выдохнула и только тогда повернулась ко мне:

— Лена ещё не приходила. — опередила я.

— Опять опаздывает, — сказала Оля, стряхивая пепел.

— У неё это в характере.

— Одно и то же.

Мы курили молча. Я смотрела на её профиль — острый нос, чёткая линия скул. Она была красивой не кричащей красотой, а той, которую замечаешь не сразу.

Лена прибежала через три минуты. Сначала звук быстрых шагов, потом тяжёлое дыхание, и она вылетела из-за поворота.

— Я не опоздала! — выпалила она, согнувшись пополам.

— Опоздала, — сказала Оля. — На три минуты.

— Это не считается.

Лена выпрямилась. Белая хлопковая рубашка, чуть великоватая, с закатанными рукавами, широкие светло-голубые джинсы, подвернутые на щиколотках, и идеально чистые белые кеды. Волосы — яркая блондинка — лежали мягкими волнами. Зелёные глаза засветились тёплым светом, когда она улыбнулась.

Оля затушила сигарету и посмотрела на нас — на яркую, шумную Лену и на меня. Схватила нас за руку и молча потянула вперёд. Мы вышли из парка на проспект. Лена уже достала телефон.

— Я вызвала такси. Скоро будет , — объявила она.

— Какой тариф, опять самый дешевый? — спросила Оля.

— Я выбрала ту, которая приедет быстрее всего.

Машина подъехала ровно через четыре минуты. Лена открыла заднюю дверь:

— В «Бисс».

Водитель кивнул. Оля села на переднее сиденье, потому что на заднем её укачивает. Я забралась к Лене.

Город плыл мимо — сначала спальные районы, потом шире улицы, больше света, вывески. Главную улицу не спутать ни с чем: фонари-арки, сплошной поток людей, музыка из каждого второго здания.

«Бисс» появился слева. Неоново-розовая вывеска пульсировала в такт музыке. Здание было старым, с лепниной на фасаде, но неон делал его молодым и дерзким. У входа тол-

пилась небольшая очередь.

Мы расплатились и вышли из машины. Я захлопнула дверь и осталась стоять под неоново-розовыми буквами.

— Ну что, — Лена взяла нас под руки. — Идём позориться?

— Идём, — сказала я.

Оля молча шагнула вперёд, и мы вошли внутрь — в тепло, в шум, в вечер, который только начинался.

Закрывшаяся за нами дверь, отрезала уличный шум. В баре было жарко и пахло, словно, попкорном, ванилью и табаком. Коридор, узкий и длинный, вёл в главный зал. Стены здесь были выкрашены в глубокий коричнево-розовый цвет, на них висели картины в массивных золочёных рамах — большеглазые девушки в платьях прошлого века, мужчины в цилиндрах, танцующие пары. Одна картина особенно привлекла моё внимание — женщина с закрытыми глазами, запрокинувшая голову, с ярко-красной помадой, похожей на свежую рану.

— Красиво, — тихо сказала Оля.

— Пошли дальше, — потянула нас Лена, но сама задержалась на секунду перед картиной с павлином.

Коридор вывел нас в главный зал. Помещение оказалось не очень большим, но уютным — каждый уголок продуман, но ничто не кричит о своей продуманности. Справа, за невысокой перегородкой из резного дерева, располагались столики. Маленькие, круглые, покрытые бархатными скатертями

цвета тёмной вишни. На каждом — свеча в стеклянном стакане и маленький букетик сухоцветов. А слева была длинная стойка из тёмного дерева с блестящей столешницей. За ней стоял бармен — молодой парень с серьгой в брови.

— Сядем за стойку? — спросила Лена.

— Нет, — сказала я. — Бронь была на стол.

Мы выбрали столик у стены, под большой картиной, изображавшей Венеру с синими волосами и татуировкой на плече. По периметру зала стояли статуи — маленький бронзовый ангел с подбитым крылом, держащий микрофон вместо арфы, бюст девушки с закрытыми глазами и улыбкой Джоконды.

Подошёл официант.

— У нас забронирован стол, — сказала я. — На имя Евгении.

— Да, вижу, — кивнул он. — Хотите пока взять что-нибудь из напитков?

— Мне колу, — сказала Лена.

— Зелёный чай, — Оля.

— Эспрессо и апельсиновый сок, — добавила я.

Официант ушёл. Лена проводила его взглядом, потом повернулась к нам:

— Вы такие скучные.

— А сама выбрала колу!—возмутилась Оля.

Я смотрела по сторонам, пытаясь запомнить каждую деталь. Официант вернулся с напитками и меню для заказа пе-

сен. На стол легли три плотных листочка с шершавой поверхностью и три маленьких карандаша.

— Песни пишете здесь, — он кивнул на стойку. — Потом отдаёте мне или ведущему. Очерёдность по списку.

— А если мы хотим петь первыми? — спросила Лена, схватив карандаш.

— Тогда пишите быстрее, — улыбнулся он и ушёл.

Лена сразу перевернула листок и написала что-то крупными буквами. Я видела, как она выводит название, шевеля губами.

— Что ты выбрала? — спросила я.

— Секрет, — ответила Лена, закрывая листок ладонью. — Увидите.

Оля взяла свой листок, но не сразу начала писать. Она сидела ровно и смотрела на сцену — небольшую деревянную площадку с микрофоном, окружённую гирляндами.

— Ты будешь писать? — спросила её Лена.

— Я думаю, — ответила Оля, но не пошевелилась.

Я взяла свой листок и задумалась. Что я хочу спеть сегодня? Что-то знакомое, что можно спеть вполголоса, если разволнуюсь, или в полную силу, если осмелею. Я написала первое, что пришло в голову.

Лена закончила и теперь смотрела на Олю, нетерпеливо постукивая пальцами по столу.

— Оля, давай быстрее или мы состаримся.

— Не состаритесь, — ответила и взяла карандаш. Она пи-

сала медленно, аккуратно, почти каллиграфически.

— Ты серьёзно? — Лена заглянула в её листок. — Это же... там же высоко!

— Мы справимся, — ответила Оля.

Лена хотела что-то сказать, но передумала. Мы сидели втроём, каждая со своим листочком.

— Показывайте, — сказала Лена, протягивая руку.

— Нет, — ответили мы с Олей почти одновременно.

— Вы невыносимы.

Лена вздохнула, взяла наши листочки, смешала их со своим, встала и направилась к стойке. Вернулась довольная:

— Третий номер. Первые двое — какие-то парни с гитарами. А мы третьи.

— Ты узнала очередь? — удивилась я.

— А что тут сложного? Я спросила.

После долгого ожидания, ведущий объявил:

— Третий номер. «I Will Always Love You» — Уитни Хьюстон.

Оля сидела, сжимая стакан, и не двигалась.

— Давай, — сказала я. — Ты же хотела.

— Я хотела, но не думала, что буду первой, — тихо ответила она. — А теперь хочу, чтобы меня съел диван.

— Дивана нет, — заметила я. — Есть сцена. И мы идём с тобой.

— Что?

— Мы идём с тобой, — повторила Лена, вставая. — Ты

же не думала, что мы оставим тебя одну на растерзание этой песне?

— Думала.

— Мы посидим и поаплодируем, — сказала я, поднимаясь следом. — После. А сначала мы споём с тобой. Потому что в одиночку Уитни Хьюстон не поют. Даже сама Уитни Хьюстон пела не в одиночку.

— У неё был голос, — парировала Оля.

— А у тебя есть мы, — ответила Лена и протянула ей руку.

Оля взяла Ленину руку и встала.

Мы поднялись на сцену. Три микрофона на трёх стойках. Оля встала в центр, Лена слева, я справа. Свет гирлянд падал на нас разноцветными бликами.

— Если я сейчас возьму эту ноту, — тихо сказала Оля, — и умру, удалите историю браузера.

— У тебя нет ничего такого, что мы не видели, — ответила Лена.

— Именно поэтому я вам и не доверяю.

Мы рассмеялись.Потом стало не до разговоров.Музыка заиграла. Оля взяла свою партию — первые слова тихие, почти шёпотом.

Мы пели втроём. Не идеально. Где-то фальшивя, где-то сбиваясь, но мы пели. И это было наше.Когда музыка затихла, Оля опустила микрофон и выдохнула.

— Спасибо, — сказала она тихо, чтобы слышали только мы.

— Не за что, — ответила Лена.

— Знала же, что не оставим, — добавила я.

— Знала, — Оля улыбнулась. — Поэтому и заказала.

Мы сошли со сцены под аплодисменты. Лена рухнула на стул:

— Я больше никогда в жизни не буду петь Уитни Хьюстон.

— Ты это уже говорила, — напомнила я.

— И скажу ещё раз.

Следующую песню выбрала Лена.

Когда заиграла «Перемирие» «ВИА Гры», она вскочила с места и потащила Олю за собой. Я сначала осталась сидеть, но надолго меня не хватило.

Музыка заиграла — тот самый узнаваемый ритм. Лена запела первой. А потом начались танцы. Сначала Лена просто покачивалась в такт. Потом она дёрнула за руку Олю, и та, вздохнув, сделала шаг, другой, третий — и вдруг оказалось, что эта высокая, худощавая девушка умеет двигаться пластично и грациозно. Я танцевала с ними — как умею, не заученно, но в ритм.

Я давно не чувствовала себя настолько беззаботно. Наверное, поэтому заметила его не сразу.

Алексей сидел за столиком у стены — там, где свет падал не так ярко. В компании ещё пары мужчин и женщины. В тёмной рубашке, с бокалом, который почти не пил. И смотрел на нас. На меня.

Сердце пропустило удар — не испуганный, а какой-то

другой. Лёгкий. Неожиданный. Я не ожидала его увидеть. Но была рада. И сама не знала, правильно ли это.

— Ты чего? — спросила Лена, заметив, что я сбилась.

—Ничего, все хорошо, — ответила я, отвернувшись, как только наши взгляды пересеклись

Оля проследила за мной, но ничего не сказала. Только чуть приподняла бровь — жест, который означал: «Я всё вижу и потом спрошу».

Музыка закончилась. Мы поклонились. Я улыбнулась в зал, туда, где сидел он. Наши взгляды вновь встретились. Он чуть кивнул — медленно, без улыбки, но с чем-то тёплым в глазах. Я кивнула в ответ.

Мы сошли со сцены, и я села на своё место, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое и одновременно тревожное. Я всё никак не могла успокоиться. Внутри что-то трепетало — не страх, скорее волнение.

— Я сейчас, — сказала я, вставая. — Возьму ещё воды.

— Возьми мне колу, — попросила Лена.

Я подошла к стойке, сделала заказ и стала ждать, рассматривая бутылки на полках.

— Привет, — раздалось сбоку.

Я обернулась. Алексей стоял неподалёку. Не слишком близко. Видимо, заметил, как я напряглась, когда он подошёл, и остановился на расстоянии, не заставляя меня отступать самой.

Вблизи он выглядел чуть уставшим. Тёмные волосы ле-

жали небрежно, на лице появилась лёгкая щетина. Никакой особенной собранности, которую я почему-то успела ему приписать после вчерашнего вечера. Просто человек, который тоже пришёл провести вечер с друзьями.

— Привет, — ответила я и улыбнулась.— Не ожидала встретиться здесь.

— Я тоже не ожидал вас увидеть, — сказал он. — Застал Ваше выступление.Классно спели.

— Старались, — я чуть пожала плечами. — Иногда не попадали в ноты, но старались.

— Это было заметно, — он усмехнулся. — В хорошем смысле.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга, словно оба пытались решить, кто первым скажет что-нибудь, не имеющее отношения к вчерашнему вечеру.

— Как ты себя чувствуешь? Можно на ты? — спросил он.

— Конечно. Все нормально, — ответила я честно. — Немного трясло первое время, но сейчас уже забылось. Спасибо, что проводил. Я вчера толком не поблагодарила.

— Поблагодарила, — сказал он. — Дважды.

Бармен поставил передо мной воду и Ленину колу. Я взяла их в руки, но не торопилась уходить.

—Прости, не хотел тебя беспокоить сегодня, — сказал он. — Ты была напугана. Я подумал, что тебе нужно время, но не удержался и захотел удостоверится, что с тобой точно всё в порядке.

— Время для чего? — спросила я.

Он ничего не ответил на мой вопрос, но посмотрел в сторону нашего столика.

— Твои подруги, кажется, умеют веселиться. Мы с друзьями сидим вон там, — он кивнул на свой столик. — Места много. Если хотите — присоединяйтесь. Если нет — я пойму.

Он посмотрел на меня внимательно, и я увидела в его взгляде не давление, не флирт — просто предложение.

— Спасибо. Я подумаю.

— Хорошо, — он кивнул. — Я там.

Он развернулся и ушёл к своему столику. Я смотрела ему вслед и чувствовала странную смесь облегчения и разочарования. Он не настаивал. Он уважал моё право отказаться. Это было правильно — и от этого хотелось сказать "да".

— Ты чего так долго? — Лена выхватила у меня колу. — Мы уже думали, ты сбежала в закат с каким-нибудь незнакомцем.

— Почти.

Я села рядом и забрала стакан обратно. Пальцы почему-то соскользнули по холодному пластику. Пришлось перехватить его крепче.

— Разговаривала.

— С кем? — Оля посмотрела на меня.

Я открыла рот и не ответила. В горле пересохло, хотя ещё минуту назад я пила воду.

Вопрос прозвучал спокойно. Без любопытства, скорее как продолжение разговора, которого она до меня не слышала.

Я посмотрела на них обеих и поняла, что отмалчиваться не получится.

Можно было сказать «ни с кем», пожать плечами, перевести тему. Но Лена всё равно заметила бы. Оля — тем более. Они слишком давно меня знали, чтобы поверить в случайное «ничего».

— Я вчера была на пробежке…

Лена кивнула.

— В общем… там неприятная история произошла.

Она сразу перестала улыбаться. Оля тоже отложила телефон.

— Это связано с тем мужчиной, с которым ты разговаривала?

Я кивнула и провела пальцем по влажному боку стакана.

— Двое мужчин подошли. Пьяные. Я уже собиралась уходить, когда один схватил меня за руку.

Последнюю фразу я произнесла быстрее остальных.И замолчала.

Лена смотрела на меня, не моргая.

— И?

— И ничего. Появился Алексей и буквально спас меня,— я кивнула в сторону его столика.

— Кто такие? — спросила Лена.

— Не знаю.

— Ты их раньше видела?

— Нет.

— Они что-нибудь…

Оля тихо произнесла её имя:

— Лена.

Та замолчала.

Я была ей благодарна.Не хотелось отвечать на этот вопрос. Даже если ответ был коротким.

— Он проводил меня домой, — сказала я. — Всё.

Лена отвела взгляд, несколько секунд смотрела на стол, потом взяла свою колу и сделала глоток, хотя трубочка так и осталась между пальцами.

— Почему ты нам не рассказала?

— Не хотела портить вечер.

— Жень.

— Что?

— Ты сейчас серьёзно?

Я посмотрела на неё.

Она уже не злилась. Скорее пыталась понять, как можно было промолчать о таком и ещё считать это нормальным.

— Я сама не хотела об этом говорить, — призналась я. — И сейчас тоже не очень хочу.

Несколько секунд никто ничего не говорил.

Музыка за стеной продолжала играть, кто-то в соседнем зале слишком громко смеялся, официант прошёл мимо с подносом. Обычный вечер продолжал двигаться своим че-

редом, будто ничего не случилось.

Оля повернулась ко мне.

— И что он сейчас хотел?

— Спросил, как я. Пригласил присоединиться к их компании.

— И ты согласилась?

— Нет.

Я покачала головой, снова посмотрев в сторону соседнего столика.

— Сказала, что подумаю.

— А о чём тут думать? — Лена пожала плечами.

Я посмотрела на неё.

— Не знаю.

— Опять.

— А что я должна сказать?

— Да хоть что-нибудь определённое.

Лена уже открыла рот, но Оля остановила её взглядом.

— Не дави.

— Я не давлю.

— Давишь.

Лена закатила глаза и откинулась на спинку дивана.

— Ладно. Я молчу.

Я усмехнулась, но улыбка быстро сошла сама собой.

На самом деле я действительно не знала, что делать.

Если бы Алексей просто подошёл сегодня вечером и предложил встретиться, всё было бы намного проще. Можно бы-

ло бы решить, нравится он мне или нет, хочу я продолжать это знакомство или предпочту забыть о нём.

Но после вчерашнего всё ощущалось иначе.

Я помнила, как он стоял рядом с Лу на той тёмной дорожке. Помнила его голос.И почему-то именно это сейчас мешало мне отнестись к нему как к обычному незнакомому мужчине.

— Ты ведь хочешь пойти, — сказала Оля.

Я повернулась к ней.

— Почему ты так решила?

— Потому что если бы не хотела, ты бы уже сказала «нет».

Я хотела возразить, но не нашла чем.

Лена кивнула:

— Вот и я о том же.

— Это не значит, что я хочу.

— Конечно, — спокойно согласилась Оля. — Просто значит, что ты сама ещё не решила.

Я провела пальцем по краю стакана. Стекло неприятно скрипнул под ногтем.

— А если я пойду и потом пожалею?

— Тогда уйдём.

— А если он решит…

Я осеклась.

— Что?

— Ничего.

Оля посмотрела на меня внимательнее.

— Жень, после вчерашнего ты имеешь право передумать в любой момент. Даже если сама первая согласилась. Даже если уже села за их стол. Даже если через пять минут просто захочешь домой.

Я кивнула.

Почему-то от этих слов напряжение в плечах немного отпустило.

— Хорошо.

— Это что, согласие? — спросила Лена.

— Это значит, что я услышала.

Оля взяла телефон и мельком посмотрела на экран.

— Тогда пойдём.

— Прямо сейчас?

— А чего ждать?

Я посмотрела на неё, потом снова туда, где сидел Алексей.

Он разговаривал с одним из мужчин, время от времени делая глоток из бокала. Наш столик находился совсем недалеко, но мне вдруг показалось, что между нами гораздо больше пространства, чем было на самом деле.

— Давайте просто ненадолго, — сказала я.

— Конечно.

Лена первой поднялась.

Оля последовала за ней, а я задержалась ещё на секунду. Взяла со стола телефон, убрала его в сумку и только потом встала.

— Идём, — сказала Лена.

Я кивнула.
Мы двинулись к соседнему столику втроём.

Глава 4

Я шла последней. Старалась смотреть перед собой, но всё равно несколько раз ловила себя на том, что проверяю, где находится Алексей. Наверное, вчерашний вечер ещё не закончился для меня окончательно. Просто сегодня вокруг было слишком много света, музыки и людей, чтобы это сразу заметить.

Мы подошли к столику, и Алексей сразу поднялся нам навстречу. На его лице появилась та же спокойная улыбка, которую я уже успела запомнить, хотя прошел всего день с нашей первой встречи.

Наверное, именно поэтому мне стало чуть легче. Я уже знала этот взгляд. Странно было вообще замечать такие вещи после знакомства с человеком всего день назад, но после вчерашнего я начала обращать внимание на расстояние между собой и другими людьми почти машинально.

— Наконец-то. А я уже решил, что вы передумали.

— Мы действительно почти передумали, — ответила Лена. — Но Женя сказала, что будет невежливо отказывать человеку, который нас пригласил.

Я повернула к ней голову.

— Я такого не говорила.

— Но могла бы.

Алексей усмехнулся и отодвинул свободный стул.

— Хорошо, будем считать, что мне повезло.

Рядом с ним сидела девушка, которую я раньше не замечала. Она улыбнулась, когда наши взгляды встретились.

— Я Марина.

— Женя.

Она протянула руку, и я пожала её. Рукопожатие оказалось неожиданно крепким для девушки. Я почему-то отметила это, как отмечала последнее время всё подряд: кто как стоит, куда смотрит, насколько близко подходит. Раньше я могла не заметить половины таких вещей. Теперь они будто сами попадали в поле зрения.

—Вы отлично спели.

Она сидела, слегка откинувшись на спинку дивана, и держала в руках бокал с чем-то прозрачным — кажется, просто водой. Её нельзя было назвать худенькой—скорее мягкой, с теми округлыми формами, которые делают женщину уютной, как хорошо выглаженная простыня. Роста она была невысокого—даже сидя это было заметно, —но при этом в ней чувствовалась какая-то внутренняя собранность, которая не давала ей казаться маленькой.

Больше всего я обратила внимание на её лицо. Серые глаза с длинными тёмными ресницами - смотрели на меня с искренним любопытством, без той нарочитой вежливости, которая обычно бывает при знакомстве. Пухлы губы, каштановые волосы были собраны в небрежный низкий пучок, из которого выбилось несколько прядей, обрамляющих лицо.

В ней не было вычурности. Никакой броской красоты, никаких кричащих деталей. Но она была красивой той тихой, вечерней красотой, которую замечаешь не сразу, а потом уже не можешь отвести взгляд.

— Лена, — моя подруга тут же протянула ей руку, словно мы находились не в караоке, а на каком-то официальном мероприятии. — А это Оля.

— Я вообще-то сама умею представляться, — спокойно сказала Оля.

— Знаю.Кто-то должен поддерживать разговор.

Оля посмотрела на неё с выражением человека, который давно привык к подобным выпадам и уже не видит смысла тратить на них силы.

— Лена считает, что тишина — это личное оскорбление, — пояснила она Марине.

— Неправда.

Марина рассмеялась, и Лена довольно улыбнулась, будто именно этого и добивалась.

—Ты всегда такая энергичная?

— Лена? —Оля кивнула. —Всегда. Иногда я думаю, что она подключается к розетке по ночам.

Я тоже улыбнулась. В этом было что-то привычное. С Леной всегда так: она могла заговорить с человеком, которого видела впервые, так, будто они вчера вместе ездили в автобусе и уже успели поругаться из-за места у окна. Иногда я ей завидовала. Мне бы никогда не пришло в голову просто

взять и начать разговаривать, не подумав сначала, что сказать, как это прозвучит и не покажусь ли я глупой.

— Хорошо, — сказала Марина. — Кажется, вы давно дружите.

— С пятого класса, — ответила я.

— А-а, тогда понятно.

— Что именно?

— Почему вы понимаете друг друга с полуслова.

Я хотела сказать, что иногда мы друг друга понимаем вовсе не с полуслова, а после пяти минут спора, но Лена уже переключилась на остальных.

— У нас в компании тоже есть такой человек, — она кивнула в сторону одного из мужчин,— мой брат. Только он не поёт, а говорит без остановки. Мы уже привыкли.

— Антон. — Представился парень и снова вернулся к экрану.

Высокий, даже сидя это было заметно, с широкими плечами и той расслабленной, уверенной осанкой, которая бывает у людей, привыкших к своему телу и знающих, что оно умеет. Короткая стрижка, пепельные волосы, светлые, с холодным оттенком, были чуть длиннее на макушке, но не настолько, чтобы их можно было уложить. Лёгкая небритость, переходящая в аккуратную светлую бороду, обрамляла подбородок и скулы, делая лицо более мужественным, но не жёстким.

Он поднял голову вновь, и я встретилась с ним взглядом.

Глаза - светлые, серо-голубые, с тёплым, спокойным выражением — смотрели внимательно, но без навязчивости.

Лена моргнула.

— И всё?

Он посмотрел на неё.

— А что ещё?

— Не знаю. Имя, профессия, семейное положение, группа крови.

— Ты всем это спрашиваешь при знакомстве?

— Только тем, кто так односложно отвечает.

Уголок его губ дрогнул.

— Тогда придётся отвечать подробнее.

— Вот, с этого и надо было сразу начинать.

Я невольно улыбнулась.

Лена даже не заметила, что уже добилась своего. Или заметила, но сделала вид, что нет. С ней никогда нельзя было понять, где заканчивается обычный разговор и начинается её игра с человеком. Наверное, поэтому она так легко знакомилась. Ей не нужно было заранее знать, понравится ей человек или нет. Она просто проверяла.

Последним представился Максим. Он сидел напротив и до этого почти не участвовал в разговоре, только время от времени посматривал на остальных.

Чёрные волосы , густые, с лёгкой волной были коротко подстрижены по бокам, но спереди, надо лбом, вились в мягких, небрежных кудрях, которые падали на лоб, когда он на-

клонял голову. Он постоянно откидывал их назад.

Щетина, тёмная, почти чёрная, покрывала подбородок и скулы, переходя в небольшую аккуратную бороду, которая делала его лицо более жёстким, но при этом не грубым. Кожа была загорелой , ровного тёплого оттенка, который бывает у людей, проводящих много времени на солнце или просто с хорошей генетикой. Карие глаза тёмные, глубокие, с длинными ресницами А потом я заметила татуировку. Она начиналась где-то за воротом кофты и поднималась на шею - чёрные, тонкие линии, складывающиеся в замысловатый узор. Я не могла рассмотреть, что именно изображено, но это было красиво - не крикливо, не вызывающе, а так, будто это всегда было частью его. На запястьях—несколько браслетов: один кожаный, плетёный, один тонкий металлический, и ещё один — из чёрных бусин, который тихо позвякивал, когда Максим двигал рукой.

— Очень приятно, — сказала Лена.

Она произнесла это совершенно обычным тоном, но почему-то сразу после этого поправила волосы. Я посмотрела на неё и едва заметно усмехнулась. Ну конечно.Лена поймала мой взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Почему ты так смотришь?

Максим, кажется, слышал наш обмен репликами, потому что посмотрел сначала на Лену, потом на меня, но ничего не

сказал.

Я отвернулась, чтобы не рассмеяться. Лена могла сколько угодно делать вид, что ничего не происходит, но я знала её слишком хорошо. Если она начинала поправлять волосы, хотя они и так лежали нормально, всё было понятно.

Алексей тем временем сел обратно.

— Ну что, садитесь. Не будете же вы всё время стоять.

Мы расселись. Лена, выбрала место рядом с Максимом. Оля устроилась с краю, рядом с Антоном, а мне осталось свободное место возле Алексея.

На секунду я задержалась. Не потому, что не хотела садиться рядом. Скорее потому, что сама заметила эту мысль и не знала, что с ней делать.

Я села, положив сумку на колени, и только тогда поняла, что всё это время держала её слишком крепко. Разжала пальцы. На ладони остались тонкие следы от ремешка.

— Вы сами выбирали такие песни? — спросила Марина.

— Лена выбирала, — ответила я.

— Неправда, — возмутилась Лена. — Я только предложила.

— Ты предложила двенадцать песен. — Сказала Оля.

— Значит, у меня хороший вкус.

— Или много свободного времени, — заметил Антон.

— А ты уже начинаешь мне нравиться.

— Я старался.

Разговор за столом постепенно стал общим. Кто-то вспо-

минал предыдущего исполнителя, кто-то спорил, какую песню поставить следующей. Люди перебивали друг друга, смеялись, кто-то уже успел позвать официанта. Музыка из зала то становилась громче, то снова уходила на второй план.

Напряжение, с которым я подходила сюда, незаметно ослабло.Я не сразу это поняла. Наверное, потому, что всё происходило слишком обычно. Никто не спрашивал, почему я такая молчаливая. Никто не пытался вытянуть из меня разговор. Никто не смотрел на меня так, будто я должна соответствовать какому-то представлению о себе. Я могла сидеть, слушать, иногда отвечать, иногда просто улыбаться. После вчерашнего это казалось почти роскошью — возможность просто сидеть рядом с людьми и не ждать, что через секунду что-нибудь случится.

Марина рассказала, что работает иллюстратором.

— Для детских книг, — уточнила она. — В основном для подростков.

— Серьёзно? — я сразу заинтересовалась. — А что именно рисуешь?

— Всё зависит от заказа. Персонажей, обложки, иногда целые развороты. Но мне нравится. Я умею только рисовать и пить кофе. А за это, оказывается, платят.

— Ты скромничаешь, — вставил Антон, не поднимая головы. — Ее книги выходят в трех издательствах.

— Антон, — Марина закатила глаза, но беззлобно. — Ты обещал не говорить.

— Я обещал не говорить только о твоих гонорарах. Я помню.

Лена, сидевшая напротив, подалась вперед:

— Ты серьезно? В трех издательствах? Это же круто!

— Это называется "не умею отказывать", — улыбнулась Марина. — Но я люблю свою работу. Даже когда она заставляет меня перерисовывать одну и ту же иллюстрацию в пятый раз.

— А ты не хочешь рисовать для себя? — спросила я. — Просто так?

Она посмотрела на меня внимательно, и я поняла, что она услышала в моем вопросе что-то личное.

— Хочу, — сказала она. — И иногда рисую. Но для себя — это сложнее. Потому что это не оплачивается.

Я улыбнулась, и в этой улыбке было что-то родное.

Лена рассмеялась, а Марина покачала головой, словно давно привыкла к подобным разговорам и уже не пыталась в них победить. Оля тоже улыбнулась, хотя едва заметно — только уголком губ, как делала всегда, когда ей действительно было смешно.

Я слушала их и постепенно переставала чувствовать себя чужой. Вначале казалось, что мы просто случайно подсели к людям, которые давно знают друг друга и могут позволить себе шутить без объяснений. Но уже через несколько минут разговор перестал делиться на «их» и «наш».

— А ты тоже рисуешь? — спросила Марина, снова обра-

щаясь ко мне.

— Иногда. Скорее, делаю вид, что рисую.

— Это как?

— Беру заказ, уверенно говорю, что всё будет готово через три дня, а потом в течение двух ночей выясняю, что понятия не имею, как изобразить то, что от меня хотят.

— Знакомо, — кивнула она. — Самое сложное в работе — не рисовать. Самое сложное — убедить человека, что ты уже закончила.

— Или что ты поняла, чего он хочет, — добавила я.

— Особенно если он сам не понял.

— Особенно если он присылает фотографию, на которой ничего не видно, и пишет: «Сделайте как здесь».

— Да! — Марина ткнула в меня пальцем. — А потом выясняется, что «как здесь» — это не стиль, не композиция и даже не цвет.

Мы обе засмеялись. Я заметила, как Алексей посмотрел на меня, и на этот раз не стала сразу отводить взгляд. Он сидел, чуть развернувшись в мою сторону, положив локоть на спинку стула. В его лице не было ничего особенного — спокойное внимание, едва заметная улыбка, сдержанность. Но я всё равно почувствовала, как внутри что-то сбилось, будто я на секунду потеряла нить разговора.

— А ты что рисуешь? — спросил он.

— Всё подряд. Портреты, иллюстрации, иногда какие-то обложки. Что заказывают.

— И тебе нравится?

Вопрос был простым, но я почему-то не ответила сразу. Перед глазами мелькнули мои последние работы, открытые на ноутбуке, сообщения заказчиц, бесконечные правки и часы, проведённые над деталями, которые никто, кроме меня, скорее всего, никогда не заметит.

— Когда получается и когда платят— да, — сказала я наконец.

Антон поднялся и потянулся — в этом жесте была та ленивая грация крупного мужчины, который знает, как выглядит со стороны.

— Давайте еще песню, — сказал он. — Я сегодня решил разбудить в себе вокалиста.

— Боже, — буркнул Максим. — У него вокалист просыпается только после третьего бокала.

— Значит, надо наверстать, — Антон плеснул себе вина, сделал глоток. — Не догонишь — проиграешь.

— Что мы проиграем? — спросила Лена, подаваясь вперед. В ее голосе звучала та искренняя, почти детская жажда приключений, которая заставляла ее ввязываться во все авантюры.

— Право выбирать следующую песню, — ответил Антон, глядя на нее. — Проигравший поет то, что выберет победитель.

— Это нечестно, — встряла я. — Ты пьешь вино. У тебя допинг.

— Я пью, чтобы расслабиться. А вы и так расслаблены, — он усмехнулся. — Это называется гандикап.

Максим поднял голову и посмотрел на Антона с ленивым интересом.

— Ну же — Антон развел руками. — Это караоке, а не собрание анонимных алкоголиков.

Лена уже вскочила, и я видела, как она бросила взгляд на Максима — быстрый, проверяющий. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на нее с той спокойной улыбкой, которая у него была вместо слов.

— Идем, — сказала Лена и дернула меня за руку. — Оль, ты с нами?

— Я пас, — ответила Оля, и в ее голосе не было сомнений. — Я сегодня уже спела. Хватит.

— Трусиха, — фыркнула Лена, но не настаивала.

Антон уже стоял у сцены, переговариваясь с ведущим. Я видела, как он что-то пишет на листке — размашисто, уверенно.

Лена взлетела на сцену, схватила микрофон, и зал загудел. Она была в своей стихии — яркая, громкая, неуправляемая. Музыка заиграла, и она запела. Плохо. Но с такой самоотдачей, что это переставало иметь значение.

Антон стоял рядом и, когда Лена сбилась на припеве, подхватил — низко, хрипловато, вразрез с мелодией. Это было не красиво, но это было смешно. Лена обернулась, ткнула его локтем, и он улыбнулся — не той вежливой улыбкой, ко-

торой улыбаются незнакомым, а настоящей, почти мальчишеской.

Максим смотрел на них снизу вверх, и я заметила, как он отложил свой бокал и чуть подался вперед, словно хотел быть ближе к этой сцене.

Песня закончилась, Лена спрыгнула со сцены и рухнула на стул рядом с Максимом.

— Я умираю, — сказала она, хватая свой стакан с колой.

— Ты пела хорошо, — сказал Максим, и в его голосе не было ни капли иронии.

— Ты врешь, — усмехнулась Лена.

— Я не вру, — ответил он. — Ты пела ,действительно, хорошо.

Лена замерла на секунду, глядя на него. Потом улыбнулась — той улыбкой, которую я редко видела на ее лице. Не ослепительной, не громкой. Тихой.

— Спасибо, — сказала она.

Антон подошел к столу и сел рядом с Олей. Она чуть подвинулась, освобождая ему место, и я видела, что это движение было неосознанным — просто тело само сделало выбор.

— Ты не пожалела, что не пошла? — спросил он.

— Нет, — ответила Оля. — Я не люблю быть в центре внимания.

— А что ты любишь?

Она посмотрела на него. Прямо.

— Слушать, — сказала она. — И наблюдать.

— Очень стратегически верно, особенно, но это не ответ.

Он кивнул, словно соглашаясь.

— Тогда я посижу рядом и буду молчать. Чтобы ты могла послушать тишину и понаблюдать.

Оля не ответила. Но она не ушла.

— Вот теперь мне интересно, как вы вообще познакомились, — внезапно сказала Оля.

На несколько секунд разговор переключился на них. Кто-то начал рассказывать историю, кто-то перебивал, Максим поправлял детали, а Марина несколько раз пыталась вернуть разговор к первоначальной версии, безуспешно.

Я слушала вполуха. Мне было интересно, но мысли то и дело возвращались к тому, что происходило ещё несколько часов назад. Мне просто хотелось, чтобы вчерашний вечер перестал быть главным событием последних двух дней. Хотелось снова смеяться над Леной, слушать Олины замечания и спорить из-за песен, а не прокручивать в голове одну и ту же сцену. И пока это работало.

Рядом Алексей почти не вмешивался. Он больше слушал, иногда бросал короткие реплики, от которых остальные смеялись, и время от времени переводил взгляд на меня. В какой-то момент я заметила, что он смотрит. Мы встретились глазами. Я первой отвела взгляд и сделала глоток, хотя пить совсем не хотелось.Ничего особенного. Просто посмотрел. Я сама не поняла, почему от этой мысли стало неловко.

— Думаю, — сказала я, — что этот вечер оказался лучше,

чем я планировала.

— Из-за песен?

— Если бы всё зависело от песен, мы бы уже вызывали сюда священника, чтобы изгнать из колонок Антона.

Алексей усмехнулся и посмотрел в сторону сцены, где Антон в очередной раз пытался доказать ведущему, что выбранная композиция не соответствует оригинальной тональности.

Я сидела рядом с Алексеем. Наш уголок за столом казался отдельным маленьким миром: здесь говорили тихо и никуда не спешили. В отличие от остальной части зала, где Антон уже пытался доказать ведущему, что знает музыку лучше него, хотя, судя по всему, не знал даже, где находится нужная кнопка на микрофоне.

За столом Лена что-то доказывала Максиму, размахивая трубочкой от колы. Оля слушала их с выражением человека, который уже понял, чем закончится спор, но не собирался никого спасать. Марина показывала Оле что-то в телефоне.

— Так что именно сделало этот вечер лучше? — спросил Алексей.

— Компания.

— Это достаточно дипломатичный ответ.

— А ты рассчитывал на признание в любви к караоке?

— Я рассчитывал хотя бы на честность.

— Тогда придётся разочаровать. Я не люблю караоке.

— Я заметил.

Я повернулась к нему.

— Правда?

— Нет. Но ты очень убедительно это сказала.

Я усмехнулась, начинала отвечать серьёзно, а через несколько секунд уже ловила себя на улыбке. Рядом с ним почему-то не приходилось заранее придумывать правильную реакцию или следить за каждым словом. Он не требовал от разговора какого-то определённого результата, и можно было просто говорить. Иногда даже не опасаясь, что тебя немедленно попросят объяснить смысл жизни, хотя по его лицу было видно: если попросить, он, скорее всего, начнёт задавать уточняющие вопросы.

— А ты всегда так быстро меняешь мнение о людях? — спросил он.

— Нет.

— Тогда мне особенно приятно.

— Не обольщайся. Я ещё не решила, что о тебе думаю.

— А что мешает?

Я посмотрела на стол, где Антон уже пытался отнять у Лены микрофон.

— Слишком мало информации.

— Ты собираешь информацию? И что уже успела?

Я сделала вид, что задумалась.

— Ты умеешь отвечать на вопросы, ничего не говоря.

— Это всего лишь полезный навык. — Пожал он плечами.

— Для кого?

— Для человека, которому задают слишком много вопросов.

— Я задала всего два. — Возмутилась я.

— Пока.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Как? — уточнил Алесей.

— Будто оставляешь себе запасной выход из каждой фразы.

Он чуть откинулся на спинку стула и посмотрел на меня внимательнее.

— А ты всегда пытаешься найти в чужих словах то, чего там может не быть?

— Только если человек сам оставляет достаточно места для догадок.

— Может быть, я просто не люблю говорить больше, чем действительно думаю.

— Или не любишь, когда тебя понимают слишком быстро?

На этот раз он не ответил сразу.

Вокруг продолжался шум: кто-то смеялся у стойки, ведущий объявлял следующую песню. Но между нами вдруг возникла пауза, слишком заметная для обычного разговора.

— А ты любишь, когда тебя понимают? — спросил он.

— Нет. Потому что люди обычно понимают не тебя, а собственную версию тебя. А потом обижаются, если ты ей не соответствуешь.

— Я не уверен, что это всегда плохо.

— Когда тебя понимают неправильно? — уточнила я.

— Иногда человеку проще жить с чужой ошибкой, чем каждый раз доказывать правду.

— Это очень удобная позиция.

— А ты предпочитаешь всё объяснять? — Спросил мой собеседник, сделав очередные глоток.

— Нет. Но если человек решил, что знает меня лучше меня самой, я хотя бы хочу понять, на чём он основывается.

— Чтобы переубедить?

— Чтобы решить, стоит ли вообще тратить на него время.Потому что если начать объяснять себя каждому, кто придумал обо мне историю, можно однажды обнаружить, что собственной жизни у тебя уже не осталось. Только бесконечные пояснения.

— Вот теперь звучит честно.

— А до этого я притворялась?

— До этого ты старалась звучать разумно.

— А сейчас? — Спросила я.

— Сейчас ты злишься.

Я посмотрела на него.

— Ты слишком быстро делаешь выводы.

— Я не делаю вывод. Я проверяю реакцию.

— И что она тебе сказала?

— Что попал близко.

— Или что ты раздражаешь. — коротко ответов я.

— Это тоже возможно. — Улыбнулся Алексей.

— Тебя не пугает, что ты можешь ошибаться?

— Пугает. Но ещё больше пугает уверенность человека, который никогда не допускает такой возможности.

Я невольно улыбнулась.

— Ты сейчас говоришь о себе?

— В том числе. — Кивнул он.

— Значит, ты всё-таки ошибаешься.

— Регулярно.

— И как с этим живёшь?

— Иногда тяжело. Особенно когда уже успел убедить всех, что знаешь, что делаешь.

— А потом?

— Потом приходится выбирать: признать ошибку или продолжать играть человека, который всё контролирует.

— И что ты выбираешь?

— Зависит от того, кто рядом.

— Почему?

— Потому что не каждому хочется показывать, что ты не так уверен, как пытаешься выглядеть.

Я не сразу нашла ответ. В его голосе не было ни жалобы, ни желания вызвать сочувствие. Он просто сказал это, будто признал факт, который давно перестал отрицать.

Я отвела взгляд первой.

Мне действительно хотелось узнать о нём больше, хотя я не могла объяснить, зачем. Он сидел рядом, шутил с моими

друзьями и почему-то казался частью этого вечера.

Слишком быстро.

— А если серьёзно? — спросила я.

— Что именно тебя интересует?

Вопрос прозвучал спокойно, но будто оставлял выбор за мной. Я могла спросить о работе, друзьях, его жизни за пределами этого вечера. Но всё это звучало слишком прямо. А я не собиралась устраивать ему допрос с лампой в лицо. По крайней мере, пока.

— Ты давно здесь живёшь?

— Достаточно давно, чтобы знать, где по вечерам лучше не гулять.

Я опустила взгляд.

— Я не это имел в виду, — добавил он опомнившись.

— Ты не очень удачно сформулировал.

— Значит, виноват.

— Уже ближе к правде.

Он улыбнулся, но спорить не стал.

— А ты всегда приходишь в караоке с такой компанией? — спросила я.

— С какой?

— С громкой.

— Это ещё не громкая. — Улыбнулся Алексей.

Я посмотрела на Антона, который стоял возле сцены и что-то объяснял ведущему. Судя по жестам, он либо требовал заменить песню, либо объявлял себя новым директором

заведения.

— Тогда мне страшно представить обычный вечер.

— Обычно мы хотя бы не поём.

— Лена уже испортила вам репутацию?

— Она только начала.

— Я всё слышу! — крикнула Лена, не оборачиваясь.

— Видишь? — сказал Алексей. — У неё хороший слух.

Лена вернулась к столу, довольная собой, а Максим шёл следом с двумя микрофонами. Она что-то говорила ему, активно жестикулируя, а он слушал, чуть склонив голову.

— А ты чем занимаешься? — тут же спросила Лена, повернувшись к Алексею. — И не говори, что у тебя скучная работа. Только нормально расскажи. Не одним словом, пожалуйста. Я сегодня не готова разгадывать загадки и строить карьерную биографию по выражению лица.

— Работаю.

— Алексей, — Лена медленно выдохнула, — ты сейчас специально?

— В каком смысле?

— В прямом. Я задаю тебе вопрос, ты отвечаешь так, будто мы случайно встретились в лифте, а у тебя между этажами осталось ровно три секунды на разговор.

— Я ответил.

— Формально — да. По существу — нет.

— Я не знал, что прохожу собеседование.

— Не переживай. На собеседовании я была бы гораздо

добрее.

— Это угроза?

— Предупреждение.

Алексей чуть улыбнулся и поставил стакан на стол.

— Я занимаюсь историей.

— Уже интереснее, — сказала Лена. — Только не говори, что ты историк.

— Почему? Это звучит слишком скучно?

— Нет. Просто я ожидала чего-то более…

— Например?

— Не знаю. Что-нибудь вроде «работаю под прикрытием», «ищу древние артефакты» или «по вторникам спасаю мир».

— По вторникам я обычно занят.

Максим усмехнулся.

— Она, похоже, всех проверяет.

— Я просто задаю вопросы, — возразила Лена. — В отличие от некоторых, я пытаюсь узнать, с кем сижу за одним столом.

— И как успехи? — спросил Алексей.

— Пока неоднозначные.

— Это мягкий способ сказать, что я тебе не понравился?

— Нет. Если бы ты мне не понравился, я бы сказала прямо.

— А сейчас ты просто создаёшь интригу?

— Сейчас я даю тебе возможность исправить первое впе-

чатление. — Сказала Лена, сделав глоток и взглянув на меня.

— Не знал, что оно нуждается в исправлении.

— Большинство мужчин этого не знают. В этом и заключается проблема.

Алексей посмотрел на неё внимательнее.

— А ты всем мужчинам помогаешь производить правильное впечатление?—Приподняв одну бровь, ухмыльнулся Алексей.

— Только тем, кто выглядит так, будто сам с этим не справится.

— Тогда мне повезло.

— Не спеши радоваться. Я беру дорого.

— Деньгами или нервами?

— Пока не решила.

Оля тихо засмеялась, а Лена довольно откинулась на спинку дивана. Ей явно понравилось, что Алексей наконец перестал отвечать короткими фразами и начал играть по её правилам.

Хотя, судя по выражению его лица, правила он уже успел немного изменить под себя.

— А если серьёзно, — продолжила Лена. — Что именно связано с историей? Ты преподаёшь? Пишешь? Работаешь в музее? Или сидишь в архиве и злишься на людей, которые неправильно складывают документы?

— Последнее звучит наиболее правдоподобно, — сказал Алексей.

— То есть я угадала?

— Нет. Но ты довольно близко описала характер. Я занимаюсь исследовательской работой. Исторические документы, архивы, материалы. Иногда приходится разбираться в том, что люди написали сто или двести лет назад и почему решили, что через столько времени это будет кому-то понятно.

Лена немного оживилась.

— Вот. А сразу нельзя было сказать что-нибудь подобное? А то «работаю» звучит так, будто ты просто приходишь куда-то, сидишь восемь часов и ждёшь, когда тебя отпустят.

— Иногда примерно так и происходит. Я стараюсь не создавать ложных ожиданий.

— А я уже создала, — ответила Лена. — По твоему лицу решила совсем другое.

— С лицами у тебя, видимо, сложнее, чем с вопросами.

Максим тихо рассмеялся. Лена бросила на него недовольный взгляд, но спорить не стала.

Я слушала их вполуха, время от времени поглядывая на сцену. В зале становилось всё шумнее: кто-то выбирал следующую песню, кто-то уже пел не попадая в ноты, а официант пытался протиснуться между столиками с подносом. Музыка смешивалась с голосами, и от этого разговор за нашим столом казался каким-то отдельным, почти спокойным.

Алексей не старался понравиться Лене. Не пытался перекричать её или специально показать себя остроумным. Он

просто отвечал спокойно, иногда сухо, иногда с сарказмом.

— С ней никогда не бывает скучно, но иногда хочется, чтобы она хотя бы пять минут помолчала. — первой заговорила я.

— Судя по последним десяти минутам, это невыполнимая задача.

— Она может. Просто не считает нужным.

Лена, будто услышала своё имя, резко повернула голову.

— Я всё слышу.

— Мы и не старались говорить тише, — ответила я.

— Очень мило. Обсуждать человека, который находится в двух метрах. — Фыркнула Лена.

— Ты сама постоянно говоришь, что честность — главное.

— Я говорю, что главное — говорить правду в лицо. А не за спиной.

— Мы как раз и говорим в лицо. — ответил мужчина.

Лена посмотрела на меня, потом на Алексея.

— Вы быстро объединились.

Максим снова тихо рассмеялся. Лена посмотрела на него с подозрением, но спорить с Алексеем не стала. Только забрала у него со стола салфетку и бросила в Максима, который даже не попытался увернуться.

Я улыбнулась, глядя на них. В компании всё происходило как-то легко. Никто не обижался всерьёз, даже когда цепляли друг друга. Всё превращалось в очередную шутку, спор.

В этот момент официант поставил на стол несколько новых стаканов. Пришлось подвинуть свой, чтобы освободить место. Алексей молча убрал в сторону пульт, лежавший возле его руки, и придержал тарелку, чтобы она не сдвинулась к краю. Официант ушёл. Лена, удовлетворившись ответами Алексея, наконец переключилась на Максима — что-то ему доказывала, а он слушал, склонив голову, и в его тёмных глазах пряталась улыбка.

За столом стало шумнее. Антон вернулся из бара и что-то громко объяснял Оле, которая кивала с таким видом, будто уже слышала эту историю трижды и не собиралась признаваться, что слушает впервые. Марина листала телефон, что-то увлечено печатая.

Алексей повернулся ко мне. Не всем корпусом, а чуть — так, чтобы нас не втянули в общий разговор.

— Значит, история, — сказала я, чтобы вернуть разговор в какое-то русло. — Ты сидишь в архивах и читаешь чужие письма двухсотлетней давности?

Он чуть усмехнулся — невесело, скорее как человек, который слышал эту фразу слишком много раз.

— Нет. Не сижу.

— А что тогда?

Он помолчал. Посмотрел на стол, потом на сцену, где кто-то пытался петь что-то из восьмидесятых. Потом снова на меня.

— Я работаю с людьми. С теми, кто ещё помнит. И с теми,

кто хочет понять.

— Это как?

— Я объясняю. Иногда — то, что написано в книгах. Иногда — то, что в книгах не пишут. Почему люди поступали так, а не иначе. Почему одно и то же событие для одного — подвиг, а для другого — трагедия. Почему прошлое никогда не заканчивается.

— Звучит как работа учителя.

Он не ответил сразу. Только чуть улыбнулся — уголком губ, — и в этой улыбке было что-то, что я не смогла расшифровать.

— Можно и так сказать.

Я слушала и чувствовала, как что-то в его словах цепляет. Не смысл — интонация. Он говорил об этом так, будто это было не работой, а чем-то большим. Чем-то, что он выбрал сам, а не просто получил по распределению.

— А ты? — спросил он. — Как ты к пришла к своей работе?

Я задумалась. Вопрос был простой, но ответ на него я никогда не формулировала.

— В детстве рисовала всё подряд. Потом это стало... способом не думать о других вещах. А потом кто-то попросил нарисовать ему обложку для группы. Я сделала. Ему понравилось. Он заплатил. Я поняла, что могу.

— И теперь это твоя работа.

— Не совсем. Скорее — то, что мне нравится и приносит

деньги. Но иногда я рисую для себя.

Он не сказал «интересно». Не сказал «круто». Просто кивнул и отпил из бокала.

Я поставила стакан на стол и повернулась к Алексею. Музыка на фоне стихла, и в образовавшейся паузе разговор за нашим столом стал слышнее.

— А вы между собой давно знакомы? — спросила я.

Алексей немного подумал, будто прикидывал, с какого момента правильнее считать.

— С Максимом с детства. Мы в одном дворе жили.

— Серьёзно?

— Вместе учились в начальной школе. Потом я уехал. Но связь не теряли. Иногда переписывались, иногда встречались, когда получалось.

Я посмотрела на Максима. Тот сидел, откинувшись на диван, и что-то доказывал Лене, размахивая телефоном.

— А с Мариной и Антоном?

— С Мариной через Максима. Уже здесь, когда вернулся. С Антоном тоже. Они почти всегда вместе, поэтому одно знакомство быстро переросло в другое.

— А ты давно вернулся?

Алексей взял стакан со стола, но пить не стал. Несколько секунд просто покрутил его в руке, разглядывая лёд, который медленно таял в напитке.

— Три месяца назад.

— Что сподвигло?

Он посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на сцену.

— Моя семья переехала, когда я был ребёнком. Отец получил работу в другом городе, и мы уехали почти сразу. И вот сейчас решил вернуться. Хотя, скорее, так сложилось. Появилась возможность, работа тоже подвернулась. Подумал, почему бы и нет.

— И как тебе?

— Пока нормально. Я здесь всего ничего. Рано делать выводы.

— Но ты же здесь раньше жил.

— В детстве. Тогда меня больше интересовало, где можно кататься на велосипеде, а не насколько удобный город для жизни.

— И где ты катался?

— Во дворе, за школой, по соседним улицам. Один раз уехал слишком далеко и потом полдня искал дорогу обратно. Поэтому, когда я вернулся, первым делом проверил, помню ли ещё, где находится дом.

— И?

— Дом на месте. Уже неплохо.

Я улыбнулась, глядя на него.

— А сам город сильно изменился?

— Местами. Где-то построили новые дома, где-то всё осталось почти так же. Двор, правда, теперь выглядит меньше.

— Это потому что ты вырос.

— Скорее всего. В детстве всё было больше. Даже расстояние до магазина казалось огромным.

— А ты хотел вернуться именно сюда?

Алексей чуть пожал плечами.

— Я не думал об этом постоянно. Но когда появилась возможность, не стал отказываться.

Он говорил спокойно, без особых подробностей, будто рассказывал о чём-то давно решённом. При этом не выглядел человеком, которому всё равно. Просто не привык был раскладывать личные вещи перед каждым встречным.

— Не страшно было начинать всё заново?

Алексей посмотрел на меня и слегка усмехнулся.

— Я не переезжал в другую страну. Всего лишь вернулся в город, где уже знаю язык и примерно понимаю, как работают магазины.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он помолчал, а потом добавил:

— Конечно, сначала было непривычно. Но у меня здесь Максим. Потом появились остальные. Работа тоже занимает время. Так что особо скучать не приходится.

Я кивнула, разглядывая его профиль. Он говорил об этом легко, но за этой лёгкостью всё равно чувствовалось, что возвращение не было случайной поездкой на пару недель.

— Ты сама давно здесь живёшь? — спросил он.

— Почти всю жизнь.

— Значит, ты здесь лучше меня ориентируешься.

— Не факт. — Пожала я плечами , улыбнувшись.

— Почему?

— Топографический кретинизм никто не отменял.

— Тогда будем считать, что у нас примерно одинаковые навыки. — Тихо засмеялся Алексей.

— Ты же только что говорил, что знаешь, где находится дом. Это уже неплохо.

— Дом — да. Всё остальное под вопросом.

Я уже собиралась ответить Алексею, когда краем глаза уловила движение за столом.

Максим сидел напротив, повернувшись к Лене. Она что-то рассказывала, наклонившись к нему через стол, а он слушал с привычной расслабленной улыбкой. Потом сказал ей что-то тихое, и Лена рассмеялась, прикрыв рот ладонью. Максим не отступил. Наоборот, немного приблизился и продолжил говорить, уже явно наслаждаясь её реакцией. Лена покачала головой, но улыбку спрятать не смогла.

Я перевела взгляд на Марину.

Она сидела рядом с Антоном, держа стакан обеими руками. Сначала смотрела на сцену, будто вообще не обращала внимания на разговор за столом. Но потом её взгляд скользнул к Максиму и задержался на нём.

Ненадолго. Всего на несколько секунд.

Марина смотрела не так, как обычно. Не с раздражением и не с интересом. В её лице появилось что-то напряжён-

ное, почти незаметное: чуть сжались губы, взгляд стал внимательнее, а пальцы сильнее обхватили стакан.

Когда Максим снова рассмеялся, она отвела глаза.

Я посмотрела на неё ещё раз, уже внимательнее. Марина сидела неподвижно, слушая, как Антон что-то говорил рядом, но, кажется, почти не слышала его. Через мгновение она всё-таки повернулась к нему, улыбнулась и ответила на вопрос, который я не разобрала.

Слишком быстро. Будто хотела показать, что всё в порядке.

Я снова посмотрела на Максима. Он уже переключился на Лену окончательно: наклонился к ней, что-то сказал и легко коснулся её локтя, когда она попыталась возразить. Лена снова засмеялась.

Марина этого не заметила. Или сделала вид, что не заметила. Я не стала ничего спрашивать. Мы с ней были знакомы недостаточно близко, чтобы лезть с вопросами, а придумывать объяснения на пустом месте я не любила. Но взгляд я запомнила. Он был странным.

Мы ещё долго сидели за столиком. Лена расположилась между Мариной и Максимом, оживлённо жестикулируя и перескакивая с одной темы на другую. Марина слушала её с интересом, иногда задавала вопросы, а Максим молча улыбался, изредка вставляя короткие комментарии.

Антон что-то негромко обсуждал с Олей. Я не слышала, о чём именно они говорили, но видела, как постепенно рас-

слабляются её плечи. В начале вечера она сидела напряжённо, словно в любой момент могла придумать причину, чтобы уйти. Теперь же спокойно держала стакан в руке и время от времени улыбалась его рассказам.

Я сидела рядом с Алексеем и чувствовала, как постепенно уходит напряжение, державшееся во мне с самого утра. Мы говорили о всякой ерунде — о книгах, фильмах и о том, почему в караоке всегда подают попкорн, хотя его почти никто не ест.

— Потому что он создаёт ощущение, что здесь можно нормально провести время, — сказал Алексей.

— А нельзя?

— Пока не уверен.

Я рассмеялась. Алексей тоже улыбнулся, уже без той сдержанности, которая была в начале вечера. Он слушал, не перебивал и иногда задавал вопросы, из-за которых разговор не обрывался после пары фраз.

В какой-то момент я заметила, что Марина перестала слушать Лену.

Максим наклонился к девушке, чтобы что-то сказать ей на ухо. Она сначала нахмурилась, потом рассмеялась и слегка толкнула его плечом. Он ответил ей такой же улыбкой и снова что-то сказал. Марина вновь следила низа ними. Губы были сжаты в тонкую линию.

— Ты чего? — спросила Лена, заметив её движение.

— Ничего, — быстро ответила Марина. — Слушаю тебя.

Она повернулась к Лене и улыбнулась. Улыбка выглядела вполне обычной, но появилась слишком резко. Я перевела взгляд на Максима. Он уже снова участвовал в разговоре, будто ничего не произошло. Я не стала придавать этому особого значения. Может, Марина просто устала. Может, её раздражал шум. Или Максим сказал что-то не то — такое с ним, судя по всему, случалось.

Но через несколько минут я снова поймала её взгляд.

На этот раз она смотрела только на Максима. Он сидел, откинувшись на спинку дивана, и слушал Лену. Марина смотрела на него молча, пока Антон не обратился к ней с вопросом. Она вздрогнула, повернулась к нему и попросила повторить.

Я отвела глаза.

— Ну что, — сказал Алексей, поворачиваясь ко мне отвлекая, — я справился со своей задачей?

— А какая была задача?

Он усмехнулся и поставил стакан на стол.

— Чтобы сегодня ты улыбалась. Чтобы у тебя осталось хорошее воспоминание обо мне.

— У меня осталось, — сказала я. — Правда.

Он кивнул. На его лице мелькнуло что-то похожее на облегчение, но исчезло почти сразу.

— Я хочу увидеть тебя снова, — сказал он после короткой паузы. — Завтра. Или послезавтра. Когда ты сможешь?

Я посмотрела на него, не сразу понимая, что ответить.

— Это свидание? — Засмеялась я, но смех получился каким-то нервным.

— Это предложение, — ответил он. — Называй как хочешь.

— А если я скажу нет?

— Тогда я попрошу тебя не говорить «нет» сейчас. Подумай до завтра.

— Это хитро.

— Я просто даю тебе время.

Он улыбнулся, а потом снова посмотрел на сцену. Я тоже перевела взгляд туда, хотя мысли уже были совсем не о музыке.

— И надеюсь на лучшее, — добавил он.

Я хотела что-то ответить, но в этот момент Лена резко посмотрела на телефон и перебила общий разговор:

— Ой.

Марина повернулась к ней.

— Что?

— Нам пора. Если мы не уйдём сейчас, то превратимся в тыквы.

Мы начали собираться. Действительно, времени было уже очень много, но уходить не хотелось. Вечер получился слишком лёгким и спокойным, и мне было жаль, что он заканчивается.

— Мы вас проводим, — сказал Антон, поднимаясь следом.

Лена открыла рот, чтобы возразить, но Марина положила руку ей на плечо.

— Спорить бесполезно.

Мы вышли на улицу. Ночной воздух сразу коснулся лица прохладой. После душного зала стало легче дышать. Главная улица уже не гудела так, как вечером, но жизнь на ней ещё продолжалась: горели вывески, проезжали редкие машины, у входа в соседнее заведение хлопали двери такси.

— Такси вызвать? — спросил Алексей.

— Мы уже вызвали, — ответила Лена. — Через три минуты будет.

— Хорошо.

Мы остановились небольшой компанией у входа. Антон стоял рядом и что-то тихо говорил Оле. Она слушала с непроницаемым лицом, но в конце всё же слегка кивнула.

Алексей отошёл на шаг в сторону и жестом позвал меня.

— Слушай, — сказал он тише, чтобы остальные не услышали. — Я буду ждать твоего ответа.

— Созвонимся, — кивнула я.

Он посмотрел на меня, будто хотел что-то добавить, но промолчал.

Машина подъехала к тротуару. Оля сразу открыла заднюю дверь и начала заталкивать внутрь Лену, которая пыталась попрощаться с Максимом.

— Давайте быстрее! — крикнула Лена. — Таксист не железный. Он тоже хочет спать!

— Иди, — сказал Алексей.

Я сделала шаг к машине, но он остановил меня лёгким касанием запястья.

— Пока, — сказал он.

— До завтра, — ответила я, мягко высвобождая руку, и забралась в салон.

Машина тронулась. Я смотрела в боковое зеркало, пока его фигура не исчезла за поворотом.

Глава 5

Квартира встретила тишиной. Я скинула обувь, прошла на кухню и включила чайник. Лена сразу рухнула на стул, Оля села рядом, поджав под себя ноги.

Несколько секунд мы молчали.

— Ну, — Лена подалась вперёд, — ты хоть что-нибудь скажешь?

— Что сказать? — я пожала плечами.

— Он смотрел на тебя весь вечер. Я заметила. Даже когда я пела, видела, он смотрел в твою сторону.

— Ты пела громко, — заметила я. — Может, он просто хотел спрятаться от твоего голоса.

— Очень смешно, — фыркнула Лена, но улыбнулась. — Я серьёзно. Он явно старался произвести впечатление.

— Или просто был вежливым.

— Вежливые люди не смотрят так, — возразила Оля.

— Как?

Она ненадолго задумалась.

— Как будто ты единственная, кого он видит в комнате.

Я не нашлась, что ответить. Потому что Оля была права.

— А у тебя как с Антоном? — я перевела взгляд на неё. — Вы же весь вечер просидели вместе.

Оля пожала плечами.

— Он говорил. Очень много. Про путешествия, работу,

про то, как случайно попал в караоке и теперь не может выбраться.

— И ты слушала?

— Он умеет рассказывать, — ответила она. — Я не против слушать, когда человеку действительно интересно то, о чём он говорит.

— И о чём он рассказывал?

— Про Италию. Про маленькие улочки, где можно потеряться. Про то, как нашёл старую кофейню и потом ходил туда каждый день.

— Звучит романтично, — заметила Лена.

— Это была просто история.

— Но ты слушала.

— Мне было интересно.

Лена улыбнулась.

— И что дальше? Он предложил встретиться?

Оля задумалась.

— Не предложил. Но я дала ему свой номер. Он сказал, что напишет. Посмотрим.

— Ты дала номер! — Лена выпрямилась на стуле. — Это прогресс.

— Я могу дать номер человеку, если он мне интересен как собеседник.

— Ты не даёшь номер никому, — напомнила я. — Ты принципиально не даёшь.

— Значит, он был исключением.

Оля слегка улыбнулась. Лена засмеялась, и я тоже.

— А у тебя? — спросила Лена, поворачиваясь ко мне. — Что он говорил? Мы отвлеклись, а я хочу знать.

— Он говорил про работу.

— И всё?

— Нет, — я взяла кружку со стола. — Ещё про погоду.

Лена посмотрела на меня с явным недовольством.

— Женя.

— Что?

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Оля тихо усмехнулась, не отрываясь от книги.

— Ты можешь хотя бы не делать вид, что ничего не произошло?

— А что произошло?

— Ничего, — ответила Лена. — Просто мужчина весь вечер сидел рядом с тобой, потом предложил встретиться, а ты сейчас рассказываешь про погоду.

— Он не только про погоду говорил.

— Вот! — Лена подняла палец. — Уже интереснее.

— Ещё про работу.

— Ты издеваешься?

Я не сдержала улыбку и опустила взгляд в кружку. Перед глазами снова возник Алексей — спокойный, внимательный, с этой едва заметной улыбкой, которая появлялась у него нечасто. Я вспомнила, как он смотрел на меня, когда

говорил, что хочет увидеться снова. И как будто совершенно буднично добавил, что будет ждать моего ответа.

— Ну? — не отступала Лена.

— Что «ну»?

— Тебе он понравился?

Я провела большим пальцем по краю кружки. Ответ был слишком очевидным, чтобы произносить его вслух, и слишком личным, чтобы делиться им с Леной, которая потом обязательно будет возвращаться к этой теме при каждом удобном случае.

— Он нормальный, — сказала я.

Лена медленно откинулась на спинку стула.

— «Нормальный»?

— Да.

— Это всё?

— А что ещё я должна сказать? — Возмутилась я, убирая свою сумку в комод.

— Например, что он красивый.

— Он красивый, я не спорю.

— Что тебе понравилось, как он с тобой разговаривал. — Диктовала Лена.

Я пожала плечами.

— Он со всеми нормально разговаривал.

— Не со всеми, — вставила Оля. — С тобой он разговаривал больше.

Я посмотрела на неё, но она уже снова перевернула стра-

ницу.

— Вы обе сегодня решили меня допрашивать?

— Мы пытаемся понять, что у тебя в голове, — сказала Лена.

— Там ничего интересного.

— Не верю.

Лена несколько секунд изучала моё лицо, потом улыбнулась так, будто всё равно получила нужный ответ.

Я отвернулась к окну. На стекле отражалась кухня, жёлтый свет над столом и наши силуэты. Внутри было непривычно спокойно. Не было желания срочно всё объяснять, разбирать по деталям или искать скрытый смысл в каждом его слове.

Мне просто понравился этот вечер.

— Ладно, — Лена потянулась. — Давайте спать. А то завтра я буду похожа на зомби.

Мы разобрали диван и переоделись в мои футболки. Лена сразу уткнулась в телефон, Оля взяла книгу. Я легла на кровать и закрыла глаза. Завтра был новый день. И я не знала, что он принесёт. Но сегодня был хороший вечер.

Будильник заверещал в семь утра. Я машинально потянулась к телефону, чтобы нажать «отбой». Лена застонала с дивана, и стон этот был таким глубоким и трагичным, будто её будили не в школу, а на каторгу.

— Выключи это, — простонала она.

— Выключила, — ответила я.

Лена приподняла голову. Светлые волосы торчали во все стороны, зелёные глаза щурились от света.

— Который час? — спросила она хрипло.

— Семь. У нас час.

— Час — это много, — она снова упала лицом в подушку. — Я могу поспать ещё полчаса.

— Не можешь, — сказала Оля, вставая. — Ты вчера не смыла тушь. Будешь полчаса оттирать.

Лена подскочила как ужаленная.

— Тушь? — она схватила телефон, включила камеру и посмотрела на себя. — О боже.

— Я же говорила, — заметила Оля и направилась в ванную.

Я пошла на кухню, включила чайник. Вчерашний день всё ещё крутился в голове — караоке, смех, новые лица. Алексей. Я улыбнулась сама себе.

Лена появилась через десять минут — умытая, расчёсанная, но всё ещё сонная. Она села за стол, положила голову на руки.

— Кофе, — сказала она. — Или я не человек.

— Ты и с кофе не человек, — ответила я, наливая ей чай.

— Чай? — она посмотрела на кружку с таким ужасом, будто я предложила ей яд. — Ты серьёзно?

— Чай полезнее, — сказала Оля, возвращаясь с мокрыми волосами.

— Я не хочу быть полезной, я хочу быть живой,к тому же,

если ты не знаешь, в чае, кофеина больше, чем в самом кофе — простонала Лена, но чай взяла.

Я достала из холодильника сыр, хлеб, поставила на стол сырники. Мы ели молча. Лена зевала, Оля пила чай, я смотрела в окно.

— Так, — Лена наконец ожила, отпив глоток. — Давайте обсудим вчерашнее.

— Что опять обсуждать? — спросила Оля.

— Как что? — Лена поставила кружку на стол. — Мы познакомились с кучей новых людей! Э

— А твой, — Лена перевела взгляд на меня. — Алексей. Рассказывай.

— Что рассказывать? — я сделала вид, что занята чаем.

— Всё!Ну, — Лена подалась вперёд, — и что дальше? Он предложил встретиться?

— Предложил, — ответила я. — Сказал, что напишет сегодня.

— И ты согласилась?

— Я сказала, что подумаю.

— Что?! — Лена чуть не подпрыгнула на стуле. — "подумаю"?

— Я не знаю его, — ответила я. — Мы знакомы два дня. Я не хочу спешить.

Оля кивнула:

— Это разумно.

— Разумно, — передразнила Лена. — Это скучно! Ты не

боишься, что он передумает?

— Если передумает — значит, не стоило, — сказала я.

Лена вздохнула:

— Ты невыносима.

— Знаю, — улыбнулась я.

— Ладно, — Лена поднялась. — Пора. У нас первая история.

Мы собрались. Я надела белую рубашку, свободные чёрные брюки. Оля осталась в своей вчерашней футболке, но юбку поменяла на джинсы. Лена, как всегда,что-то долго искала и на этот раз, оказалось —заколку и нашла её в кармане вчерашних джинсов.

— Идём? — спросила я.

— Идём, — кивнула Оля.

— Погодите, — Лена застегнула рюкзак. — Можно через парк пройдёмся? Пять минут.

— Мы опоздаем, — заметила Оля.

— Не опоздаем, — отрезала Лена. — У нас есть время. Я хочу подышать.

Достав из спрятанной в сумке, пачки—сигарету, закурила, разглядывая, как вместе с дымом из моих легких выходил горячий воздух, превращаясь в пар. Оля, сев рядом, тоже закурив сигарету, а Лена, достав телефон, отошла подальше, прижав его к уху. Прошло меньше пяти минут, как девушка вернулась.

— Если я еще раз поведусь на его милую мордашку и про-

щу, обещайте, что сдадите меня на лечение! — кинув свою сумку между нами и отняв у Оли не докуренную сигарету, сделала затяжку, слегка закашлявшись: — Гадость какая ...

— Как слабоумную? — уточнила Оля.

Покосившись, она докурила, выбросив окурок в ближайшую урну, скрестив руки на груди, зло стуча каблуком по асфальту.

— Что на этот раз случилось у вас с Пашей? — спросила я, стараясь отвлечь подругу, пока та окончательно не оторвала ноготь, который так беспощадно ковыряла.

Я ее понимала. Их отношения, были похожи больше на какое-то недоразумение, чем на что-то, что называют - любовью. Вечные ссоры на пустом месте, расставание и очередное примирения и так по кругу. Паша и Лена, встречались чуть меньше года, познакомившись в лагере, когда оба были помощницами вожатых. В нашей школе он больше не учился, что не могло не радовать, ведь в противном случае нам бы пришлось наблюдать все эти сцены, а не слушать красочные рассказы по ролям, достоверность которых подруга могла передать с точностью в 99%. Не зря она, все же, хотела на актерское.

— Предложил встретиться сегодня, отпраздновать его поступление и начало моего учебного года. Теперь сливается.

Мы молча ждали, потому что понимали, что этой бомбе, нужно было взорваться самой.

—Сказал, что поедет с пацанами отмечать! — выпалила

Лена.— Вы представляете?!Свинья лохматая.

— Ты же только что сказала, что у него милая мордашка. — Не удержалась я, за что сразу получила пинок по ноге. — Ну ладно, ты права, он свинтус еще то, но Лен, ты же сама знаешь какой он и его поступок, чем-то экстронеарденарным не стал. Вам давно пора заканчивать ваше мытарство. У вас было что-то общее, пока он учился у нас, но сейчас, он в университете, у него новые друзья, другая жизнь.

— Девушки. — Вставила свои пять копеек Оля, за что получила пинок уже от меня.

Схватив сумку, Лена смерила нас недовольным, но задумчивым взглядом и я поняла, что этот росток решимости, наконец-то в ней пророс.

—Все, мы опаздываем, пойдемте в школу. И хватит курить, воняете! — театрально помахав перед лицом рукой, сказала она.

Мы вошли в школу за пять минут до звонка. Коридоры уже гудели, первоклашки носились с рюкзаками за спиной, старшеклассники лениво переговаривались у стен, пахло пирожками из столовой и хлоркой из туалетов. Лена зевала на ходу, Оля шла ровно, поправляя свой чёрный пиджак. Я чувствовала, как внутри всё ещё отзывается вчерашний вечер — тёплым, тягучим, с лёгкой ноткой предвкушения.

Кабинет истории находился на втором этаже, в конце коридора. Дверь была открыта. Мы вошли, и я сразу заметила, что на месте учительского стола сидит не Наталья Викторов-

на, а наша классная руководительница. Женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и вечно уставшими глазами. На столе лежала какая-то папка и список.

— Садитесь, — сказала она, даже не подняв головы. — Быстро, звонок сейчас.

Мы заняли свои места, традиционно на последних , соединенных партах, у окна. Лена села слева, я в центре, Оля справа. В классе постепенно собирались одноклассники: кто-то сонный, кто-то уже оживлённый после утренней болтовни. Прозвенел звонок.

— Так, — Татьяна Викторовна встала и сложила руки на груди. - У меня для вас новость. Наталья Викторовна ушла в декретный отпуск, так что истории у вас теперь будет вести другой преподаватель.

Класс загудел. Кто-то вздохнул с сожалением, кто-то, наоборот, обрадовался — Наталью Викторовну любили не все, слишком она была строгой.

— Его зовут Алексей Михайлович, — продолжила классная. — Прошу не расслабляться и не садиться ему на шею. Особенно это касается тебя, Лена.

— А что я? — возмутилась Лена, но беззлобно.

— То, — отрезала Татьяна Викторовна. — В общем, ждите. Он сейчас подойдёт.

Она вышла, оставив нас в лёгком недоумении.

— Алексей Михайлович, — протянула Лена, поворачиваясь ко мне. — Интересно, какой он. Надеюсь, не старый и

не злой.

— Надеюсь, он будет ставить пятёрки просто так, — мечтательно сказал кто-то с первой парты.

— Не надейся, — ответила Оля спокойно. — Таких не бывает.

Я слушала вполуха, думая о своём. О вчерашнем вечере, услышав уже знакомое имя.

— Эй, — Лена толкнула меня локтем. — Ты где?

— Здесь, — ответила я.

— Не похоже.

Лена хмыкнула, но копать не стала. В классе постепенно стихали, все ждали нового учителя. Кто-то поправлял волосы перед телефоном, кто-то доставал тетради. Оля открыла учебник и начала листать, Лена рисовала что-то на полях.

Дверь открылась. Я подняла голову. И сердце ухнуло куда-то вниз.

В класс вошёл Алексей. Тот самый Алексей. В светлой рубашке с закатанными рукавами, тёмных брюках и спокойном, деловом выражении лица. Он держал в руках папку и классный журнал. Лена подавилась воздухом. Я услышала, как она тихо выдохнула: «Нет, бля...» Оля замерла, и её обычно невозмутимое лицо на секунду потеряло всякое выражение.

Я не могла дышать.

Алексей подошёл к учительскому столу, положил папку, повернулся к классу.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос — спокойный, ровный, без вчерашней усмешки. — Меня зовут Рокотовский Алексей Михайлович. Я буду вести у вас историю и обществознание.

Никто не ответил. Класс заворожённо смотрел на него, молодой, симпатичный, совсем не похожий на обычных школьных учителей. Лена вцепилась мне в руку, и её ногти впивались в кожу, но я не чувствовала боли.

— Надеюсь, мы сработаемся, — продолжил он, открывая журнал. — Давайте проверим, кто здесь есть, а кого нужно будет искать по коридорам.

Он начал перекличку. Называл фамилии, ученики отзывались. Он смотрел на каждого, запоминал лица, кивал.

— Лукьянова, — прочитал он.

— Я, — ответила Лена осипшим голосом.

Он поднял взгляд, посмотрел на неё и я заметила, как на долю секунды его бровь чуть приподнялась. Но он ничего не сказал. Опустил глаза в список.

— Петрова.

— Здесь, — отозвалась Оля. Ровно, спокойно, будто ничего не произошло.

Он снова поднял глаза. Теперь уже задержал взгляд дольше. В его лице что-то дрогнуло, но он быстро взял себя в руки.

— Резвова, — прочитал он следующую фамилию.

Я встала.

— Я.

Наши взгляды встретились.

Я видела, как он узнал меня. Как его глаза расширились на долю секунды — шок, чистый, неподдельный шок. Он не ожидал. Он не знал. Он вчера пригласил на свидание девушку, которая оказалась его ученицей. Он быстро опустил глаза в журнал. Сделал пометку, я видела, как его рука чуть дрогнула. Потом поднял голову, уже спокойный, собранный, без единой эмоции на лице.

— Садитесь, — сказал он ровно.

Я села.

Коленки тряслись. В ушах шумело. Лена сидела белая как мел, Оля смотрела прямо перед собой неподвижным взглядом.

— Итак, — Алексей закрыл журнал и повернулся к доске. — Первая тема в этом году —«Россия на рубеже 19-20 Вы.» Надеюсь, вы что-то помните из прошлого года, потому что я проверять буду строго.

Он взял мел и начал писать. Ровные, аккуратные буквы , совсем не мужской почерк, но разборчивый. Я смотрела на его спину, на то, как рубашка натягивается на плечах, когда он тянется к верхней части доски.

— Что за хрень? — прошептала Лена, наклоняясь ко мне.

— Не знаю, — ответила я. Голос не слушался.

— Он вчера пригласил тебя на свидание, а сегодня он наш учитель, — Лена говорила шёпотом, но в её голосе звучала

истерика. — Это какой-то бред.

— Тихо ты, — сказала Оля, не поворачивая головы. — Услышит.

— Да пошло оно всё, — Лена закрыла лицо руками.

Алексей обернулся.

— В классе не спим, — сказал он, глядя на Лену. — Даже на последних партах.

Лена убрала руки и выпрямилась. Он перевёл взгляд на меня быстро, почти незаметно. Ничего не сказал. Просто отвернулся обратно к доске.

Я сидела и смотрела на его спину. На мел, который он держал в пальцах. На то, как он переступает с ноги на ногу, когда объясняет. Внутри всё перевернулось. Вчерашний вечер, его улыбка. И сегодняшнее утро, и этот кабинет, и его ровный голос, который теперь будет звучать здесь каждый день. Я не знала, что делать. И от этого становилось одновременно страшно и смешно. Настолько смешно, что хотелось плакать.

Алексей Михайлович продолжал писать на доске, не оборачиваясь. Но я заметила, как он чуть помедлил, прежде чем поставить точку в конце темы. Как будто собирался с мыслями.

Урок прошёл как в тумане. Я слышала голос Алексея, видела, как он пишет на доске, как поворачивается к классу, как смотрит на отвечающих , но всё это было каким-то далёким, словно происходило за толстым слоем воды. Лена рядом то и дело дёргала меня за рукав, шептала «ты в поряд-

ке?», но я только кивала, не в силах выдавить из себя ни слова. Оля молчала, смотрела прямо перед собой, и только её сжатые губы выдавали, что она тоже не в себе.

Остальные одноклассники, кажется, ничего не замечали. Они слушали нового учителя, перешёптывались, кто-то даже пытался флиртовать , девочки с первых парт хлопали ресницами и задавали вопросы, на которые сами знали ответы. Алексей Михайлович отвечал спокойно, ровно, не поддерживая лишних разговоров. Ни разу не посмотрел в нашу сторону. Ни разу. Я считала.

Прозвенел звонок. Как сквозь вату.

— Всё, — сказал учитель, закрывая журнал. — Следующий урок читаете параграф первый, вопросы в конце. Надеюсь, вы меня не разочаруете.

Класс зашумел, засобирался. Лена вскочила первой.

— Идём, — сказала она, хватая меня за руку. — Быстро.

— Погоди, — ответила я, не понимая зачем. Ноги не слушались.

— Резвова, — раздался его голос.

Я подняла голову. Алексей Михайлович стоял у стола, перебирая какие-то бумаги. Не смотрел на меня.

— Задержитесь на минуту, — сказал он.

Я замерла. Лена открыла рот, но Оля схватила её за локоть.

— Идём, — сказала Оля тихо, но твёрдо. — Ждём в коридоре.

— Но...

— Идём.

Они вышли. Мы остались вдвоём.

Тишина в классе казалась оглушительной. Я стояла у своей парты, не решаясь подойти ближе. Учитель всё ещё смотрел в бумаги, хотя было понятно, что он их не видит.

— Закрой дверь, — сказал он негромко.

Я обернулась. Дверь была закрыта. Он имел в виду что-то другое? Я не двинулась с места.

Он поднял голову. Посмотрел на меня. И в его глазах не было того спокойного, чуть насмешливого блеска, который я видела вчера. Там была растерянность. И что-то ещё , может быть, сожаление.

— Ты — ученица, — сказал он. Это был не вопрос.

— Ты — учитель, — ответила я. — Неожиданно, правда?

Он усмехнулся - горько, без веселья.

— Не то слово.

Он отложил бумаги, вышел из-за стола и сел на край — так, чтобы смотреть на меня сверху вниз. Я осталась стоять.

— Ты вчера не сказала, что учишься в школе, — заметил он.

— Ты вчера не спросил, — ответила я.

— Я спросил, чем ты занимаешься.

— Я не врала, — сказала я.

Он помолчал. Потёр переносицу , жест, которого я вчера не замечала.

— Сколько тебе? — спросил он.

— Восемнадцать, — ответила я.

— Восемнадцать, — повторил он. — А мне тридцать.

Он встал, подошёл к окну. Я смотрела на его спину , рубашка, закатанные рукава, тёмные волосы на затылке. Вчера он сидел рядом со мной на диване, сегодня стоит у школьной доски. Мир сошёл с ума.

— Знаешь, — сказал он, не оборачиваясь. — Я вчера почти не спал. Думал о том, куда тебя пригласить. Чтобы было не банально, не скучно, чтобы тебе понравилось.

— И придумал? — спросила я.

Он обернулся. Усмехнулся , на этот раз мягче, почти как вчера.

— Придумал, — сказал он. — Но теперь, кажется, судьба всё решила за меня.

— В каком смысле?

— Мы уже встретились, — он развёл руками, показывая на класс, на парты, на доску. — В школе.

Я не знала, смеяться или плакать. Наверное, выглядела глупо — стояла посреди пустого класса с растерянным лицом. Он посмотрел на меня. Я — на него. Несколько секунд мы просто стояли, и я чувствовала, как между нами что-то рушится — то, что начало строиться вчера вечером.

— Прости, — сказала я.

— За что?

— За то, что не сказала. За то, что так вышло. За то, что

теперь тебе придётся делать вид, что ничего не было.

— Ты не виновата, — сказал он. — Никто не виноват. Просто так совпало.

— Дурацкое совпадение, — заметила я.

— Дурацкое, — согласился он.

Он усмехнулся — горько, без веселья.

— Если бы я знал...

— Ты бы не стал?

— Я бы не позволил себе того, что было вчера, — ответил он.

Я молчала. Он смотрел на меня, и я видела, как он пытается найти правильные слова.

— Проблема в том, что я не могу думать о тебе иначе. Вчера я видел девушку. Сегодня я вижу ученицу. И это... — он замолчал, подбирая слово, — это неправильно.

— Потому что я ученица?

— Потому что ты МОЯ ученица, — поправил он.

Я шагнула к нему. Один шаг. Он не отступил, но я видела, как напряглись его плечи.

— Ты вчера сказал, что я тебе интересна, — сказала я. — Сейчас это звучит как неправда.

Он помедлил с ответом. Я видела, как он боролся с собой, как взрослый человек пытался не дать себе сказать лишнего.

— Это было правдой, — сказал он наконец. — Но теперь это ничего не меняет.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты должна понимать, — сказал, — что я не могу обещать тебе ничего теперь. Не сегодня. Не завтра. Может быть, никогда.

— Я ничего и не прошу, — ответила я.

— Тогда чего ты хочешь?

Я молчала. Он ждал. Между нами было расстояние в один шаг, но оно казалось бесконечным.

— Чего я хочу? Это ты попросил меня задержаться. Но теперь я хочу, чтобы ты перестал смотреть на меня как на ученицу сейчас.

Он удивлённо приподнял бровь.

— Что, прости?

— Ты смотришь на меня так, будто я стала другим человеком за одну ночь. Я не стала. Я та же, что и вчера. Ты просто узнал новую деталь.

— Это не деталь, Жень.

— А что это?

Он не ответил. Просто стоял и смотрел на меня.

— Ты вчера сказал, что хочешь увидеть меня снова, — сказала я. —Ты не знал, что я твоя ученица. Я не знала, что ты мой учитель. Мы оба в одной лодке.

— Я в лодке, которая может теперь утонуть, — усмехнулся он.

— Тогда не надо было предлагать.

Он замолчал. Я видела, как его лицо меняется. Сначала растерянность, потом что-то похожее на удивление, а потом

— усталость.

— Ты права, — сказал он наконец. — Я сам предложил, но тогда я не знал.

— Я не говорю, что ты виноват.

— Если бы мы встретились по-другому...

— Но мы встретились так, — перебила я. — Мы не выбираем, как и когда встречаем людей.

Он подошёл ближе, посмотрел на меня так же, как вчера — тем тёплым взглядом, от которого у меня внутри всё переворачивалось.

— Ты можешь идти, — сказал он.

Я развернулась и пошла к двери. Уже взявшись за ручку, услышала его голос:

— Жень.

Я не обернувшись, вышла.

Лена и Оля стояли у стены — Лена белая, Оля спокойная, но я видела, как она сжала лямку рюкзака.

— Ну? — набросилась Лена.

— Всё нормально, — сказала я. — Пошли.

— Что он сказал?

— Ничего, — ответила я и пошла по коридору, не оглядываясь.

Остальные уроки тянулись бесконечно, всё смешалось в одну серую массу. Я смотрела в окно, на облака, и думала о том, как же глупо всё вышло. Вчерашний вечер казался теперь чужим, будто я смотрела фильм про кого-то другого.

Лена пыталась разговорить меня на переменах, но я отмахивалась. Оля не лезла, просто сидела рядом и молчала. Её молчание было лучшей поддержкой. К концу четвёртого урока я почти убедила себя, что ничего не произошло. Почти. Потому что каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела его лицо в тот момент, когда он назвал мою фамилию по списку.

— Ты как? — спросила Лена, когда мы выходили из школы.

— Жива, — ответила я.

— Это не ответ. Ты встретишься с ним? — спросила Лена, когда мы свернули на аллею.

— Нет, — ответила я. — Он наш учитель.

— Но вчера он им не был.

— А сегодня — стал, — я пожала плечами. — Правила не меняются от того, что мне грустно.

Последний урок тянулся бесконечно. Физика, кажется, решила проверить меня на прочность — учительница что-то рассказывала про законы Ньютона, а я смотрела в окно и видела только его лицо. Алексей. Учитель истории. Который вчера провожал меня до дома и смеялся над моими шутками.

Лена пихнула меня локтем.

— Эй, — шепнула она. — Ты где?

— Здесь, — ответила я.

— Не похоже.

Я не стала спорить.

Прозвенел звонок. Я схватила рюкзак и двинулась к выходу, но на пороге нас остановила классная руководительница.

— Резвова, Лукьянова, Петрова, — сказала она, заглядывая в список. — У вас собрание активистов. В кабинете директора. Быстро.

Мы переглянулись. Оля пожала плечами, Лена закатила глаза, я вздохнула. Собрания активистов были нашей обязанностью, с седьмого класса мы таскались на них, потому что Лена когда-то вызвалась добровольцем, а нас утянула за собой. И теперь отмазаться было невозможно.

Кабинет директора находился на втором этаже, в конце длинного коридора. Мы вошли, и я сразу поняла, что сегодня будет что-то серьёзное. Директриса, Наталья Егоровна, сидела за столом с таким видом, будто собиралась объявить войну.

— Садитесь, — сказала она, кивнув на стулья.

Мы сели. В кабинете пахло кофе и старыми бумагами. За окном заморосил дождь.

— Через две недели конкурс школьных плакатов, — начала Наталья Егоровна без предисловий. — Тема — «Моя школа — мой дом». Участвуют все школы района. Нам нужен первый приз.

— А мы тут при чём? — спросила Лена.

— Вы — активисты, — отрезала директриса. — А Резвова — лучшая художница в школе. Поэтому плакат будешь

делать ты.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Наталья Егоровна подняла руку.

— Без споров. Всё уже готово — в кабинете истории, материалы, краски. Работать будешь после уроков. В твоём распоряжении пять дней.

— В кабинет истории? — перестала я, чувствуя как внутри все холодеет.

— Да, Алексей Михайлович уже предупрежден. Он разрешил использовать его кабинет для творческих проектов,— директриса перепела взгляд на Лену и Олю. —А вы, девочки, ещё задержитесь. Нужно обсудить план мероприятий на месяц, как раз остальные должны подтянуться.

Глава 6

Я вышла из кабинета, прикрыв за собой тяжелую дверь. В коридоре второго этажа было пусто и тихо. Шум дождя за окном заглушал далекие голоса дежурных у гардероба.

Пять дней. Пять дней после уроков один на один в его кабинете. Наталья Егоровна умела устраивать «сюрпризы» там, где их меньше всего ждали. Внутри всё сжималось от глухой, тягучей досады. Ещё утром я убеждала подруг, что правила не меняются от того, что мне грустно, а теперь судьба буквально запирала меня в одном помещении с человеком, к которому я только-только начала испытывать интерес.

Именно интерес. Между нами ведь ещё ничего толком не было. Одна случайная встреча в темном парке, один короткий телефонный звонок утром и один теплый, полный флирта и дурацких разговоров вечер в компании наших друзей. Мы даже не прикоснулись друг к другу толком, не считая того секундного прощального касания у такси. Мы были просто двумя людьми, которые понравились друг другу и планировали сходить на свидание. Но теперь всё это разбилось о суровую реальность: он — учитель, я — ученица. И от этого несостоявшегося, оборванного на полуслове начала было почему-то особенно паршиво.

Я дошла до нужной двери, помедлила секунду, сильнее сжав лямку рюкзака, и негромко постучала. Не дожидаясь

ответа — всё равно деваться было некуда, — толкнула дверь и вошла.

Алексей Михайлович сидел, откинувшись на спинку стула, и что-то быстро печатал в ноутбуке.

Услышав шаги, он поднял голову. В его серо-голубых глазах на мгновение промелькнуло удивление, которое он тут же подавил, возвращая лицу маску спокойного равнодушия.

— Женя? — он приподнял бровь. — Ты что-то забыла?

— Меня прислала Наталья Егоровна, — тихо сказала я, останавливаясь у первой парты среднего ряда. — Сказала, я должна рисовать плакат к конкурсу и можно работать здесь.

Алексей на мгновение замер. Он медленно закрыл крышку ноутбука и посмотрел на меня. Было видно, что для него это такое же «приятное» совпадение, как и для меня.

— Вот как, — негромко произнес он, поднимаясь из-за стола. Высокий, широкоплечий — в полумраке класса он казался еще крупнее, чем во время урока. — Наша директриса действительно принесла ватман и краски еще днем. Сказала, что работать будет кто-то из старшеклассников, но имя не назвала. Теперь всё встало на свои места.

Он подошел к шкафу в конце класса, достал массивный деревянный планшет, рулон плотной бумаги и коробку с гуашью. Перенес все это на последнюю парту у окна — прямо напротив моего привычного места.

— Я могу забрать материалы домой, — предложила я, чувствуя, как предательски дрожат пальцы.

Алексей остановился. Он повернулся ко мне, и между нами снова повисла та самая тяжелая, наэлектризованная тишина, в которой отчетливо слышался стук капель по стеклу.

— Дома ты не сможешь работать с таким форматом, Жень, — сказал он. Его голос стал тише, растеряв всю утреннюю строгость. — Планшет тяжелый, да и Наталья Егоровна обещала лично заходить и контролировать процесс. Она , похоже, любит проверять работу без предупреждения. Придется работать здесь.

Я молча кивнула. Скинула сумку на стул и подошла к парте.

— Я не знал, что пришлют именно тебя.

— Если бы знал, не разрешил бы?—иронично улыбнулась я, не ожидая ответа.

Натягивать плотный ватман на деревянный планшет в одиночку оказалось сплошным мучением. Бумага упорно сворачивалась обратно в рулон, а кнопки выскальзывали из пальцев. Я возилась уже несколько минут, злясь на собственную неуклюжесть, когда почувствовала, что он подошел ближе.

— Давай помогу, — тихо сказал Алексей.

Он наклонился над партой, прижав своими ладонями упрямые углы ватмана. Его плечо почти касалось моего. Я замерла, боясь сделать вдох. От него пахло прохладой, дождем и тем самым едва уловимым мужским парфюмом, который я запомнила еще вчера. Его пальцы — длинные, с ак-

куратными ногтями — находились всего в паре сантиметров от моих.

— Держишь? — спросил он, подняв на меня глаза.

Наши лица оказались совсем близко. В его серо-голубых глазах, обрамленных густыми ресницами, сейчас не было и следа строгости. Только крайняя степень неловкости и какая-то затаенная грусть.

— Держу, — прошептала я, быстро втыкая кнопку в дерево.

Он помог закрепить бумагу по углам, а затем медленно выпрямился, сделав шаг назад и возвращая безопасную дистанцию.

— Спасибо, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее.

— Не за что, — ответил он, возвращаясь к своему столу. — Вода для красок нужна?

— Да, пойду наберу в коридоре.

— В лаборантской есть раковина, — Алексей кивнул на дверь позади своего стола. — Ключ в замке. Набери там, чтобы не бегать по этажам.

Я взяла пластиковую банку и прошла в лаборантскую. Там было темно, пахло старыми картами, книжной пылью и сухой бумагой. Я нащупала выключатель, зажгла тусклую лампочку под потолком и подошла к раковине. Вода побежала тонкой, шумной струйкой. Я смотрела на то, как наполняется банка, пытаясь привести мысли в порядок.

Я ведь действительно просто понравилась ему как девушка. Он понравился мне. Обычная, банальная история, которая могла бы закончиться свиданием в эти выходные. Но вместо этого я стою в его лаборантской и дрожу от глупого волнения.

Повернувшись, чтобы выйти, я едва не вскрикнула. Алексей стоял в проеме двери лаборантской. Он прислонился плечом к косяку, засунув руки в карманы брюк, и молча наблюдал за мной.

— Странно всё получилось, да? — негромко спросил он. Его низкий тембр в тесном пространстве лаборантской звучал мягче, без утренней казенности.

Я сильнее сжала в руках пластиковую банку с водой.

— Не то слово, Алексей Михайлович.

Он поморщился от официального обращения и слегка покачал головой.

— Жень, давай хотя бы когда мы один на один, ты не будешь называть по отчеству. Меня от этого коробит. Я чувствую себя глубоким стариком, хотя мне всего тридцать.

— Но вы мой учитель, — упрямо ответила я, глядя на него снизу вверх. — Вы сами утром это подчеркнули.

Алексей вздохнул и отвел взгляд в сторону стопок старых учебников.

— Сказал. Потому что испугался. За тебя, за себя, за всю эту абсурдную ситуацию. Пойми меня правильно: я прихожу в новую школу, в свой первый рабочий день… и вижу там

девушку, у которой взял номер телефона, провел вчерашний вечер и которой рассказывал дурацкие притчи про астрономов.

При упоминании его вчерашней истории я невольно усмехнулась.

— Да уж. Тот астроном хотя бы мог догадывался, почему от него ушла жена. А ты теперь точно знаешь, почему мы не сможем пойти на свидание. Потому что звёзды в виде школьной программы и устава оказались сильнее.

Алексей посмотрел на меня, и в его глазах промелькнула теплая, понимающая улыбка — та самая, из вчерашнего вечера.

— Получается, так. Ирония судьбы в чистом виде. Мне действительно очень жаль, Жень. Ты мне понравилась. Правда. Но я не имею права подставлять тебя под удар. В школе очень быстро ползут слухи, а одиннадцатый класс — это финишная прямая. Тебе нужно сдать экзамены и уехать учиться туда, куда ты хочешь. Мой долг как взрослого человека — просто отойти в сторону.

Его слова звучали разумно. Правильно. Но от этой правильности внутри почему-то глухо заныло.

— Я понимаю, — тихо сказала я, проходя мимо него в класс. — Я всё понимаю. Не переживай, я не устрою тебе проблем.

Я поставила банку с водой на парту, села на стул и взяла простой карандаш. Алексей вернулся за свой стол, открыл

ноутбук, но я видела, что он больше не печатает — просто смотрит на экран, подперев подбородок рукой.

В классе воцарилась тишина. Я начала набрасывать первые контуры школьного здания на ватмане, пытаясь сосредоточиться на работе. Мы оба молчали, и это молчание больше не было враждебным. Оно было неловким, немного грустным, полным осознания упущенной возможности, которая закрылась перед нами, так и не успев открыться.

Минут через двадцать дверь кабинета без стука распахнулась.

— Женька! — на пороге появилась Лена, запыхавшаяся и взъерошенная. — Мы закончили! Эта директриса нас замучила своими планами на… — она осеклась, заметив сидящего за столом Алексея Михайловича.

Следом за ней спокойно вошла Оля. Она мгновенно оценила обстановку — тишину, меня с карандашом и историка у ноутбука. Оля едва заметно приподняла бровь, но промолчала.

— Ой, здравствуйте, Алексей Михайлович, — Лена моментально сбавила тон и густо покраснела, поправляя воротник рубашки. — Извините, мы думали, Женя тут одна.

— Здравствуйте, девушки, — Алексей поднялся, закрывая ноутбук. На его лице снова была безупречная маска вежливого преподавателя. — Всё в порядке. Евгения как раз заканчивает на сегодня эскиз.

— Да, я уже всё, — я торопливо поднялась, складывая

карандаши в пенал. Руки все еще слегка подрагивали, и мне хотелось поскорее выйти на свежий воздух.

— Мы можем ее забрать? — спросила Оля своим обычным ровным голосом, внимательно переводя взгляд с меня на историка. — А то дождь на улице усилился.

— Конечно. На сегодня работы достаточно, — кивнул он. — Жень, планшет оставь здесь, я закрою кабинет. Жду тебя завтра после уроков.

— Хорошо, Алексей Михайлович. До свидания.

— До свидания, — хором отозвались девчонки, и мы вышли в коридор.

Стоило двери класса захлопнуться, как Лена мертвой хваткой вцепилась в мой локоть и потащила меня к лестнице.

— Ну?! — зашептала она, едва мы спустились на первый этаж к гардеробу. — Что у вас тут происходило? Мы заходим, а там такая тишина, хоть ножом режь! Вы разговаривали? О чем?

— Лен, тише ты, — шикнула на нее Оля, забирая куртку у гардеробщицы. — На всю школу кричишь.

— Да ладно тебе, Оль! Мне же интересно. Женька, не молчи!

— Ничего особенного не происходило, — вздохнула я. — И мы просто… прояснили ситуацию.

— И что? — Лена заглянула мне в лицо. — Всё? Свидания не будет?

— Конечно не будет, Лен, — ответила за меня Оля, по-

правляя сумку. — Он ее учитель. Это статья или как минимум увольнение с позором для него. Он взрослый мужик, ему лет под тридцать, он не станет так глупо рисковать работой из-за того, что ему понравилась симпатичная одиннадцатиклассница.

— Но они же познакомились до того, как узнали! — не унималась Лена. — Это же так романтично…

— Это было бы романтично в кино, — отрезала я. — А в реальности это просто дурацкое совпадение. Мы решили, что в школе мы строго учитель и ученица. И вне школы общаться тоже не будем. Это единственный разумный вариант.

— Жаль, — вздохнула Лена. —… Ладно, а Дёмин? Ты видела, как он сегодня на уроке на тебя смотрел? Он точно что-то заподозрил.

Я поморщилась, вспоминая утренний инцидент.

— Дёмин просто придурок, который ищет любой повод меня задеть. Он ничего не знает. Просто почувствовал, что в классе повисла какая-то неловкость. Займусь плакатом, буду тихо сидеть на уроках, и всё само собой уляжется.

Договорить я не успела. Сзади, со стороны административного крыла, раздались тяжелые, уверенные шаги. Мы дружно обернулись. К нам шла Наталья Егоровна. Её строгий взгляд из-под очков моментально зафиксировал нашу притихшую троицу.

— Резвова? Лукьянова, Петрова? Вы всё еще здесь? — ее голос эхом разнесся по пустому коридору.

— Я уже закончила эскиз, Наталья Егоровна, — тихо ответила я, стараясь сохранять спокойствие.

Директриса нахмурилась, явно недовольная тем, как быстро, по её мнению, я справилась с задачей.

— Закончила? За один час? — она подозрительно прищурилась. — Что-то мне слабо верится в качественную работу за столь короткий срок. А ну-ка, пойдем, покажешь мне, что ты там наваяла. Алексей Михайлович еще не ушел?

— Нет, он закрывает кабинет, — пролепетала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия.

Наталья Егоровна развернулась и решительным шагом направилась обратно к кабинету истории. Мне ничего не оставалось, кроме как поплестись за ней. Лена и Оля испуганно переглянулись и остались стоять на лестнице, не решаясь следовать за грозной директрисой.

Наталья Егоровна без стука толкнула дверь класса. Алексей, который уже держал в руках ключи и собирался выключать дежурный свет, удивленно замер при нашем появлении.

— Наталья Егоровна? Что-то случилось? — вежливо спросил он, мгновенно принимая невозмутимый вид.

— Да вот, Резвова утверждает, что уже закончила эскиз, — строго произнесла директриса, проходя к последней парте у окна, где лежал планшет. — Хочу лично убедиться, что наша «лучшая рука» не схалтурила.

Она подошла к парте, наклонилась над ватманом и несколько секунд молча разглядывала мои карандашные на-

броски. На листе красовались резкие, угловатые очертания школы, окруженные голыми ветвями деревьев и глубокими тенями. Это было атмосферно, но довольно мрачно — отражало мое внутреннее состояние.

Лицо Натальи Егоровны вытянулось. Она медленно выпрямилась и повернулась ко мне с явным раздражением.

— Резвова, это что за упаднические настроения? — резко спросила она, повысив голос. — Тема конкурса — «Моя школа — мой дом»! А у тебя здесь что? Какое-то готическое кладбище, а не учебное заведение. Где светлые, жизнеутверждающие тона? Где радость? Ты вообще понимаешь значимость этого конкурса для школы? Нам нужно первое место в районе, а не эта депрессивная мазня!

От ее резких слов у меня внутри все закипело. Обида и злость на несправедливую критику рванули наружу.

— Это не мазня, — твердо ответила я, глядя директрисе прямо в глаза. — Это графическая основа. Школа не должна быть плоской и примитивной, как на детских рисунках. Контраст и тени создают глубину, и когда добавится цвет...

— Не надо со мной спорить! — перебила она меня, прихлопнув ладонью по краю парты. — Я требую классический, понятный плакат! А это — самодеятельность, которая опозорит нас перед комиссией. Переделывай. С самого начала.

Я прикусила губу, чувствуя, как к глазам подступают слезы бессильной злости. Но прежде чем я успела сказать глупость, которая стоила бы мне больших проблем, в разговор

вмешался Алексей. Он подошел ближе, мягко встав между мной и Натальей Егоровной. Его поза была абсолютно спокойной, а голос звучал ровно и уважительно, хотя я заметила, как напряглась его челюсть.

— Наталья Егоровна, если позволите, — тихо и вежливо начал он. — Как историк и человек, немного знакомый с искусством, я хотел бы заступиться за концепцию Евгении. На самом деле, её подход очень глубок.

Директриса удивленно посмотрела на него, скрестив руки на груди.

— И в чем же глубина этой темноты, Алексей Михайлович?

— В контрасте, — спокойно объяснил он, слегка повернув голову в мою сторону, ободряюще взглянув на меня на долю секунды. — Современные жюри на районных конкурсах давно устали от однотипных, залитых солнцем плакатов с улыбающимися лицами. Они все сливаются в одну массу. Работа Евгении за счет сложной графической основы будет выделяться. Позже, когда она наложит теплые, мягкие цвета на эти тени, школа буквально «оживет» на листе. Это создаст эффект объема и уюта — того самого ощущения дома, который согревает даже в самую хмурую погоду. Женя очень тонко прочувствовала тему. Я бы рекомендовал дать ей шанс дописать работу в цвете, прежде чем делать выводы.

Наталья Егоровна несколько секунд молчала, переводя взгляд с Алексея на мой эскиз. Его авторитетный и спокой-

ный тон явно подействовал на нее. Против его грамотных, методических аргументов ей трудно было что-то возразить.

— Ну хорошо... — медленно произнесла директриса, хотя в ее голосе все еще сквозило недоверие. — Раз вы так считаете, Алексей Михайлович. Но учтите: вся ответственность за этот плакат ложится на вас. Если я не увижу достойного промежуточного результата — Резвова будет все перерисовывать заново, в выходные дни.

— Я проконтролирую процесс, не волнуйтесь, — кивнул он.

— Ступайте домой, Резвова, — сухо бросила мне Наталья Егоровна. — И вы, Алексей Михайлович, закрывайте кабинет.

— Конечно. Всего доброго.

Я торопливо подхватила сумку и почти выбежала из класса, не смея оглянуться на Алексея. Внутри меня бушевал ураган из благодарности к нему и дикого страха от того, насколько близко мы были к провалу. Спустившись на первый этаж, я буквально вылетела на школьное крыльцо. Лена и Оля ждали меня там, прячась под козырьком от проливного дождя.

— Ну что там? — испуганно выдохнула Лена, едва я подошла к ним. — Мы видели, как вы вернулись. Она кричала?

— Почти, — я раскрыла свой зонт, и мы быстро зашагали по аллее в сторону парка, спасаясь от холодных капель ливня. — Ей не понравился эскиз. Сказала, что это мрачная

мазня и потребовала всё переделать.

— Вот змея, — проворчала Лена. — А Рокотовский?

— Он заступился за меня, — тихо ответила я, глядя под ноги, на растекающиеся по асфальту лужи.

— Ничего себе, — Оля удивленно покачала головой, крепче перехватывая ручку своего зонта. — А ведь мог бы промолчать и не наживать себе проблем с начальством в первый же день. Он действительно поступил как мужчина, Жень.

— Да, — согласилась я, чувствуя, как в груди снова разливается то самое теплое, но теперь такое запретное чувство. — Но это ничего не меняет, Оль. Он мой учитель. И сегодняшний конфликт с директрисой — лучшее доказательство того, что нам нельзя давать никакого повода для сплетен. Один неверный шаг — и всё полетит к чертям. Тот же Дёмин сегодня весь урок с меня глаз не сводил, как вы сказали.

— Всё действительно к лучшему, Жень. Не переживай, — тихо сказала Оля, останавливаясь у развилки, где парк переходил в жилые кварталы. — Ладно, девчонки, мне в другую сторону. До завтра.— До завтра, — улыбнулась я ей.

Мы обнялись на прощание, и Оля быстро скрылась за пеленой дождя. Мы с Леной пошли дальше. Внутри меня всё ещё жило лёгкое, тягучее чувство разочарования, но ещё теплый сентябрьский дождь постепенно смывал остатки глупых иллюзий. Это было правильное решение. Единственное правильное для нас обоих, как бы сильно его вчерашний

взгляд ни грел мне душу.

***

Щелчок замка в тишине полутемного коридора прозвучал непозволительно громко. Я повернул ключ дважды, подергал ручку двери кабинета истории и только тогда позволил себе тяжело, со свистом выдохнуть. Плечи, которые я весь день держал напряженными, наконец опустились.

— Идиот, — негромко произнес я в пустоту коридора. — Какой же ты клинический идиот, Рокотовский.

Я спустился на первый этаж, стараясь шагать размеренно, чтобы не выдать дежурившему у входа охраннику своего взвинченного состояния. Расписался в журнале, сдал ключи от сорок второго кабинета и вежливо попрощался. Пожилой мужчина лишь понимающе кивнул, пробормотав что-то о «тяжелой доле молодых педагогов». Если бы он только знал, в чем именно заключалась тяжесть моей доли в этот конкретный вечер.

Сентябрьский ливень стеной заливал школьный двор. Я накинул капюшон куртки, быстро пересек парковку и сел в салон своего автомобиля. Внутри пахло кожей, теплом и легким ароматом хвои. Я повернул ключ в замке зажигания, мотор тихо заурчал, а лобовое стекло мгновенно окутало паром. Включив обогрев, я откинулся на сиденье и несколько секунд просто смотрел на то, как дворники смахивают потоки воды.

Ситуация требовала холодной головы. Я привык контро-

лировать свою жизнь и просчитывать риски, но сегодняшний день подкинул задачу, к которой меня не готовил ни один университетский курс. Когда Наталья Егоровна ворвалась в кабинет с явным намерением устроить разнос, я среагировал мгновенно. Женя держалась упрямо, но я видел, как у неё подрагивают пальцы. Директриса со своей закостенелой советской прямолинейностью просто давила авторитетом. Я вмешался не потому, что потерял контроль, а потому, что это было единственным правильным решением. Как мужчина и как педагог я не мог позволить несправедливо нападать на ученицу.

Я включил передачу и плавно выехал с парковки на залитый водой проспект.

Женя…Она зацепила меня еще там, в парке. Храбрая, с поразительно красивыми глазами. В караоке, когда она стояла на сцене, я поймал себя на мысли, что эта девушка чертовски выделяется на фоне всех, кого я видел за последнее время. Я взял её номер не ради легкого флирта — она действительно меня заинтересовала.

И надо же было такому случиться, что утром она встала из-за парты одиннадцатого класса.

Мне тридцать. Ей восемнадцать. По закону никаких вопросов к нам быть не может, но школьная этика и моя репутация — это совершенно другое дело. Один слух, один косой взгляд и под ударом окажусь не только я. Пострадает она, её будущее, её выпускной класс.

Я припарковал машину во дворе своей многоэтажки, заглушил двигатель и пару минут посидел в темноте. Нужно взять себя в руки. В конце концов, я взрослый мужчина, а не импульсивный подросток. Я справлюсь с этим.

В квартире меня встретил плотный, тяжелый топот когтей по ламинату. Луциан, мой стаффорд, сидел у двери, дисциплинированно ожидая команды.

— Привет, Лу, — я потрепал его по мощной рыжей загривке. Пес преданно заглянул мне в глаза и коротко вильнул хвостом.

— Гулять сегодня пойдем быстро, погода мерзкая.

Переодевшись в домашнее, я насыпал псу корм и ушел на кухню. Телефон на столе завибрировал.

Максим:

«Здорово! Как первый рабочий день? Школьницы еще не вешаются на молодого учителя? И кстати, что там с твоей Женей? Договорились на выходные?»

Я взял стакан с водой, сделал несколько глотков и быстро набрал ответ:

«Привет. Работы выше крыши, планы замучили. С Женей тему закрыли, там без вариантов. На выходных буду занят методичками».

Я заблокировал экран и положил телефон экраном вниз.

«Вы уже собираетесь?»

Спустя пару минут, я вспомнил о нашей договоренности и быстро напечатал новое сообщение.

«Конечно. Осталось только докупить что-то из еды.»

«Это я могу взять на себя. Как раз у дома есть супермаркет. Там вроде своя кулинария»

« Леш, ты знаешь, что такое доставка? Если хочешь поесть просрочку — пожалуйста, но без нас. Девчонки уже всё приготовили. Осталось купить что-то пожевать. Менее серьёзное, чем запечённое мясо, которое пахнет на всю мою квартиру.»

«Понял, жду»

Планы на вечеринку в честь моего возвращения, которые мы строили ещё два месяца назад, слегка растянулись и плавно перетекли на сегодняшний день. Перспектива проводить завтрашние занятия с похмельем и головной болью не вдохновляла, но отменять всё было поздно. Да и не хотелось, если честно. После сегодняшнего дня мне нужно было выдохнуть.

Много лет назад мы с родителями уехали из этого города в поисках лучшей жизни. Отец вопреки всему построил бизнес, опираясь на нас с братом и маму. После её смерти всё изменилось. Он замкнулся, ушёл в работу с головой, а я начал жить своей жизнью. После института, спустя несколько лет, я решил вернуться на малую родину — туда, где когда-то работала мама. Устроился в школу. Начал работать по профессии.

Максим, мой школьный друг, с которым мы не теряли связь все эти годы, помог обосноваться в городе, найти квар-

тиру и скоротать летние месяцы безделья. Он же настоял на этой вечеринке, когда я только приехал. «Отметим, Лёш. По-человечески. Соберёмся, посидим». Два месяца откладывали.

— Давай договоримся: сегодня ты ведёшь себя хорошо и не рычишь на Диану. Идёт? — повернулся я к псу.

Лу хрустел кормом и косил на меня глазом, будто обдумывая предложение. С первого дня их отношения с Дианой не сложились. Она боялась его, он чувствовал это и отвечал взаимностью: рычал, гавкал, не пускал дальше порога. Я не знал, в чём причина. Со всеми остальными Лу был доброжелателен.

Звонок в дверь разорвал тишину в тот самый момент, когда я вытряхивал в миску последние чипсы. Идеальное совпадение. Хотя, зная Макса, это была просто случайность, удачно прикинувшаяся пунктуальностью.

Распахнув дверь, я тут же сложил руки на груди, изображая крайнюю степень изумления.

— Надо же, минута в минуту. Я впечатлён.

Максим стоял на пороге, самодовольно ухмыляясь.

— Когда в программе вечера значится «пить», мой внутренний навигатор сбоев не даёт. Пять секунд — и я на месте.

Из-за его плеча донесся смешок. Маша, его девушка, ловко обогнула живописный монумент своего парня и шагнула в прихожую. Её улыбка была яркой, почти ослепительной, но я слишком хорошо знал этот блеск. Это не свет, а его ис-

кусная имитация.

— Ой, кому ты рассказываешь, — пропела она. — Мы двадцать минут ждали в машине, пока этот «навигатор» выбирал, какая футболка лучше подчеркнёт его готовность к возлияниям.

— Не наговаривай! — Макс прижал руку к сердцу с видом оскорблённого достоинства. — Дискредитируешь меня в глазах лучшего друга. Всего-то пара опозданий за жизнь, с кем не бывает?

Мы с Машей переглянулись. Это был тот самый вид диалога, когда молчание звучит громче любого саркастичного комментария. Оно повисло в воздухе на пару секунд, тягучее и красноречивое, заставив Макса театрально закатить глаза.

За их спинами, словно призрак, показалось Диана. Она ступила на свет мягко, почти неслышно, держа в руках нечто, завёрнутое в блестящую фольгу. Её взгляд, острый и быстрый, тут же обшарил пространство за моей спиной, цепляясь за каждый угол, каждую тень в прихожей. Искала Лу. Я понял это по тому, как на секунду напряглись её плечи.

— Лёш, — выдохнула она, не увидев пса и я почти физически ощутил, как отпустило её внутреннее напряжение. Рельефная мозаика тревоги на её лице сменилась гладкой, тёплой улыбкой. Она привстала на носочки, и её холодные с улицы губы на мгновение прижались к моей щеке. Вместе с поцелуем она вручила мне свою ношу. Тяжёлое, ещё хранящее тепло керамической формы блюдо.

— Сегодня весь день только этим и жила. Готовила.

Фольга была горячей. Сквозь неё пробивался аромат — густой, манящий, сотканный из чеснока, пропитавшего нежные волокна мяса, и терпких специй. Этот запах мгновенно заполнил всю прихожую, обещая уют, которого я, честно говоря, сейчас не чувствовал.

— Спасибо, — ответил я, отступая в сторону и кивая вглубь квартиры, где уже горел тёплый свет и играла приглушённая музыка. Я запер за ними дверь, отрезая нас от мира снаружи.

Пока девушки захватили кухню, превратив её в свой командный пункт по сервировке, наполняя пространство звоном бокалов и сдержанным смехом, мы с Максимом ретировались на балкон. Это была моя крепость. Два глубоких мягких кресла, низкий столик и пёс, свернувшийся клубком у моих ног. Я часто сбегал сюда, чтобы смотреть, как кипит чужая жизнь, пока моя собственная стоит на паузе.

Тишину нарушал только едва слышный треск сигареты. Макс, сделав глубокий глоток пива прямо из горлышка, резким движением затушил окурок в стеклянной пепельнице. Жест был нервным, рваным. Он выдохнул дым в сторону, но тот, подхваченный сквозняком, на мгновение окутал его лицо.

— О чем задумался? — спросил он, не глядя на меня, и его голос прозвучал глухо, словно из-под толщи воды.

— Всё в порядке, — соврал я, отводя взгляд и почесывая

пса за ухом. — Просто немного вымотан. Но я рад, что вы приехали. Правда.

Макс откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу. Его пальцы машинально царапали этикетку на бутылке, отрывая от неё мокрые клочки бумаги. Челюсти были сжаты. Теперь в задумчивости и тихой панике пребывал он, хотя со стороны могло показаться, что это просто усталость.

— У вас вроде бы всё наладилось? — спросил я прямо, понимая, что хожу по тонкому льду. — Или мне показалось?

Он криво усмехнулся и поднес бутылку к губам. Глоток был долгим.

— Я уже сам не знаю, что из этого реальность, а что — мой персональный театр абсурда. Находиться дома физически больно. На людях она — звезда. Ты видел её улыбку сегодня? Просто оскар в номинации «Лучшая женская роль». Она старается, даже ты повёлся. — Он мотнул головой и сжал горлышко бутылки так, что побелели костяшки. — Её мамочка постаралась на славу.

— Снова приезжала?

— Обижаешь. Как она может оставить свою кровиночку в такой «страшной» ситуации, один на один с тираном? — он выплюнул последнее слово. — Она же уверена, что это я довожу её дочь до нервных срывов. Если бы она знала только всей правды...

Я подался вперёд, бросив быстрый взгляд на закрытую дверь балкона. За стеклом, на барных стульях, обняв колени,

сидели девушки и о чем-то увлечённо шептались, не подозревая, что за ними наблюдают.

— Маша опять начала? — в моём голосе не было вопроса, только мрачная уверенность.

Макс кивнул, и его плечи словно надломились. Уставшие, потухшие глаза — вот что было самым страшным. Не злоба, не отчаяние, а бесконечная, выжженная усталость.

— Не так, как раньше. Курит иногда, тайком. Думает, что я слепой и не чувствую этого запаха, когда она возвращается из ванной. А когда проходит дурман, она начинает лечить меня, смотреть такими чистыми, невинными глазами и убеждать, что мне всё показалось. И я почти начинаю ей верить.

Я молчал. О том, что случилось между ними, я узнал не так давно. В такой же вот вечер, когда алкоголь развязал язык. Тогда Максим, сжимая кулаки, рассказал мне всё. О той глупой ссоре, вспыхнувшей из-за пустяка, о криках, о том, как она в истерике выскочила из дома, о визге тормозов, который до сих пор ему снится. Они потеряли ребёнка в тот день. И вместе с ним — свои отношения, которые теперь медленно, по песчинке, утекали сквозь пальцы, как холодный осенний песок.

Внезапно Макс хлопнул ладонями по коленям, и этот звук прозвучал как выстрел, разгоняя тяжёлые тучи нашего разговора. С его лица мгновенно исчезла горечь, уступив место той самой маске, которую он только что осуждал в Маше.

— Ладно, хватит о грустном, — произнёс он наигранно бодрым голосом, вставая. — Вино выдыхается, а нас уже заждались. Пойдём, а то девушки решат, что мы тут против них заговор устраиваем.

Он протянул мне руку, чтобы помочь встать, и я принял её. Я видел, как быстро он переключился, как легко надел на себя броню «парня, у которого всё хорошо». И в этот момент я понял: этот вечер будет куда длиннее, чем я рассчитывал.

Глава 7

Утро в школе началось привычно — с глухого топота по лестнице, хлопающих дверей и голосов, которые становились громче с каждой минутой. За окнами моросил холодный сентябрьский дождь, и от этого в школе было особенно шумно: кто-то стряхивал капли с зонта, кто-то торопливо переобувался, а кто-то, смеясь, перебегал по коридору, пока дежурная не успела сделать замечание.

Я поднялась на второй этаж, поправила ремень сумки на плече и вошла в кабинет. Под подошвами чуть поскрипывал влажный пол, а из соседнего класса доносился звонкий смех и обрывки громкого разговора. На доске уже оставались записи с прошлого урока, поверх которых кто-то успел нарисовать маленькое сердечко. В воздухе смешались запахи мела, мокрой ткани и яблочного шампуня.

Кто-то из ребят сидел на подоконнике, постукивая кроссовкой по батарее, двое спорили из-за зарядки для телефона, а у двери несколько человек наперебой обсуждали нового учителя.

Лена, заметив меня, сразу махнула рукой.

— Наконец-то.

— Я не опоздала.

— Я не про это.

Я положила сумку на парту и села. Деревянная поверх-

ность была прохладной, а из-под крышки соседней парты доносился тихий скрип — кто-то торопливо точил карандаш.

— А про что?

Лена переглянулась с Олей, которая сидела за соседней партой, и достала из папки несколько листов. Бумаги зашуршали, едва не заглушив звонкий голос с последней парты, требовавшего вернуть ручку.

— Нам нужно тебе кое-что сообщить.

— Что случилось?

— Ничего плохого, — успокоила меня Оля. — Просто вчера на собрании приняли решение по осеннему балу.

Я повернулась к ним внимательнее. За окном по стеклу скользнула крупная капля, оставляя за собой прозрачный след.

— И что решили?

— Осенний бал и День учителя будут в один день, — объяснила Лена. — Так что скоро нужно будет начинать подготовку к празднику.

— Уже скоро?

— Да. Времени не так много, как кажется.Оля разложила листы на парте. На них были исписанные от руки пункты, стрелки, зачёркнутые идеи и несколько ярких пометок маркером.

— Нам ещё нужно придумать сценарий, распределить номера и подготовить конкурсы.

— А кто будет ведущими? — спросила я.

Лена улыбнулась, и в её глазах мелькнуло знакомое озорство.

— Мы с Олей.

— Вы уже согласились?

— Нас назначили, — ответила Оля. — Так что выбора особенно не было.

В этот момент в коридоре раздался резкий звонок, но никто не обратил на него внимания: до начала урока оставалось ещё несколько минут. Дверь кабинета то и дело открывалась, впуская новые голоса, запах дождя и холодный сквозняк. Кто-то громко поздоровался, кто-то уронил пенал, и по полу с металлическим звоном раскатились карандаши.

— Зато будет весело, — добавила Лена. — Правда, придётся много работать.

Я посмотрела на листы, исписанные заметками и набросками.

— А чем я могу помочь?

— Пока просто подумай, какие можно придумать конкурсы и музыкальные паузы, — сказала Оля. — Потом соберёмся все вместе и обсудим.

— Хорошо.

В кабинет вошла учительница, и разговор пришлось закончить. Её каблуки глухо стукнули по полу, а следом почти сразу стих гул голосов. Лена быстро собрала листы, Оля убрала их в папку, и класс постепенно затих, хотя за дверью всё ещё слышались торопливые шаги, приглушённый смех и

чей-то громкий возглас.

Я открыла тетрадь и постаралась сосредоточиться на уроке. Получалось не сразу. Мел сухо заскрипел по доске, страницы вокруг зашелестели, а за окном дождь тихо постукивал по стеклу. В голове уже крутились мысли о предстоящем празднике: как украсить зал, какие номера включить в программу.

Иногда из коридора доносился звонок телефона, скрип открывающейся двери или быстрый топот тех, кто всё-таки опоздал на урок. Школа жила своим шумным утренним ритмом, и даже тишина в кабинете казалась непрочной — будто в любой момент её могли разорвать смех, звонок или чей-то шёпот.

За окном серое сентябрьское утро медленно светлело. На стекле ещё оставались следы ночного дождя, холодный свет ложился на парты, а во дворе школьники перебегали от одного входа к другому, прячась от редких капель. Ветер шевелил редкие, мокрые жёлтые листья, прилипшие к асфальту, и от этого осень казалась совсем близкой.

Я посмотрела на часы. До конца уроков было ещё несколько часов, но день уже обещал быть насыщенным.

Последний урок закончился. Коридоры опустели, только где-то внизу, у гардероба, ещё гудели голоса. Я попрощалась с подругами, спустилась на второй этаж и у кабинета истории остановилась. Дверь была приоткрыта.

Я толкнула её и вошла.

За партами сидели трое. Двое парней с параллельного класса и одна девочка — кажется, из десятого. Перед ними лежали раскрытые тетради и учебники. Вид у всех был кислый.

У окна, на последней парте, уже стоял планшет с натянутым ватманом. Мой.

Алексей сидел за своим столом, что-то писал в журнале. Услышав шаги, поднял голову и на секунду наши взгляды встретились. Он не улыбнулся. Только коротко кивнул. Я прошла к последней парте. Парни проводили меня взглядом, но ничего не сказали. Девочка смотрела в учебник, делая вид, что ей всё равно. Я села, достала карандаши. Ватман был уже закреплён. Рядом лежала коробка с гуашью и банка с водой.

Работа не шла.

Я провела первую линию, потом вторую. Стёрла. Снова провела. Рука не слушалась. Мысли разбегались. Прошло, наверное, минут двадцать. Парни за соседними партами перешёптывались, девочка что-то писала. Алексей не поднимал головы от журнала.

Потом я услышала шаги.

Он шёл по проходу между партами. Не быстро. Обычным шагом. Остановился у моей парты, сбоку. Я не подняла головы, продолжала рисовать.

Он стоял молча. Смотрел.

— Тут как-то темно, — сказал он наконец. Просто. Без

нажима.

Я подняла глаза. Он смотрел не на меня. На ватман. Близко. Слишком близко, чтобы это выглядело как обычная проверка работы. Его тень падала на парту, на мои руки.

— Свет должен идти от окон, — добавил он. — Иначе похоже на подвал.

Он посмотрел на меня. Впервые за весь день — прямо. Я, не хотя припираться, кивнула, соглашаясь. Он не отошёл сразу. Постоял ещё секунду. Потом выпрямился и вернулся к своему столу.

Один из парней хмыкнул.

— А нам так не объясняете.

Алексей не ответил. Перевернул страницу в журнале.

Я снова взяла карандаш. Руки дрожали. Я сделала вид, что это от холода. Прошло ещё полчаса. Парни начали собираться. Один из них громко зевнул, другой демонстративно захлопнул учебник. Девочка с параллельного тоже поднялась, сложила тетради в рюкзак.

— Алексей Михайлович, мы свободны? — спросил тот, что сидел ближе.

—Свободны, но отработку, могу поставить только с натяжкой.

Они вышли. Не сразу — сначала один, потом второй, девочка задержалась у стола, что-то спросила про задание. Алексей ответил коротко, не поднимая глаз. Она кивнула и вышла. Дверь закрылась.В кабинете стало тихо. Только

дождь за окном и скрип моего карандаша.

Я не поднимала головы, продолжала рисовать.

Алексей встал. Я услышала, как отодвинулся стул, как он прошёл мимо — не к моей парте, а к двери в лаборантскую. Она была в конце класса, за моей спиной. Дверь открылась, потом закрылась. Я осталась одна.

Карандаш шуршал по бумаге. Дождь стучал по стеклу. Где-то в коридоре прошли чьи-то шаги и стихли. Минут через пять дверь лаборантской снова открылась. Алексей вышел. В одной руке он держал две кружки, в другой — что-то маленькое, завёрнутое в фольгу. Он подошёл к моей парте, поставил кружку рядом с банкой с водой. Потом положил рядом шоколадку.

— Кофе, — сказал он. — И это.

Я посмотрела на кружку, из которой поднимался пар. Потом на него.

— Спасибо.

— Не за что.

Он не ушёл. Отодвинул стул от соседней парты — той, что стояла через проход, — и сел. Не напротив. Сбоку. Так, чтобы видеть и меня, и ватман.

Я взяла кружку. Сделала глоток. Кофе был крепкий, без сахара. Как я люблю. Он сидел молча. Смотрел, как я рисую. Не подсказывал. Не комментировал. Просто смотрел.

— Ты всегда так рисуешь? — спросил он наконец. — Как будто пытаешься нарисовать что-то, чего на самом деле нет.

Я не подняла головы.

— Может, пытаюсь.

— Понятно. — Он помолчал. — Значит, если я буду сидеть достаточно долго, ты нарисуешь и меня?

— Ты и так здесь.

— Формально — да. Но есть ощущение, что я здесь меньше, чем этот ватман.

Я всё-таки посмотрела на него. Он сидел спокойно, руки в карманах, взгляд на рисунке. Не на мне.

— Ты хочешь, чтобы я тебя нарисовала?

— Нет, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты закончила то, что начала. А то сидишь здесь уже сорок минут, а на бумаге — только тени.

Я опустила карандаш. Посмотрела на ватман. На свои руки. На него.

— Ты всегда такой настойчивый?— Только когда вижу, что человек застрял.

— Я не застряла.

— Вот именно это застрявшие и говорят.

Я невольно фыркнула. Он заметил. Кивнул — мол, вот и отлично. Прошло минут десять. Может, больше.Он наконец поднялся. Стул скрипнул по полу.

— Ладно, давай заканчивать и я тебя подвезу.

Я не подняла головы. Продолжала рисовать.

— Не надо. Я доберусь сама.

— Дождь. — Возразил мужчина.

— Я не сахарная.

— Не сомневаюсь. Но я догадываюсь с какой неохотой тебе приходится сидеть здесь и всем этим заниматься, а промокшая одежда — это лишнийаовод что бы заболеть и не закончить. Я угадал? А мне ещё здесь работать.

— Мне тоже.

— Вот именно. Искупаемся в ушате г…, недовольства вместе — Он сделал паузу. — К тому же, у меня машина тёплая. У тебя — мокрые кроссовки и испорченное настроение. Выгода очевидна.

— Небольшой дождь не испортит мне настроение.

— Это похвально, но я против.

— Почему?

— Потому что, — он сказал это так, что я всё-таки подняла глаза, — когда человек и так выглядит так, будто его день не удался, не стоит добавлять к этому ещё и простуду.

— Это тонкий намёк, что я похожа выгляжу? — Не сдержавшись, я улыбнулась.

— Я не об этом…

Я хотела возразить, но не нашла что сказать. Он прав. И это злило ещё больше.

— Как хочешь, — сказал он. — Но предложение остаётся в силе. Пока не передумал.

— А ты можешь передумать?

— Ежедневно. Обычно в семь утра, когда звонит будильник.

— Тогда я нерискну.

— Вот и отлично.

Он уже собрался что-то сказать, но в этот момент дверь кабинета открылась. На пороге стояла учительница русского и литературы. Молодая девушкк, в светлом платье, с папкой подмышкой. Волосы собраны в низкий хвост.

— Алексей, прости, что отвлекаю, — сказала она. — Ты же помнишь, что обещал помочь с документами? .

Он на секунду закрыл глаза.

— Екатерина Александровна, — выдохнул он. — Я думал, вы будете позже.

— Я напоминаю сейчас, потому что позже ты снова забудешь. — Она улыбнулась. — Мне правда нужно, чтобы ты посмотрел на пару вещей. Пятнадцать минут, не больше.

Он посмотрел на меня.

— Прости. Меня похищают на пятнадцать минут.

— Ничего страшного.

— Подожди меня здесь, я освобожусь быстро и вернусь за тобой.

— Не обязательно.

— Обязательно, — сказал он. — Не люблю оставлять вещи недоговорёнными. И потому что иначе ты решишь, что я сбежал.

— Я так и решу.

— Ну уж нет. Значит, напишу на всякий случай.

Екатерина Александровна перевела взгляд на меня — на

секунду задержала, потом снова посмотрела на Алексея. Он кивнул. Помедлил. Потом взял со стола кружки — мою и свою — и отнёс их к раковине в углу кабинета. Я собирала карандаши в коробку, сворачивала ватман.

— Кстати, — сказал он, уже у двери. — рисунок неплохой. Но если добавишь ещё немного света, будет меньше похоже на место преступления.

— Я поработаю над этим.

— Вот и отлично. — Он усмехнулся. — Я скоро, Женя.

Когда я подняла голову, его уже не было. Только открытая дверь в коридор и звук шагов, которые удалялись. Я постояла ещё минуту. Потом взяла сумку и вышла из кабинета. В коридоре было пусто. Только где-то внизу, у гардероба, ещё гудели голоса. Я спустилась по лестнице, вышла на улицу. Дождь почти закончился. Только редкие капли падали с деревьев, и асфальт блестел, как зеркало.

Я пошла пешком. До дома было недалеко. Десять минут, если не спешить. Я не спешила. Сумка давила на плечо. В кармане лежал телефон. Я не доставала его. Не проверяла сообщения. Просто шла. И думала о том, что сегодня я снова ухожу одна.

День выдался насыщенным, и после школы хотелось только переодеться, поесть и хотя бы на час забыть обо всём, что происходило вокруг. Я бросила сумку на стул в комнате, сняла пиджак и переоделась в домашнюю одежду. На кухне поставила чайник, достала из холодильника йогурт и несколько

минут просто стояла у окна, наблюдая за двором.

После дождя асфальт ещё оставался влажным. Машины медленно проезжали по дороге, оставляя за собой тонкие брызги, а ветер гонял по тротуару первые жёлтые листья. Телефон лежал на столе. Я посмотрела на него.Ничего. Точнее, сообщение от Алексея всё ещё оставалось непрочитанным.

Я открыла его, перечитала его несколько раз и снова заблокировала экран. Не знаю, почему вообще продолжала к нему возвращаться. Вроде бы всё было просто. Он спросил где я. Я пока не ответила. На этом можно было закончить.

Я взяла планшет и села за стол. Нужно было доделать несколько набросков для очередного заказа, поэтому я включила музыку, открыла рабочий файл и постаралась сосредоточиться.

Получалось.Минут двадцать.Потом телефон зазвонил. На экране высветилось имя Оли.

— Привет.

— Привет. — В её голосе было что-то странное. Не тревога. Скорее… осторожность. — Ты как?

— Нормально. А что?

— Просто думаю, может, пробежимся?

— Сейчас?

— Да. Погода нормальная. Дождь кончился.

Я посмотрела в окно. Асфальт блестел, но дождя действительно не было.

— Ты хочешь поговорить? — спросила я.

— Хочу. Но не по телефону.

— Где ты?— У твоего дома.

Я подошла к окну. Оля стояла внизу, под фонарём, в тёмной спортивной кофте. Подняла голову, помахала.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. Спускайся.

— Я не одета.

— Тебя никто не увидит. Кроме меня. И я видела тебя в худшем.

Я усмехнулась.

— Пять минут.

— Жду.

Я закончила работу, быстро переоделась в спортивную одежду, собрала волосы и сунула телефон в карман ветровки. Перед выходом написала маме, что ненадолго ушла на стадион.

Оля уже ждала меня у входа.

— Ты пунктуальная, — сказала она, взглянув на часы. Я рассчитывала, что ты придёшь через тридцать.

— Не дождалась.

Она усмехнулась и поправила хвост.

— Пойдём.

На улице было прохладнее, чем днём. Воздух пах влажной землёй и мокрыми листьями. Я застегнула куртку и мы пошла в сторону стадиона, разминаясь перед пробежкой. Вечером здесь было заметно меньше людей, чем днём. Несколько

мужчин занимались на тренажёрах, на дальней части поля подростки гоняли мяч, а по дорожке время от времени пробегали другие спортсмены.

Через несколько минут мы перешли на лёгкий бег. Первый круг прошли почти молча. На втором Оля наконец заговорила.

— Мама, — сказала Оля наконец. Голос её был ровным, но я знала — за этой ровностью скрывалось то, что она не хотела показывать. — Мы поругались.

— Из-за чего?

— Из-за всего, — она провела рукой по лицу, убрала волосы со лба. — Из-за экзаменов. Из-за поступления. Из-за того, что она уже всё решила за меня, а меня никто не спросил.

— Она все ещё хочет, чтобы ты поступала на юриста, — сказала я. Это был не вопрос. Я знала маму Оли — строгую, требовательную, женщину, которая привыкла, чтобы её слушались.

— На юриста, — кивнула Оля. — Бесплатно. Чтобы я не смела даже думать о платном. Чтобы готовилась уже сейчас, с сентября, потому что «время не ждёт».

— А ты?

— А я не хочу, — сказала Оля. Голос её дрогнул , первый раз за весь вечер. — Я не хочу быть юристом. Я не хочу заучивать статьи, доказывать чью-то правоту, врать, что мне это нравится.

Она замолчала. Я не перебивала.

— Она сказала: «Музыка — это хобби, а не профессия», — продолжила Оля. — Сказала: «Ты не поступишь, там конкурс бешеный». Сказала: «Кто тебя будет содержать, когда ты не найдёшь работу?»

— А ты?

— А я сказала, что это моя жизнь, — Оля усмехнулась, горько, без веселья. — И она ответила: «Пока ты живёшь в моём доме, ты живёшь по моим правилам».

— Жёстко, — сказала я.

— Это она умеет, — ответила Оля. — Она всегда умела. Просто раньше я соглашалась. А сегодня — нет.

— И что?

— И я ушла, — Оля пожала плечами. — Вышла из дома и пошла на стадион. Позвонила тебе. Потому что больше некуда было идти.

Остановившись, я взяла её за руку — холодную, тонкую, с длинными пальцами пианистки.

— Ты можешь переночевать у меня, — сказала я. — Оставайся сколько нужно.

— Не нужно, — ответила Оля. — Я вернусь. Поговорю. Попробую объяснить ещё раз.

— А если не получится?

— Тогда буду думать дальше, — она посмотрела на меня. — Я не сдамся. Я не буду юристом. Я лучше буду играть в переходах, но не буду ненавидеть свою жизнь каждое утро.

— Ты драматизируешь, — сказала я.

— Я просто знаю, чего хочу, — ответила Оля. — В отличие от некоторых.

Я хотела обидеться, но не смогла. Потому что она была права.

— Ты говорила с кем-нибудь из консерватории? — спросила я.

— Нет, — Оля покачала головой. — Боюсь. Если они скажут, что у меня нет таланта, я не знаю, что буду делать.

— А если скажут, что есть?

— Тогда я пойду против мамы, — ответила Оля. — И это будет страшно.

— Но ты же не боишься страха, — сказала я. — Ты сама говорила: «Я просто не боюсь смотреть вперёд, даже если там темно».

Оля посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Мы бежали уже четвёртый круг, когда из кустов вылетело нечто. Я даже испугаться не успела , пёс огромных размеров прыгнул прямо мне в ноги, едва не сбив с темпа.

— Твою мать, — выдохнула Оля, останавливаясь рядом.

А я узнала его. Не сразу , в темноте и с перепугу, но когда пёс лизнул мою ладонь и завилял хвостом так, что чуть не оторвал себе заднюю часть, память подбросила картинку: тот первый вечер в парке, пьяные мужчины, темнота и потом

Алексей, вышедший из ниоткуда. А рядом с ним пёс, который сидел у его ног.

— Лу, — сказала я, опускаясь на корточки. — Привет, мальчик. Ты меня помнишь?

Пёс радостно заскулил, ткнулся мокрым носом мне в щёку. Оля стояла рядом, сложив руки на груди.

— Ты знаешь эту зверюгу? — спросила она с лёгким подозрением.

— Это пёс Алексея Михайлова, — ответила я, не поднимая головы. — В тот вечер, в парке... он был с ним.

— Он похоже один. Без хозяина.

Оля огляделась по сторонам. Стадион был почти пуст , только два мужика с торчащими животами наматывали круги на дальней дорожке.

— Может, хозяин где-то рядом, — предположила она.

— Может, — согласилась я. — Но выглядит так, будто Лу сбежал. Ошейник без поводка.

Пёс, подтверждая мои слова, радостно гавкнул и сделал круг вокруг нас, едва не сбив с ног Олю.

— Убери его, — сказала Оля, отступая на шаг. — Я люблю собак, но с этого размера начинается лошадь.

— Он добрый, — ответила я, беря Лу за ошейник. — Пошли искать твоего хозяина.

Глава 8

Мы пошли в сторону дальней тренажёрной площадки, единственного места на стадионе, где ещё горел свет и мы не были. Лу радостно трусил рядом, иногда забегая вперёд и возвращаясь, будто проверял, идём ли мы за ним.

— Умная собака, — заметила Оля.

Мы вышли на площадку. Свет падал сверху, выхватывая из темноты турники, скамьи для жима и большую боксёрскую грушу, которая раскачивалась на цепях.

Алексей Михайлович стоял у груши. На нём были спортивные штаны и чёрная футболка без рукавов, мокрая от пота. Он колотил грушу — сильно, с глухим ритмичным звуком, который разносился по всей площадке. Его движения были резкими, злыми , не тренировочными, а такими, будто он выплёскивал что-то, что копилось внутри.

Рядом, на скамейке, сидела девушка.

Я заметила её сразу. Невысокая, с тёмными волосами до плеч, которые она заправила за уши. Она сидела, скрестив ноги, и смотрела на Алексея с таким выражением, которое я не могла прочитать — то ли скука, то ли ожидание, то ли что-то ещё.

Лу увидел хозяина и рванул вперёд, радостно залаяв. Мужчина остановился, опустил руки, повернулся.

— Лу, — сказал он, и в его голосе не было злости, только

усталость и какое-то облегчение. — Ты где был?

— Он обычно не бросается к незнакомым. —сказала девушка с искренним недоумением, как только мы подошли ближе.

Только сейчас, я смогла разглядеть ее лучше. Карие глаза, аккуратный нос, небольшие губы , ничего особенного, если смотреть по отдельности. Но вместе это складывалось в лицо, которое хотелось разглядывать. Фигура была красивой : большая грудь, округлые бёдра, но при этом она была худой, с тонкой талией и острыми ключицами, выступавшими из-под тонкой кофты.

Пёс вилял хвостом, прыгал вокруг Алексея, извинялся и радовался одновременно. Хозяин потрепал его по голове, потом поднял взгляд на нас.

Он не удивился. Или сделал вид.

— Женя, — сказал он. — Оля. Спасибо, что нашли. Он вечно убегает, когда я отвлекаюсь.

— Он нас нашёл, — ответила я. — Мы только привели.

— Он тебя учуял, — сказал учитель. — Лу запоминает тех, кто ему нравится.

— Взаимно, — ответила я, глядя на пса.

Алексей Михайлович усмехнулся.

Девушка на скамейке встала. Подошла ближе, встала рядом с Алексеем так близко, что их плечи почти касались.

— Это Диана, — сказал мужчина. — Моя подруга. А это мои ученица.

Диана посмотрела на меня. Её карие глаза скользнули по лицу, по спортивной одежде, по влажным волосам. Оценивающе, быстро и я почувствовала в этом взгляде что-то, чего не смогла назвать.

— Приятно познакомиться, — сказала она. Голос у неё стал более низкий, чуть хриплый.

— И нам, — ответила я. — Алексей Михайлович наш учитель истории.

Оля молчала, но я чувствовала её напряжение, она стояла рядом, прямая, как струна, и смотрела на Диану с тем спокойным, всё замечающим выражением, которое у неё включалось в подозрительных ситуациях.

Лу вился у моих ног, не давая покоя. Я погладила его по голове, он лизнул мою ладонь.

— Он тебя знает, — заметила Диана, указывая на Лу. В её голосе не было ничего — ни тепла, ни холода. Просто констатация факта.

— Мы уже встречались, — ответила я.

Диана повернулась к своему спутнику вопросительно посмотрев, но тот даже не взглянул на нее в ответ, переводя взгляд с меня на Лу, усевшегося у моих ног.

Девушка хотела что-то сказать, но Лу вдруг отошёл, подбежал к ней, обнюхал ноги и отступил. Не зарычал, не оскалился. Просто отвернулся и вернулся ко мне, демонстративно сев у моих ног.

Это было красноречивее любых слов.

— Ну и пёс, — сказала Диана с лёгкой обидой в голосе. — Ты его балуешь.

— Он сам выбирает, к кому подходить, — ответил Алексей. — Я не вмешиваюсь.

— Мы пойдём, — сказала я. — Уже поздно.

— Да, — согласился Алексей Михайлович . — Спасибо ещё раз за Лу.

— Не за что, — ответила я.

Я погладила Лу напоследок.

— До свидания, — сказали одновременно с Олей.

— До свидания, — ответил мужчина.

Диана кивнула, ничего не сказав.

Мы с Олей развернулись и пошли к выходу со стадиона. Шли молча, пока не оказались достаточно далеко.

—Я не знала…:— чуть ли не шептала я.— Он не говорил, что не свободен.

— Она не просто подруга, — сказала Оля.— Заметила, — ответила я.

— И он не просто так её представил.

— Тоже заметила.

— Ты же видела, как она посмотрела на него, когда он сказал «подруга», — Оля усмехнулась. — Она хотела его убить. Взглядом.

— Может, у них что-то было, — предположила я.

— Может, у них что-то есть, — поправила Оля. — Сейчас.

Я остановилась. Посмотрела на неё.

— Думаешь?

— Я не думаю, — сказала Оля. — Я наблюдаю. Она стояла рядом с ним так, будто это её место. И смотрела на тебя так, будто ты пришла на чужую территорию.

—Я не знала…:— чуть ли не шепча, вновь, повторила я. — Он не говорил, что не свободен.

— Ты расстроена?

— Нет, — ответила я. — не знаю.

— Врёшь, — спокойно сказала Оля.

— Может быть, — согласилась я. — Но я не хочу об этом думать теперь.

— Слушай, — сказала Оля. — Я не буду говорить тебе «брось это» или «одумайся». Ты не маленькая. Но давай смотреть с самого начала и правде в глаза. Он учитель. Ты ученица. Если бы кто-то узнал, ему конец. И тебе несладко было бы.

— Я знаю, — ответила я, выпрямляясь.

— Значит, ты была готова к последствиям? — Оля посмотрела на меня в упор.

— Не знаю, — честно сказала я. — Но я не готова сделать вид, что ничего не почувствовала.

— Это другой разговор, — Оля чуть заметно улыбнулась ,краем губ, как всегда, когда одобряла что-то, но не хотела это показывать.

— А что бы ты сделала на моём месте? — спросила я.

— Я? — Оля задумалась. — Я бы сделала то же самое.

— Спасибо за поддержку, — сказала я с лёгкой горечью.— Я поддерживаю, — ответила Оля. — Я просто не раздаю розовые сопли. Это не мой стиль.

Я усмехнулась.

— А какой твой стиль?

— Честный, — сказала она. — Хочешь романтики — иди к Лене. Она тебе нарисует, как вы с ним поженитесь и уедете в Париж. Я же скажу: будь осторожна, не наделай глупостей и помни, что он — учитель. Даже если он тебе нравится.— Ты романтик в душе, — заметила я.

— Я реалист в душе, — поправила Оля. — Это разные вещи. Теперь идем домой. И не думай о нём.

Мы шли по вечерним улицам, и прохладный осенний воздух приятно холодил разгорячённую после бега кожу. Слова Оли эхом отдавались в голове: «Она стояла рядом с ним так, будто это её место».Я пыталась убедить себя, что мне всё равно. Что Диана — красивая, яркая, статная — именно та пара, которая должна быть у такого мужчины, как Алексей. Она вписывалась в его мир гораздо естественнее, чем я со своими кистями, красками и школьными тетрадками. Но внутри всё равно противно саднило.

— Завтра последним опять история и этот плакат…

Оля молчала, внимательно глядя на меня. В свете редких фонарей её глаза казались почти прозрачными.

— Не пытайся прочесть его, Женя, — тихо сказала она. — Он взрослый мужчина и умеет держать маску. Ты только

зря себя изведёшь.

— Я просто пойду на урок, Оль. Ничего больше.

— Ну-ну, — она кивнула на прощание, когда мы вышли на развилку дороги. — До завтра.

Дома было тихо. Мама уже спала после ночной смены. Я прошла на кухню, налила стакан воды и долго смотрела в окно на темные кроны деревьев. Мой телефон, брошенный на стол, коротко пиликнул. Сердце предательски подпрыгнуло, но это была лишь Лена в общем чате — присылала какие-то мемы.

Я легла в кровать, но сон не шёл. Перед глазами стоял Лу, преданно усевшийся у моих ног, и взгляд Дианы — холодный, оценивающий, почти враждебный. Она увидела во мне угрозу? Глупо. Я всего лишь ученица, одна из многих. Но то, как Алексей представил её — просто «подруга», а нас — «мои ученицы»…

Четверг встретил меня опять серым небом и мелким, противным дождем. Школа гудела, как растревоженный улей. Лена и Оля уже сидели на подоконнике в коридоре второго этажа , нашем обычном месте. Лена была сама не своя: светлые волосы собраны в небрежный пучок, под глазами круги, зелёные глаза смотрят в одну точку. Она даже не заметила, как я подошла.

— Привет, — сказала я.

Лена вздрогнула, подняла голову.

— А. Ты пришла.Привет.

— Выглядишь так, будто не спала, — заметила я.

— Не спала, — согласилась Лена. — Думала.

— О чём?

— О том, что я правильно делаю, а что нет, — она посмотрела на меня, и в её глазах была такая тоска, что я невольно отступила на шаг.

Оля сидела рядом, молчала. На ней была та же водолазка, что вчера, и я заметила, что под глазами у неё тоже тени.

— Оль, ты тоже не спала? — спросила я, хотя знала ответ.

— Спала, — ответила она. — Но мало.

— Вы сегодня какие-то обе, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал легко. — Праздник депрессии?

Лена не улыбнулась. Оля тоже.

— У нас с Пашей разговор был, — сказала Лена, не глядя на меня. — Вчера вечером. Долгий.

— И? — спросила я.

— И я думаю, что нам нужно расстаться, — ответила Лена. — Он не понимает меня. Совсем. Я ему говорю одно, он слышит другое. Я про чувства, он про...Да ни про что...Непроглядная пустота. Видите ли, я слишком эмоциональная.

— А ты и есть слишком эмоциональная, — заметила Оля, но без обычной колкости.

— Знаю, — вздохнула Лена. — Но это не значит, что мои чувства — это шум, который можно игнорировать.

Я хотела что-то сказать, но передумала. Лена не любила,

когда её жалели. Она любила, когда её слушали.

— Ты решила уже? — спросила я.

— Почти, — ответила Лена. — Сегодня скажу. Или завтра. Или когда соберусь с духом.

— Сегодня, — сказала Оля. — Иначе завтра будет то же самое, и ты будешь мучиться ещё неделю.

Прозвенел звонок. Мы пошли на первый урок. Я сидела на математике и смотрела на доску, но видела перед собой стадион. Его мокрую футболку, прилипшую к плечам. То, как он смотрел на меня, когда Лу сел у моих ног.

Не влюбилась. Это глупо. Это по-детски. Я просто... заметила. Заметила, как он двигается. Как говорит. Как молчит. Всё.

На перемене Лена ушла звонить Паше. Оля сидела на подоконнике, пила воду из бутылки и смотрела в окно.

— Ты как? — спросила я, садясь рядом.

— Нормально, — ответила она. — Поговорила с мамой утром. Опять.

— И?

— Она сказала, что я должна определиться, чего хочу, до конца недели, — Оля усмехнулась. — Как будто я не знаю. Как будто проблема в том, что я не определилась, а не в том, что она не слышит.

— Она боится за тебя, — сказала я.

— Она боится за себя, — ответила Оля. — Что скажут подруги, если её дочь не поступит на юриста. Что будет, если

я не оправдаю ожиданий.

— Это нечестно.

—Такова жизнь, — Оля пожала плечами. — Я справлюсь.

Лена вернулась красная, сжав телефон в руке.

— Не взял трубку, — сказала она. — Перезвонит. Или нет.

— Иди сюда, — я похлопала по подоконнику рядом с собой.

Лена села, прижалась плечом к моему плечу. Мы сидели втроём, как в детстве, когда ничего не болело и не было никаких Пашей, родителей и учителей, на которых нельзя смотреть дольше пяти секунд.

Последним уроком была история.

Я почувствовала, как пальцы, сжимающие край учебника, побелели. Оля, сидевшая сзади, кашлянула, но я не обернулась. Прозвенел звонок. Шум в коридоре затих, и через минуту дверь открылась.

Алексей Михайлович вошел в класс своей привычной уверенной походкой. На нем была светлая рубашка с закатанными по локоть рукавами и темный жилет — строго и одновременно мужественно. Он положил журнал на стол и обвел класс взглядом. На мгновение его серо-голубые глаза задержались на мне. Мне показалось, или в них мелькнула тень вчерашней неловкости?

— Здравствуйте. Садитесь, — голос его был ровным и спокойным. — Начнем. Сегодня у нас повторение и провер-

ка пройденного материала.

Дёмин, сидевший на соседнем ряду, откинулся на спинку стула и вытянул ноги в проход. Его вальяжная, наглая поза буквально излучала провокацию. На лице играла та самая усмешка, которая не предвещала ничего хорошего.

Он начал перекличку. Я смотрела на него и думала о том, что вчера вечером он колотил грушу, выплёскивая злость. О чём он думал? О чём злился? Может, о Диане. Может, обо мне. Может, о чём-то третьем, чего я не знаю.

— Резвова, — вызвал он. — Расскажи о России на рубеже XIX–XX веков.

Я встала. Эту тему знала хорошо, к тому же успела повторить утром, пока чистила зубы. Я начала отвечать, глядя на него, но не в глаза, чуть выше, чтобы не смущать ни себя, ни его.

— Конец XIX — начало XX века стал для России периодом глубоких противоречий. С одной стороны — бурное экономическое развитие, промышленный подъём, строительство Транссибирской магистрали. С другой — сохранение самодержавия, аграрный вопрос, растущее социальное неравенство...

— Дёмин, — перебил меня учитель.

С первой парты поднялся Артём. Вечно недовольный, вечно с кислой миной. Он не смотрел на учителя , он смотрел в телефон.

— Ты вообще слушаешь? — спросил его Алексей Михай-

лович .

— Да, — нехотя ответил Артём, пряча телефон в карман.

— Тогда вопрос к тебе, — учитель отложил журнал. — Какие реформы Витте ты можешь назвать?

— А можно кого-нибудь другого? Я сегодня не в форме.

— Это заметно, — спокойно ответил Алексей. — Но форма одежды меня сейчас интересует меньше, чем ваши знания. К доске.Артём не спешил вставать. Он провёл пальцами по краю парты, посмотрел на одноклассников, будто надеялся найти поддержку, но никто не торопился вмешиваться.

— А если я не пойду?

В классе стало тише.

Алексей медленно поднял на него взгляд.

— Тогда я зафиксирую отказ от ответа и поставлю отметку за неподготовленность.

— За что? — Артём усмехнулся. — Вы даже вопрос не задали.

— Домашнее задание было задано всему классу. Вы его не выполнили?

— Не выполнил.

— Тогда оценка будет выставлена за это.

— Удобно, — протянул Артём. — Можно просто вызвать того, кто точно всё выучил, и не тратить время на остальных.

Я почувствовала, как Лена рядом напряглась. Оля подняла глаза от тетради.

Алексей не изменился в лице.

— Дёмин, к доске.

— А почему не Резвову? — Артём кивнул в мою сторону. — Она у нас всё знает. Ей и плакат рисовать поручают, и домашнее задание она наверняка уже наизусть рассказать способна.

— Евгения ответит после вас, если я её вызову, — сухо сказал Алексей.

— Да я не против. Просто так честнее. Она у нас отличница, пусть и отвечает.

— Вы сейчас обсуждаете не порядок опроса, а пытаетесь избежать собственного ответа.

— Я ничего не пытаюсь избежать.

— Тогда встаньте и выйдите к доске.

Артём резко отодвинул стул. Ножки неприятно скрипнули по полу. Он поднялся и медленно подошёл к доске, прихватив с собой ручку.

Алексей открыл журнал.

— Вопрос первый. Основные направления внутренней политики Николая Второго в начале правления.

Артём взял мел, но не повернулся к классу.

— Можно попроще?

— Это первый вопрос из домашнего задания.

— Я его не понял.

— Что именно?

— Всё.

По классу прошёл тихий смешок. Артём обернулся, явно

довольный произведённым эффектом.

— Может, вы нормально объяснять будете? А то записывать под диктовку все умеют, а как спросишь — сами не знают.

— Я объяснял тему на прошлом уроке.

— Значит, плохо объясняли.

В классе стало совсем тихо. Алексей закрыл журнал и положил ручку на стол.— Дёмин, вы можете не соглашаться с моей методикой преподавания. Но это не освобождает вас от необходимости изучать материал.

— А если материал скучный?

— Тогда это ваша проблема.

— Конечно, — Артём пожал плечами. — У вас вообще всё очень удобно. Кто нравится — тот получает хорошие оценки. Кто не нравится — тот сразу плохой.

Лена едва слышно выдохнула. Я почувствовала неприятный холод под рёбрами.

— Вы сейчас о чём? — спросил Алексей.

— Ни о чём конкретном.

— Тогда говорите конкретно. Вы обвинили меня в необъективности.

— А разве нет?

— Есть пример?

Артём посмотрел на него, потом перевёл взгляд на меня.

— Например, Резвова ещё вчера получила пятёрку. Хотя ответила не лучше остальных.

Я медленно подняла голову.

— Ты вообще слушал, что я отвечала?

— А что, нужно было слушать?

— Тогда молчи, если не знаешь.

Артём развернулся ко мне всем корпусом.

— Я тебя не спрашивал.

— А меня уже втянули в разговор, — ответила я.

— Тебя никто не втягивал. Ты сама всегда лезешь, когда тебя не просят.

— Дёмин, разговаривайте нормально, — вмешался Алексей.

— А что не так? Она же у нас самая умная.

— Ещё одно подобное замечание, и вы выйдете из класса.

Артём усмехнулся.

— Почему? Потому что вам не нравится, когда кто-то говорит правду?

— Потому что вы мешаете уроку и переходите на личности.

— Я просто пытаюсь понять систему. Резвова отвечает — пять. Я отвечаю — два. Может, дело не в знаниях?

В классе повисла неприятная тишина. Я почувствовала, как к лицу приливает жар. Мне хотелось одновременно провалиться под парту и врезать ему учебником.

Алексей встал из-за стола.

Он не повысил голос. Наоборот, заговорил ещё спокойнее, отчего его слова прозвучали жёстче.

— Дёмин, вы сейчас публично оскорбляете одноклассницу и ставите под сомнение мою профессиональную оценку, не имея ни одного доказательства.Если у вас есть претензии к отметке, вы можете обсудить их после урока в нормальном тоне.

— Да мне не нужно после урока. Я всё уже понял.

— Судя по вашему ответу, вы не поняли даже тему.

Несколько человек опустили головы, чтобы скрыть улыбки. Артём заметил это и окончательно вышел из себя.

— Да вы вообще кто такой, чтобы со мной разговаривать как с маленьким? Пришли первый день и уже решили, что тут самый главный?

— Я ваш учитель.

— На время.

— Этого достаточно, чтобы вы соблюдали правила поведения на моём уроке.

— А если не буду?

Алексей посмотрел на часы, затем снова на Артёма.

— Тогда вы покинете кабинет.

— Из-за пары слов?

— Из-за систематического нарушения дисциплины, отказа выполнять задание и оскорбления одноклассницы.

— А, ну конечно. Резвову защищаете.

У меня внутри всё оборвалось.

Алексей даже не взглянул в мою сторону. Его лицо стало совершенно непроницаемым.

— Я защищаю порядок на уроке. Резвова здесь ни при чём.

— Конечно, — фыркнул Артём. — Все так говорят.

— Вон из класса.

Артём замолчал.

— Что?

— Вы меня услышали. Соберите вещи и отправляйтесь к Наталье Егоровне. Я сам передам ей, почему вы были удалены с урока.

— Вы не можете меня выгнать.

— Могу. И уже сделал это.

Артём несколько секунд стоял у доски, сжимая мел в руке. В его взгляде мелькнула злость, но спорить дальше он не решился. Положил мел на подоконник, вернулся к своей парте и начал демонстративно медленно собирать учебники.

Проходя мимо меня, он остановился.

— Довольна?

Я посмотрела на него.

— Тебя выгнали не из-за меня, ты виноват во всем сам!

— Не строй из себя святую.

— Иди уже, Дёмин, — устало сказал Алексей. — Не усугубляйте ситуацию.

Артём резко закинул рюкзак на плечо и вышел из кабинета. Дверь за ним закрылась с таким грохотом, что задребезжали стёкла в окнах.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Алексей вернулся к столу, взял журнал и сделал в нём запись. Его движения оставались спокойными, но я заметила, как сильно он сжимал ручку.

— Продолжим урок, — сказал он. — Откройте тетради. Тема сегодняшнего занятия — социально-экономическое развитие России в начале двадцатого века.

Я опустила взгляд на страницу, однако сосредоточиться не могла. В голове всё ещё звучали слова Артёма: «Резвову защищаете».

Он сказал это специально. Чтобы задеть меня. Чтобы посеять сомнения у остальных. Но хуже всего было то, что Алексей действительно вмешался. И теперь весь класс это заметил.

Оставшуюся часть урока я старалась не поднимать головы. Записывала каждое слово, даже когда не успевала понять смысл. Алексей больше ни разу не посмотрел в мою сторону, обращаясь ко всем одинаково ровным голосом.

Когда прозвенел звонок, одноклассники не сразу начали собираться. Видимо, все ждали, чем закончится история с Дёминым. Лена ушла первой, сказав, что ей нужно позвонить Паше, пока она не передумала. Оля задержалась на секунду, посмотрела на меня, спросила:

— Остаёшься?

— Плакат доделать, — ответила я. — Ты иди.

Алексей Михайлович заговорил первым, как только за последним учеником закрыла с дверь.

— Ты не обязана была отвечать ему.

— А что мне было делать? Молчать, когда он говорит, будто я получила пятёрку незаслуженно?

— Я понимаю.

— Он специально это сказал.

— Конечно, специально.

Алексей опёрся ладонями о край стола. Его голос оставался спокойным, но в нём слышалась усталость.

— Дёмин привык, что ему многое сходит с рук. Он провоцирует людей, пока кто-нибудь не сорвётся. Тогда виноватым оказывается тот, кто ответил. Сегодня он пытался сделать то же самое с тобой.

— У него получилось.

— Не совсем. Ты ответила, но не сорвалась.

— Вы его выгнали.

— Я удалил ученика с урока за нарушение дисциплины. Это не связано с тобой.

— Он так не думает.

— Это его право думать что угодно. Но это не значит, что я должен позволять ему превращать урок в разбор личных претензий.

Алексей Михайлович собрал журнал, проверил, всё ли на месте, и направился к двери.

— Я ненадолго, — сказал он. — В учительскую. Скоро буду.

— Хорошо, — ответила я, уже разворачивая мольберт.

Дверь закрылась. Я осталась одна. В кабинете было тихо, только часы на стене тикали да дождь барабанил по подоконнику. Я поставила банку с водой на парту, разложила кисти, поправила ватман. Плакат был почти готов, оставалось добавить цвет, тени, подправить крыльцо, сделать небо чуть глубже.

Я взяла кисть, окунула в воду, начала смешивать краски.

Дверь открылась. Я не обернулась, подумала, что Алексей Михайлович вернулся. Но шаги были другими, тяжёлыми, нарочито громкими. Я повернула голову. Артём стоял в дверях. Рюкзак на одном плече, руки в карманах, на лице та самая усмешка, которую я ненавидела с первого класса.

— Чего тебе? — спросила я, откладывая кисть.

— Поговорить, — он вошёл в кабинет, закрыл за собой дверь. — Ты сегодня была такой героиней. Я решил выразить восхищение.

— Восхищение? — я усмехнулась. — Скорее, зависть. Слушай, Дёмин, если тебе так хочется с кем-то поговорить, иди к психологу. У неё кабинет на первом этаже. Мне с тобой разговаривать не о чем.

— Я сказал правду, — Артём подошёл к парте, на которой стояла банка с водой. — Ты всегда выслуживаешься, всегда отвечаешь. Учителя тебя обожают.

— Учитель тебя выгнал, потому что ты вёл себя как хамло, — сказала я, чувствуя, как внутри поднимается холодная злость. — Исключительно из-за твоего дерьмового характе-

ра. Не приплетай сюда меня.— Ой, да ладно, — он скрестил руки на груди, вальяжно опираясь бедрами о край соседней парты. — Ты любимица. Все это знают. А я не люблю подлизов.

— Я не подлизываюсь, — сказала я спокойно, хотя голос уже едва заметно дрожал от напряжения. — Я просто делаю то, что должна. Учусь. Помогаю школе. Если тебя это бесится — лечи нервы.

— Помогаешь школе, — передразнил он. — Прямо святая Резвова. Куда деваться.

— А ты что делаешь? — я шагнула к нему, не выдержав. — Срываешь уроки, хамишь, гадишь по мелочам? Это называется «быть бунтарем»? По-моему, это называется инфантилизмом.

— Умная, да? — он резко усмехнулся, но в глазах на секунду мелькнуло раздражение.

— Достаточно умная, чтобы не тратить время на споры с идиотом, — ответила я, возвращаясь к мольберту. — Уйди. Пожалуйста. Не порть мне день окончательно.

— С чего бы это? — он развёл руками, делая ещё один шаг вперед. — Я ничего такого не делаю. Просто веду культурную беседу.

Он резко качнулся назад, неуклюже задев локтем край парты. Тяжелая пластиковая банка с водой качнулась, опрокинулась и со всплеском вылила всю мутную жидкость прямо на развернутый ватман.

Вода мгновенно растеклась по плотной бумаге грязными серыми лужами, смешиваясь со свежей гуашью, размывая контуры и превращая аккуратную, выстраданную за три дня работу в уродливое, бесформенное месиво. Я судорожно схватила банку, поставила её ровно, но было поздно. Почти всё, что я делала, — прорисованное крыльцо, деревья, глубокое небо — поплыло, растворилось, стекая грязными потеками на пол.

— Ой, — протянул Артём, глядя на испорченный рисунок с фальшивым сожалением. — Случайно. Рука сорвалась.

— Ты сделал это специально, — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Докажи, — он ухмыльнулся, но в глазах теперь отчетливо плескался испуг — кажется, он сам не ожидал, что всё зайдёт так далеко.

Я стояла, сжимая в мокрых пальцах пустую банку, и смотрела на то, как три дня моей жизни, бессонные вечера и старания утекают серой жижей. Внутри всё обрушилось. Горло сдавило так сильно, что не получалось сделать вдох.

В этот момент дверь кабинета распахнулась. Алексей вошёл в класс, держа в руках стопку тетрадей из учительской. Он замер на пороге, переводя взгляд с моего перекошенного лица на грязные разводы на ватмане, а затем на притихшего Артёма.

— Что здесь происходит? — спросил он тихо, но от этого шепота в кабинете мгновенно стало холодно.

— Ничего, — Артём попятился к выходу, закидывая лямку рюкзака на плечо. — Вода… случайно пролилась. Мы тут просто беседовали.

— И ты утверждаешь, что это вышло случайно? — в голосе Алексея прозвучал такой металл, что Дёмин вздрогнул.

Я не могла произнести ни слова. Горло напрочь запечатали обида и слёзы, которые я изо всех сил старалась удержать внутри.

— Я… я пойду, — выдавил Артём, протиснувшись мимо учителя в дверной проем, и быстрым шагом скрылся в коридоре.

Алексей не стал его останавливать. Он бросил тетради на свой стол, быстрым широким шагом пересек класс и оказался рядом со мной. Аккуратно забрал из моих пальцев смятую пластиковую банку, поставил её на край парты. Затем перевел взгляд на уничтоженный плакат, на размытую гуашь, на мои дрожащие руки.

Когда он снова посмотрел на меня, в его серо-голубых глазах не осталось ни учительской строгости, ни маски дистанции — только жгучая, темная тревога и ярость, направленная не на меня.

— Жень, — позвал он тихо, касаясь кончиками пальцев моего плеча. — Посмотри на меня.

Я не сразу смогла поднять глаза. Смотрела на мокрый ватман, на краску, растёкшуюся серыми и синими пятнами, и пыталась удержать дыхание ровным. Оно всё равно сбива-

лось.

— Не надо, — выдавила я.

— Хорошо. Не буду. — Алексей убрал руку с моего плеча и отступил на шаг. — Давай сначала уберём воду, пока она не затекла под планшет.

Он взял со стола стопку салфеток и осторожно промокнул край ватмана. Я смотрела, как он старается спасти хотя бы чистую часть листа, хотя мы оба понимали: рисунок уже не восстановить.

— Всё, — сказала я, когда он потянулся за новой салфеткой. — Не надо. Он испорчен.

Алексей замер, но спорить не стал. Положил салфетки рядом и оглядел работу ещё раз.

— Можно попробовать начать заново, — сказал он после короткой паузы. — Время ещё есть. Я поговорю с Натальей Егоровной, объясню, что произошло. Попросим новый ватман. Я помогу тебе с материалами, а сроки…

— Нет.

Я произнесла это слишком резко. Алексей посмотрел на меня, но не перебил.

— Жень, понимаю, что сейчас ты расстроена. Но ты уже придумала композицию, у тебя есть эскиз. Не придётся начинать с пустого листа.

— Я не буду начинать заново.

— Хорошо, не сейчас. Давай хотя бы отложим решение до завтра.

— Нет, — повторила я. — Я три дня над этим работала. После уроков, вместо отдыха. А теперь должна снова всё переделывать, потому что Дёмину захотелось доказать, что ему всё сходит с рук? Не хочу. И не буду.

Алексей помолчал. По его лицу было видно, что он подбирает слова, но не пытается переубедить меня любой ценой.

— Ты не обязана сейчас соглашаться, — сказал он наконец. — Я не собираюсь заставлять тебя. Но и оставлять всё как есть мы не будем.

— Что вы можете сделать? — спросила я. — Плакат уже испорчен.

— Сначала разберусь с тем, что произошло. Потом поговорю с директором о работе и сроках. Это моя ответственность как учителя, раз уж ты работала в моём кабинете.

— Но вы же не видели, как он опрокинул банку.

— Не видел. Зато видел, в каком состоянии ты и плакат, когда вошёл. И Дёмин сам признал, что вода пролилась, хотя уверял, что это случайность. Я поговорю с ним и с Натальей Егоровной. Без выводов на эмоциях, но и замалчивать случившееся не стану.

Я опустила взгляд на свои испачканные пальцы.

— Он всё равно скажет, что случайно.

— Возможно. Это не значит, что я должен делать вид, будто ничего не было.

Алексей снова посмотрел на мокрый ватман, затем на меня.

— Когда я искал старые учебники, видел в кладовой стопки плакатов и ватман. Кажется, там хранились прошлогодние работы и остатки материалов. Может, найдётся чистый лист подходящего размера. Пойдём посмотрим?

— Зачем? — устало спросила я. — Чтобы вы снова предложили начать сначала?

— Нет. Чтобы понять, какие у нас есть варианты. Ничего решать прямо сейчас не придётся.

Я не ответила. Мне не хотелось идти куда-либо и смотреть на старые школьные плакаты. Не хотелось думать о новом листе, свежих красках и ещё трёх днях работы. Я хотела, чтобы всё это исчезло — и испорченный рисунок, и Артём, и необходимость объяснять кому-то, почему мне больше не хочется участвовать в конкурсе.

— Жень, — спокойно продолжил Алексей, — я не буду уговаривать тебя обещать, что ты всё переделаешь. Но давай хотя бы найдём материал. Если ты решишь, что продолжать не хочешь, так и скажешь. Я сам объясню это директору.

Я подняла на него глаза.

— Правда объясните?

— Да. И вопрос с Дёминым тоже решу. Тебе не придётся одной разбираться с тем, что он сделал.

В его голосе не было жалости. Только ровная, уверенная решимость. От этого становилось немного легче — но не настолько, чтобы я захотела снова смотреть на плакат.

Я вытерла ладони о салфетку и отодвинула стул.

— Ладно. Посмотрим, что там есть. Но я ничего не обещаю.

— И не нужно, — ответил он.

Алексей открыл дверь и пропустил меня вперёд. В коридоре пахло сыростью и старой краской. Школа уже почти опустела; где-то внизу хлопнула дверь, и снова стало тихо.

Мы направились к кладовой. Алексей шёл впереди, не пытаясь заговорить, а я держалась на расстоянии, сжимая испачканную салфетку в руке. Сейчас мне было важно не то, что он собирался сделать, а то, что он не требовал от меня немедленно успокоиться и передумать.

У кладовой он достал связку ключей.

— Надеюсь, замок не заело, — сказал он, перебирая ключи. — Давно сюда не заглядывали.

Дверь наконец открылась. Внутри пахло пылью, картоном и засохшей гуашью. Узкий проход был заставлен коробками и свернутыми картами. На верхних полках лежали рулоны бумаги, а у дальней стены стояли прислонённые друг к другу старые плакаты.

Алексей включил свет. Лампочка под потолком мигнула и загорелась.

— Вот, — сказал он, указывая на дальнюю стену. — Я их тогда и заметил. Посмотрим, может, среди них есть что-нибудь пригодное.

Я осталась у порога. Сил на новый поиск почти не было, но уходить сразу почему-то тоже не хотелось. Алексей начал

осторожно перебирать рулоны, проверяя бумагу, а я смотрела на старые работы — выцветшие, помятые, забытые.

Мой плакат всё ещё стоял в кабинете, испорченный водой. И я всё ещё не знала, захочу ли когда-нибудь начинать его заново.

Кладовая оказалась небольшой комнатой, заставленной стеллажами. На них громоздились папки, старые плакаты, свёрнутые в рулоны, кипы бумаг, глобусы, потрёпанные учебники. В углу стоял манекен в советской пионерской форме — жутковатое зрелище при свете фонарика.

— Здесь есть всё, кроме порядка, — сказал мужчина, подсвечивая мне. — Смотри, может, найдём что-то с подходящим фоном.

Я начала перебирать плакаты. Старые, выцветшие, с лозунгами про мир и труд. «Слава КПСС», «Берегите природу», «Учёба — наш главный труд». Всё это пахло прошлым, и мне стало немного грустно.

— Слишком старое, — сказала я, откладывая один рулон. — Здесь краски выцвели, ничего не перекроешь.

— Смотри дальше, — сказал учитель.

Я залезла на верхнюю полку, пытаясь дотянуться до свёртка в тёмной обёртке. Андрей подошёл, встал рядом, подсветил.

— Осторожно, — сказал он. — Там, кажется, глобус сверху лежит.

— Вижу, — ответила я, встав на цыпочки.

Алексей осторожно потянул за один из пыльных рулонов, проверяя качество бумаги, как вдруг за нашей спиной раздался резкий, сухой металлический щелчок.

Мы одновременно обернулись. Дверь кладовой, которая всё это время была приоткрыта, медленно качнулась и захлопнулась. Раздался глухой стук язычка замка.

— Что это было? — тихо спросила я, делая шаг назад.

Алексей отбросил рулон в сторону и в два широких шага преодолел узкий проход между коробками. Он дёргал за ручку раз, другой. Металл поддался самую малость, но замок мёртво заклинило. Изнутри не было ни поворотника, ни щеколды — только глухая металлическая пластина и старый советский механизм, который, судя по всему, рассыпался от старости.

— Чёрт, — сквозь зубы выругался он.

— Не открывается?

— Заело. Похоже, замок окончательно развалился.

Алексей дёргал ручку ещё раз, прикладывая усилие, но безрезультатно. Внутри механизма что-то звякнуло, и ручка безвольно повисла вниз.

— Здорово, — пробормотала я, обхватив себя руками за плечи.

Мы переглянулись в полумраке кладовой, где свет давала лишь тусклая лампочка под потолком. И тут до меня дошло то, о чём Алексей, судя по выражению его лица, уже тоже подумал.

— И сквозняка не было, — тихо добавила я, глядя на темнеющий дверной проём. — Дверь была открыта нараспашку. Сама по себе она бы не захлопнулась.

Алексей помрачнел. В полумраке кладовой его лицо казалось высеченным из камня.

— Дёмин, — негромко произнёс он, и в этом спокойном тоне угрозы было больше, чем в любом крике. — Он крутился на этаже. Видел, куда мы пошли.

— Замечательно, — я нервно усмехнулась, чувствуя, как внутри нарастает паника. — Просто великолепно. И что теперь делать?

— Охранник. Часам к восьми он проверяет все двери на этажах, — ответил Алексей. Он огляделся по сторонам, оценивая масштабы нашего заточения. — Главное — не паниковать.

— Ага, просто постучим и нас впустят — я скептически посмотрела на массивную деревянную дверь, обитую изнутри старым дерматином. — Телефоны… у тебя есть телефон?

Алексей автоматически хлопнул себя по карманам брюк и рубашки. Лицо его окаменело.

— Нет. Я оставил пиджак и портфель на своём столе в кабинете, когда уходил с тетрадями. А ты?

— А я свой оставила в сумке в классе, когда выходила, — глухо ответила я.

Мы остались в запертой, холодной кладовой без связи. До конца рабочего дня школы оставалось ещё какое-то время,

но с учётом погоды и окончания дня большинство учителей и учеников уже разъехались по домам.

— Значит, будем ждать, — спокойно, стараясь не выдавать волнения, сказал Алексей.

Я кивнула, но уже через несколько минут поняла, насколько здесь холодно.

Кладовая находилась в торце здания, у самой внешней стены, куда почти не доходило отопление. Из-за дождя за окном температура в помещении падала стремительно. Я была в тонкой школьной рубашке и пиджаке, который совершенно не спасал от сырости. Меня затрясло мелкой, неконтролируемой дрожью. Зубы тихо застучали.

Алексей заметил это сразу. Он стоял напротив, прислонившись спиной к стеллажу со старыми картами, но мгновенно оторвался от него, сделав шаг ко мне.

— Ты замёрзла, — это был не вопрос.

— Немного… — попыталась улыбнуться я, обхватывая себя руками за плечи и пытаясь унять дрожь.

Он не стал слушать мои неловкие оправдания. Действуя совершенно машинально, словно это было самым естественным жестом на свете, Алексей перехватил мои руки, вытянул их из рукавов и накрыл своими большими, горячими ладонями.

Я вздрогнула от неожиданности, но руку не отдёрнула.

Его пальцы были сухими и тёплыми. Он начал аккуратно растирать мои ледяные ладони, согревая их своим дыха-

нием. Мы стояли в узком проходе между стеллажами, и в полумраке кладовой его лицо оказалось так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от него, и знакомый запах — хвоя, кофе и холодный дождь.Я замерла, глядя на него снизу вверх в полумраке кладовой.

— Совсем ледяные, — тихо выдохнул он, переплетая свои пальцы с моими, чтобы передать ещё больше тепла, и поднёс их к своему лицу, согревая дыханием. — Я дурак.

— Ты же не знал, что нас запрут… — мой голос звучал странно хрипло.

— Я должен был предусмотреть всё, — упрямо ответил он, продолжая аккуратно растирать мои ладони. Его прикосновения были уверенными, бережными, от них по телу постепенно разливалось спасительное тепло, вытесняя холод. — Особенно когда рядом ты.

От этого тепла дрожь понемногу начала отступать, но на смену ей пришло другое — странное, глухое напряжение. В тишине кладовой каждый вдох казался слишком громким.

Я смотрела на его сосредоточенное лицо, на тёмные брови, на то, с какой естественной заботой он грел мои руки, и в голове снова всплыла вчерашняя сцена на стадионе. Лу, радостно виляющий хвостом у моих ног. И Диана. Красивая, взрослая, стоявшая рядом с ним так, будто это было её законное место.

— Помнишь, — нарушила я тишину, стараясь, чтобы голос звучал ровно и отстранённо. — Когда мы встретились в

караоке, ты позвал меня на свидание.

Алексей на мгновение замер. Его движения стали чуть медленнее, но ладоней он не отпустил.

— Позвал, — спокойно подтвердил он, подняв на меня взгляд.

— И при этом забыл упомянуть одну маленькую деталь.

— Какую?

— Что ты не свободен, — я произнесла это без злости, без вызова или обиды. Просто констатировала факт, с которым уже успела смириться за прошлую ночь. — В караоке ты выглядел человеком, который абсолютно волен делать любые предложения. А вчера на стадионе… появилась Диана. И смотрела она на нас с Олей так, будто мы пришли на её личную территорию.

Алексей чуть приподнял бровь. В его глазах мелькнуло удивление, а затем — слабая, едва заметная тень усмешки, которую он тут же скрыл.

— Вот оно что, — тихо произнёс он, продолжая согревать мои пальцы. — Значит, вы с Олей уже успели сделать выводы и вынести приговор.

— Трудно было сделать другие выводы, глядя на то, как она стояла рядом с тобой, — пожала я плечами. — Я не бросаю тебе претензий. В конце концов, мы чужие люди, и ты мне ничего не должен. Но просто… получается, ты тогда изначально солгал.

Алексей тяжело вздохнул и покачал головой, словно под-

бирая правильные слова для непростого объяснения.

— Я не лгал, Жень. Ни тогда, ни сейчас.

Он перевернул мои ладони, растирая запястья, и посмотрел мне прямо в глаза — открыто и уверенно.

— Нас с Дианой познакомил Максим, когда я только перебрался в этот город в начале лета. Компания была общая, мы часто пересекались, вместе проводили время. За эти пару месяцев мы действительно сблизились, общались ближе, чем просто приятели… Но между нами никогда не было тех рамок, о которых ты сейчас думаешь. Никаких обязательств, обещаний или клятв верности. Диана привыкла всё держать под контролем, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза и ловко уводя разговор в более безопасное русло. — Она собственница по натуре, и если с кем-то общается, то автоматически считает этого человека своей собственностью. Вчера она просто напросилась пойти со мной на пробежку за компанию. А когда увидела вас… включила свою обычную манеру метить территорию. Но это её личная позиция, не моя.

— То есть для тебя это ничего не значит? — прямо спросила я.

— Для меня это закрытая история, которая исчерпала себя к концу августа, — ровно и твердо ответил Алексей. — И когда я предложил тебе встретиться, я не считал себя связанным какими-либо отношениями. Ни перед кем.

Я смотрела на него, пытаясь понять, насколько искренне звучат его слова. С одной стороны, всё сходилось: его спо-

койствие, его дистанция на стадионе. С другой — я чувствовала, что он о чем-то умалчивает, сглаживая углы. Но давить дальше не имело смысла.

— Даже если так, — тихо сказала я, ощущая, как тепло его рук окончательно прогнало холод из моих пальцев, — сути дела это не меняет.

— Не меняет, — эхом отозвался он, и в его голосе снова прозвучала та глухая, затаенная грусть. — Но мне важно, чтобы ты не думала, будто я играл тобой или держал за дурочку.

Мы снова замолчали. Воздух в кладовой казался плотным и густым. Его ладони продолжали удерживать мои, и в этой тишине отчетливо слышалось наше дыхание.

Вдруг где-то в конце коридора послышался глухой лязг связки ключей и тяжелые, шаркающие шаги школьного сторожа.

— Кажется, обход, — тихо произнес Алексей.

Он помедлил секунду, а затем медленно, с явной неохотой разжал пальцы и отступил на шаг назад, снова надевая на себя привычную маску преподавателя.

— Есть кто там? — крикнул учитель. — Эй!

Шаги остановились. На секунду повисла тишина.

— Кто там? — раздался женский голос. Уборщица, тётя Зина, которую все знали по громкому голосу и вечному ворчанию.

— Это я, Алексей Михайлович! — крикнул он. — Дверь

захлопнулась.

— О господи, — сказала тётя Зина. — Я сейчас!

Я услышала, как женщина вздохнула — тяжело, с призвуком «ну что за молодёжь, что за учителя».

— Сейчас, — сказала она. — Ручка там сломалась, я не открою. Я за охранником схожу.

— Хорошо, — ответил Алексей. — Мы ждём.

Шаги удалились. Я выдохнула.

— Говорил же, не паниковать.

Через несколько минут послышались тяжёлые шаги, и голос охранника дяди Васи:

— Ну-ка, ну-ка, что тут у нас?

— Дверь заклинило, — сказал учитель . — Ручка, наверное, сломалась.

— Сейчас посмотрим, — дядя Вася чем-то загремел с той стороны, повозился. — А ну, отойдите от двери.

Мы отошли. Дверь дёрнулась, скрипнула, потом с громким треском открылась. В проёме стояли тётя Зина с ключами в руках и дядя Вася с монтировкой.

— Вылезайте, — сказал он.

Учитель вышел первым, я за ним. Свет коридорных ламп ударил в глаза, и я зажмурилась.

— Зачем вы туда полезли? — спросила тётя Зина, подозрительно оглядывая нас.

— Искали старые плакаты, — ответила я. — Для конкурса. А дверь сквозняком захлопнуло.

— Ручку давно надо было чинить, — проворчала она. — Я говорила завхозу.

— Спасибо вам большое, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал нормально. — Что пришли.

— А то б вы там до утра сидели, — буркнул дядя Вася, складывая монтировку в чехол. — Никто бы вас не нашёл. Ладно, идите уже. Поздно.

— До свидания, — сказала Алексей Михайлович.

— Спасибо, до свидания! — чуть слышно сказала я и направилась в кабинет, где лежали ее вещи, следом зашёл и учитель.

***

— Иди в кабинет, собирай вещи, — сказал я с той твёрдостью, которая не предполагала дискуссий. — Я закрою класс, и отвезу тебя домой.

— Я сама дойду, Алексей Михайлович, — попыталась возразить Женя, нахмурившись. — Дождь уже почти прошёл.— На улице ливень и уже вечера, — перебил я её. — Собирай сумку. Я жду у машины через пять минут.

Она прикусила губу, явно собираясь сказать мне какую-нибудь дерзость, но всё же развернулась и пошла по коридору к кабинету истории. Я проводил её взглядом, чувствуя, как внутри натягивается гудящая струна.

Через десять минут мы уже сидели в салоне моего автомобиля. Внутри пахло кожем, дождём и застоявшимся теплом от печки, которую я сразу включил на максимум. Мы

выехали со школьного двора. За всё время дороги до её дома никто из нас не уронил ни слова. В салоне стояла оглушительная, давящая тишина, разбавляемая только тихим стуком дворников да шумом воды под колёсами.

Я смотрел на дорогу, но боковым зрением непрерывно ловил её силуэт на пассажирском сиденье. Женя отвернулась к окну, подперев подбородок рукой. В свете редких уличных фонарей её профиль казался высеченным из мрамора — тонким, холодным и недоступным.

Я думал. О вчерашнем вечере. О Диане.

Женя, конечно, сделала выводы. Умная девушка — не могла не сделать. Диана стояла рядом со мной, близко. Слишком близко для «просто подруги». Лу демонстративно отвернулся от неё и сел у ног Жени. А я не стал ничего объяснять. Что она подумала? Что я вру? Что я играю? Ведь в нашу вторую встречу я ничего не сказал, а недоговорить , ровно соврать, но ведь и она, поступила так же. Но я видел её взгляд. Когда Диана подошла ближе В её глазах было что-то, не ревность, нет. Скорее вопрос. И это хуже всего. Потому что вопросы, которые не задают, имеют свойство превращаться в ответы, которые не проверяешь.

Мы проехали перекрёсток. Светофор горел зелёным, дорога в эту сторону была пустой.

Мой мозг разрывало на части.

Там, в кладовой, держа её ледяные пальцы в своих руках, я едва не сорвался. Я лгал себе всю последнюю неделю, что

контролирую ситуацию. Ни черта я не контролировал. Меня тянуло к ней с такой силой, что вся моя рассудительность, тридцать лет возраста, учительский статус и здравый смысл превращались в пыль. А история с Дианой? Я ведь действительно не договорил ей всю правду. Сгладил углы, соврал по сути, лишь бы не выглядеть в её глазах циничным гадом. Зачем? Чтобы сохранить эту паршивую надежду?

Это безумие нужно было прекращать. Прямо сейчас. Пока всё не зашло слишком далеко и не рухнуло нам обоим на головы. Я должен был стать тем человеком, который подведёт черту. Даже если для этого придётся резать по живому.

Я припарковался у её подъезда, но зажигание выключать не стал. Мотор тихо урчал, заполняя паузу.

— Завтра я поговорю с Натальей Егоровной, — сказал я, возвращаясь к делам. — Объясню ситуацию с плакатом.

— Думаешь она разрешит новый? — спросила Женя.

— Не нужно нового, — ответил я. — В кладовой ты нашла старый. Хорошая работа. Фон, композиция — всё на месте. Мы его немного доработаем, и отправим. Ты доработаешь. Если захочешь. Если нет — отправим как есть. Но лучше доработать.

— А если я не хочу ничего дорабатывать? — спросила она.

— Тогда я отправлю старый, как есть, — ответил я.

Она замолчала. Я тоже.

Я повернул на её улицу. Фонари горели редко, и машина

ныряла из света в темноту.

— Я не отказываюсь, — сказала она наконец. — Просто устала.

— Понимаю, — ответил я.

Женя потянулась к ручке двери, но я блокировал замки. Щелчок прозвучал в тишине машины как выстрел.

— Жень, постой. Нам надо поговорить.

Она замерла, но не повернулась ко мне.

— О чём? — её голос был тихим, ровным, без единой эмоции.

Я сжал пальцы на руле так, что побелели костяшки, сделал глубокий вдох и заставил себя произнести то, от чего внутри всё переворачивалось:

— О нас. О том, что произошло. В парке, в караоке, сегодня в кладовой… Мы должны всё это затереть. Забыть. Сделать вид, что ничего не было. Ты моя ученица, я твой учитель. Это единственная реальность, которая у нас есть. Всё остальное — глупая ошибка, которую мы оба не должны повторить.

Я говорил это холодным, чужим голосом, специально выстраивая между нами глухую стену. Внутри я орал от досады, мне хотелось взять её за плечи, притянуть к себе, сказать, что я сошёл с ума от неё… Но я сидел неподвижно, ждал её реакции. Ждал, что она хотя бы спросит «почему?», что помедлит, проявит хоть какую-то эмоцию, покажет, что ей тоже паршиво от этих слов.

Женя медленно повернула голову. На её лице не было ни тени обиды — только ледяное, абсолютное спокойствие.

— Хорошо, — легко и моментально ответила она, глядя мне прямо в глаза. — Вы абсолютно правы, Алексей Михайлович. Это была ошибка. Забудем.

Я опешил. Слова застряли у меня в горле.

— Что? — переспросил я, не веря её тону.

— Разблокируйте дверь, пожалуйста. Мне пора идти.

Она даже не задумалась. Ни на одну секунду. Она согласилась с этим так легко, будто только и ждала, когда я сам предложу избавиться от этой обузы. Я снял блокировку. Пороховая бочка внутри меня рванула с бесшумным, но уничтожающим треском.

— До свидания, — сухо роняла она, подхватывая рюкзак, и выскользнула из машины в ночную прохладу.

Дверь хлопнула. Её фигура быстро скрылась за тяжёлой дверью подъезда.

Я остался один в тишине салона. Руки на руле дрожали от бешенства. Ментальная лавина из злости, обиды и уязвлённого мужского самолюбия накрыла с головой. Я со всей силы ударил кулаком по рулю. Машина отозвалась резким, одиноким клаксоном на весь пустой двор.

— Чёрт бы тебя побрал! — рябью вырвалось из груди.

Она согласилась. Слишком легко. Слишком просто. Будто весь этот вечер, все мои метания, моё заступничество перед директором и сбитое дыхание в кладовой для неё ничего не

значили. Просто игра. Очередной эпизод из жизни школьницы.

Я рванул рычаг коробки передач и с пробуксовкой вылетел из её двора, ненавидя в этот момент и её, и себя, и весь этот чертов сентябрь. Выехал на главную дорогу, включил фары и думал о завтрашнем дне и о ней— за партой, на последнем ряду, у окна. Холодная. Безразличная.

И, наверное, это правильно.

Наверное.

В голове было пусто или слишком много всего сразу, так что мысли смешались в один тяжёлый ком. Я повернул на мост, машина мягко шла по мокрому покрытию, дворники ритмично скрипели по стеклу.

Диана.

Но теперь, когда я остался один, этот вопрос встал передо мной. Чувствую ли я что-то к Диане?

Мы знакомы не так давно, но встретились в трудный период моей жизни, когда всё шло не так, когда я не знал, куда двигаться дальше. Она была рядом. Не задавала лишних вопросов. Не требовала обещаний. Просто была. И мне было удобно. Удобно, что кто-то ждёт. Удобно, что есть к кому прийти, когда плохо. Удобно, что не нужно ничего объяснять.

Но удобство — это не любовь.

Я остановился на красный свет, посмотрел на пустой перекрёсток. Капли дождя расплывались на стекле, и мир за

окном казался размытым, ненастоящим.

Диана хорошая. Добрая, заботливая, терпеливая. Она не заслуживает того, чтобы быть просто удобным вариантом. Она заслуживает того, чтобы её любили. По-настоящему. С желанием быть рядом, с радостью от встречи, с грустью от расставания.

А я не чувствую ничего. Ни радости, ни грусти. Когда она рядом, мне спокойно. Но когда она уходит, я не скучаю. Это неправильно. Это нечестно. Это по-свински.

Зелёный свет. Я нажал на газ, машина плавно пошла вперёд.

Женя.

С ней всё случилось иначе. Когда она рядом — я напряжён. В хорошем смысле. Я слежу за каждым своим словом, за каждым движением. Боюсь сделать что-то не так, сказать что-то лишнее. Еще с самой первой нашей встречи. Она заставила меня думать. Чувствовать.Хотеть.

Но она — ученица. А я — учитель. И между нами — пропасть, которую я не имею права переступать. Поэтому я сказал то, что сказал. Поставил точку.

Но правда в том, что выбора нет. Потому что Жени у меня никогда не будет. Даже если я свободен. Даже если Дианы не существует. Даже если я захочу — не смогу. Правила, даже не смотря на ещё совершеннолетие, приличия, страх.

Я свернул на свою улицу, припарковался у дома. Выключил двигатель, посидел в тишине. Дождь почти кончился.

Где-то вдалеке лаяла собака.

Я подумал о Диане. О том, что завтра увижу её, и она снова посмотрит на меня с надеждой. А я сделаю вид, что всё хорошо. Что я рад её видеть. Что мы — пара. Потому что так удобно. Потому что не хочу ранить её правдой. Потому что легче врать, чем объяснять, что ты ничего не чувствуешь.

Я взял телефон. Диана прислала сообщение: «Спокойной ночи». Я ответил: «И тебе». И почувствовал, как внутри — пустота. Ни тепла, ни холода. Просто пустота.

Я вышел из машины, поднялся к себе. В квартире было темно и тихо. Лу встретил меня у двери, вильнул хвостом, ткнулся носом в ладонь.

Лу вздохнул и улёгся на подстилку.

Я прошёл на кухню, налил воды, сделал глоток и подумал, что, наверное, никогда не разберусь в своих чувствах. И, наверное, это нормально. Потому что взрослая жизнь — это не про то, чтобы всё понимать. А про то, чтобы делать выбор. Даже когда оба варианта — неправильные.

Глава 9

Я захлопнула дверь подъезда, и глухой металлический стук отрезал меня от улицы. От сырого прохладного воздуха, от шума дождя и от его машины, которая всё ещё стояла у тротуара.

Поднимаясь на свой четвёртый этаж, я не бежала — шла медленно, ступенька за ступенькой, слушая гулкое эхо собственных шагов. Сердце колотилось где-то в горле, но внутри было пусто и на удивление холодно. Весь тот ураган, который бушевал во мне в тёмной кладовой, когда его горячие ладони согревали мои пальцы, теперь вымерз. Окончательно.

Дома было темно и тихо. Я скинула кроссовки, повесила мокрую куртку и прошла в свою комнату, даже не зажигая верхний свет. Опустилась на кровать прямо в одежде и уставилась в потолок, по которому скользили бледные блики от фар проезжающих по проспекту машин.

В голове по кругу прокручивался наш разговор в машине. Его напряжённые пальцы на руле, его неестественно ровный, глухой голос.

«Мы должны всё это затереть. Забыть. Сделать вид, что ничего не было...»

Он так отчаянно пытался казаться правильным. Взрослым. Рассудительным мужчиной, который принимает «един-

ственное верное решение» и спасает глупую школьницу от неё самой. А на самом деле он просто испугался. Испугался ответственности, испугался своих чувств, испугался Дианы, Натальи Егоровны, сплетен. Решил выстроить между нами глухую стену, чтобы обезопасить себя. Оттолкнуть меня, пока всё не зашло слишком далеко.

Я закрыла глаза и горько усмехнулась в темноту.

Моя гордость — единственное, что спасло меня в той машине. Моя защитная реакция сработала быстрее, чем разум успел осознать боль. Я не стала плакать, не стала задавать вопросов, не стала умолять. Я просто согласилась. Слишком легко, слишком быстро, судя по тому, как он на секунду опешил от моего холодного «Хорошо».

Что ж. Если Алексей Михайлович хочет поиграть в идеального, принципиального преподавателя и послушную ученицу — я подыграю ему. Да так, что он сам не обрадуется. Раз он решил всё забыть и закончить, я тоже сотру из памяти всё, что было. В понедельник в класс войду я, спокойная, безупречная, равнодушная. Никаких случайных взглядов, никаких задержек после уроков. Я буду называть его исключительно по имени-отчеству и отвечать строго по параграфу. Посмотрим, на сколько его самого хватит в этой роли, когда стена, которую он так усердно строил, окажется настоящей.

Я поднялась, чтобы наконец дойти до душа, когда телефон в кармане пиликнул, а затем завибрировал от входяще-

го вызова.

На экране высветилось: «Мама».

Я сделала глубокий вдох, настраивая голос на привычный, спокойный лад, и приняла вызов.

— Да, мам? Привет. Ты ещё на смене?

— Привет, Женька, — раздался в трубке её уставший, но мягкий голос. На заднем плане слышался тихий шорох больничного коридора. — Нет, я уже сдала дежурство, заполняю последние бумаги. Слушай, у меня тут мысль возникла… Погода на выходные по прогнозу будет жаркой.

— И? — не поняла я.

— Как ты смотришь на то, чтобы завтра пропустить школу? У меня как раз образовался отгул. Давай уедем утром на дачу? Нужно срочно собрать оставшийся урожай, снять яблоки, укрыть кусты роз и подготовить дом к зиме.Одной мне за субботу точно не справиться, а вдвоём мы за день управимся, и суббота у нас будет свободной. Что думаешь?

Я замерла на месте. Пропустить школу. Завтра.

Пятница. День, когда мне не придётся идти мимо его кабинета. Не придётся ловить на себе его настороженный взгляд. Не придётся терпеть ухмылки Дёмина, который наверняка будет злорадствовать после сегодняшнего инцидента. Это было не просто предложение — это было спасение. Судьба сама подкидывала мне идеальный шанс взять паузу, уехать из города и проветрить голову перед тем, как начать свою игру в безразличие.

— Мам, это отличная идея, — искренне ответила я, чувствуя, как с плеч сваливается огромный невидимый груз. — Я только за. Школу пропущу, ничего страшного за один день не случится. Тем более, с дачей правда нужно помочь.

— Вот и славно, — облегчённо вздохнула мама. — Тогда ложись спать. Выедем рано, часов в восемь утра, чтобы всё успеть до темноты. Целую, до встречи утром.

— Спокойной ночи, мам.

Я положила телефон на тумбочку и подошла к окну. Дождь почти прекратился, оставляя на стекле лишь крупные ленивые капли. Внизу, на парковке у дома, уже давно не было его машины.

Я улыбнулась — впервые за этот долгий, сумасшедший вечер. Впервые за долгое время эта улыбка была холодной и уверенной.

Завтра меня не будет в школе, Алексей Михайлович. Посмотрим, как ты проведёшь этот день, глядя на мою пустую парту.

Утром меня разбудил тихий стук в дверь и запах свежесваренного кофе. Мама вернулась с ночной смены чуть раньше, чем обычно, и уже вовсю хозяйничала на кухне.

— Женька, вставай, соня, — заглянула она в комнату, приоткрывая дверь. — Через полчаса выезжаем, а у нас ещё конь не валялся.

Я зевнула, сбросила одеяло и потянулась. Мысль о том, что сегодня не нужно тащиться в школу, садиться за парту

истории и делать вид, будто вчерашнего вечера и того дурацкого разговора в машине не существовало, грела лучше любого утреннего солнца.

Завтрак занял ровно десять минут. Мы наспех заглотили по бутерброду с сыром, запили их кофе, закинули в прихожей рабочие куртки и резиновые сапоги, а уже через пятнадцать минут мамина старая «ласточка» выруливала со двора, оставляя позади серые многоэтажки просыпающегося города.

Дорога на дачу занимала около часа. Первые двадцать минут мы ехали под негромкое бормотание радиостанции, наслаждаясь утренним пейзажем за окном. Сначала потянулись спальные районы, панельные многоэтажки, гаражи, пустыри с редкими кустами. Потом пошли частные дома, покосившиеся заборы, яблони с ещё не убранными плодами. И наконец — поля. Бесконечные, уходящие к горизонту, с перелесками по краям.

Даже после вчерашнего дождя трава оставалась зеленой, только кое-где пробивалась желтизна. Деревья ещё не думали желтеть: березы стояли в зелёных кронах, дубы — в тёмных, почти чёрных, и только клёны по краям полей начинали наливаться багрянцем. Воздух был прозрачным и тёплым, пахло прелой листвой и чем-то сладким — может, поздними цветами.

Мы выехали на трассу, и город остался позади. Впереди были только поля, редкие деревни и далёкий лес на горизон-

те.

Солнце начало пробиваться сквозь облака. Сначала тонкой полоской у горизонта, потом шире, ярче. Облака рассеивались, будто кто-то раздвигал тяжёлые шторы. Стало светлее, и зелень вокруг заиграла, сочная, почти летняя, несмотря на календарь.

Мама вела машину спокойно, уверенно, иногда поглядывая в зеркала. Я сидела, смотрела в окно и думала о своём. Но тишина, как это часто бывает, держалась недолго.

Мама переключила радио на паузу, бросила на меня быстрый взгляд и мягко, издалека начала:

— Слушай, Жень… Мы с тобой в последнее время всё больше о текущих делах говорим. То школа, то работа, то огород этот несчастный. А время-то идет. Одиннадцатый класс пролетит — глазом моргнуть не успеешь. Ты всё-таки окончательно решила насчёт архитектурного? Мысли не поменялись?

Я чуть напряглась, чувствуя, как внутри начинает подниматься привычная глухая оборона.

— Мам, мы же это уже обсуждали тысячу раз. Я хочу рисовать, проектировать, создавать здания, а не сидеть в душных кабинетах над чертежами чужих договоров. Почему ты опять заводишь этот разговор?

— Я просто хочу, чтобы у тебя была стабильная, надёжная профессия, — вздохнула мама, крепче сжимая руль. — Архитектура — это здорово, спорить не буду, творчество…

но сейчас такое время, когда нужно думать о практичности. Кстати, раз уж зашел разговор… мне вчера звонил твой отец.

При звуках этого слова в салоне машины воздух словно стал на пару градусов холоднее. С отцом мы общались урывками, сухо и по делу. После того как он ушел из семьи, когда я была ещё ребенком, его попытки «проявить заботу» всегда сводились к непрошеным советам и попыткам навязать своё видение моей жизни.

— И что на этот раз? — холодно поинтересовалась я, отворачиваясь к окну.

— Интересовался твоими успехами, переживает, как ты сдашь экзамены, — мама старалась говорить мирно, но я знала этот тон — она готовилась почву для атаки. — И снова поднимал вопрос поступления. Он общался со своими знакомыми из юридической академии. Говорит, может устроить тебя на подготовительные курсы, помочь с базой. Считает, что юридический — это идеальный вариант для девушки с твоим складом ума. Престижно, стабильно, всегда при деньгах.

Я почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение.

— Престижно для кого? Для него? — мой голос прозвучал резче, чем я планировала. — Пусть своих новых родственников устраивает на юридический! Почему он вечно пытается решить за меня, кем мне быть? Он бросил нас десять лет назад, а теперь вдруг решил побыть заботливым па-

пашей-консультантом?

— Женя, не нужно острить, — мама поморщилась, на её лбу залегла глубокая складка. — Он твой отец, и он предлагает реальную помощь. Ты знаешь, каких денег стоят репетиторы по рисунку и черчению для архитектурного? У нас нет лишних средств на все эти художественные школы и элитные вузы. А отец готов платить за твоё обучение. Разве это плохо?

— Лучше я буду сама зарабатывать своими рисунками, чем возьму у него хоть копейку и проведу пять лет за изучением уголовного кодекса, от которого меня тошнит! — выпалила я, скрестив руки на груди. — Я не буду поступать на юридический, мам. Даже не надейтесь оба. Можете передать ему это при следующем звонке.

— Ты знаешь, что я с ним согласна? — спросила она тихо.

Я знала. И от этого было больно.

— Знаю, — ответила я.

— Не потому, что я не верю в тебя, — продолжила мама. — А потому, что я боюсь за тебя. Мир жёсткий. Творческие профессии — это лотерея. Ты можешь быть талантливой, но не пробиться. А юрист — это всегда кусок хлеба.

— Я не боюсь. Я готова рисковать.

— А я нет, — ответила мама. — Я уже рисковала в этой жизни. И знаешь, что поняла? Что надёжность — это не скучно. Это спокойно.

— Тебе спокойно, — сказала я. — А мне нет.

Мы въехали в лес. Деревья сомкнулись над дорогой, и стало темнее, прохладнее. Солнце пыталось пробиться сквозь кроны, но получалось плохо.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила мама. — Сказала ему, что ты не будешь поступать на юриста? Что ты выбрала дизайн, и точка?

— Да, — ответила я. — Это то, что я хочу.

— А если я не скажу? — спросила мама.

— Тогда я скажу сама, — ответила я. — При встрече. Или по телефону. Но я не пойду на юридический. Даже если он будет меня уговаривать. Даже если ты будешь уговаривать.

— Упрямая, — сказала мама, и в её голосе послышалась усталость.

Мы выехали из леса, и солнце ударило в лобовое стекло, ослепив на секунду. Я прищурилась, подняла руку, заслоняясь. Поля снова разбежались в стороны, зелёные, сочные, почти летние.

— Я не буду на тебя давить, — сказала мама. — Но и врать отцу, что я согласна с твоим выбором, тоже не буду. Я скажу ему правду: я считаю, что юриспруденция — это надёжнее. Но решение принимать тебе. Ты уже взрослая.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что, — ответила мама. — Это не поддержка. Это нейтралитет.

— Мне и этого достаточно, — ответила я.

В машине повисло тяжёлое, звенящее молчание. Мама

крепко сжала губы в тонкую линию, её руки на руле побелели от напряжения. Я тоже отвернулась к стеклу, чувствуя, как к горлу подкатывает комок обиды. Этот вечный спор о моём будущем преследовал меня с самого начала старшей школы, и каждый раз он заканчивался одинаково — взаимным раздражением и испорченным настроением.

К счастью, до открытого скандала дело не дошло. Наше напряжённое молчание прервало появление придорожного указателя и вывески продуктового магазина на въезде в дачный посёлок.

— Нам нужно заехать за хлебом, молоком и картошкой, на даче шаром покати, — сухо бросила мама, резко сбрасывая скорость и поворачивая к магазину. — Выходи, сходишь за хлебом и овощами, а я пока возьму бакалею.

— Хорошо, — так же холодно ответила я.

Мы вышли из машины на прохладный осенний воздух. Магазинчик был маленьким, пахнущим сыростью, деревенским хлебом и старыми консервами. Быстро набрав корзинку всем необходимым, мы расплатились и молча загрузились обратно в машину.

Остаток пути до дачи мы проехали в тягостной тишине. Никто больше не возвращался к разговору об отце и поступлении — каждый думал о своём. Но осадок остался неприятный, липкий.

Когда мы наконец свернули на наш дачный участок, заросший пожелтевшей травой и усыпанный красными ябло-

ками-падалицами, я подумала, что этот побег из города, казавшийся утром идеальным планом спасения, почему-то совсем не принёс долгожданного облегчения.

Деревня, куда мы приехали, называлась Берёзовка. Название говорило само за себя, берёзы здесь росли повсюду: у дорог, у домов, в полях. Деревня была небольшой, домов сорок, не больше. В центре — старый колодец с журавлём, заколоченный клуб, магазин, который работал два раза в неделю. Тишина, воздух, пахнущий травой и дымом из печных труб.

Дача бабушки по папиной линии стояла в конце улицы, у самого леса. Бабушка умерла много лет назад, и дом перешёл к отцу. А отец, когда уходил от нас, оставил его маме, то ли из чувства вины, то ли потому, что ему самому он был не нужен. Я не знала. И не хотела знать.

Я вышла из машины, потянулась, вдыхая знакомый запах сухой травы, ржавого железа и чего-то неуловимого, что пахнет детством. Только не моим детством.

Моё детство пахло по-другому. Оно пахло бабушкиными пирожками, дедушкиным нюхательным табаком и рекой, которая текла за огородом в другой деревне — той, куда мы ездили к маминым родителям каждое лето. Там были вишнёвые сады, старый колодец с ледяной водой и сеновал, на котором мы с местными ребятами прятались от дождя. Там дедушка учил меня плавать , а бабушка печь шарлотку. Там было тепло и безопасно. Там был дом.

А здесь — чужая дача. С чужой памятью. С чужими стенами, которые помнили женщину, которую я почти не знала. Бабушка по папиной линии была тихой, замкнутой, она редко улыбалась и никогда не обнимала меня при встрече. Мы виделись раз в год, на Новый год, когда отец привозил нас к ней на день. Она дарила мне конфеты и говорила «выросла». Всё.

Когда она умерла, я не плакала. Мне было стыдно, но я не чувствовала ничего, кроме лёгкой неловкости перед мамой, которая почему-то плакала на похоронах. «Она была хорошей женщиной», — сказала мама тогда. Я не спорила. Просто не понимала.

Теперь мы приезжали сюда два-три раза в год, закрыть дачу на зиму, открыть весной, иногда просто подышать воздухом, если маме удавалось вырваться с работы. Я помогала, но внутри всегда оставалась чужая. Этот дом не был моим. Он не хранил моих воспоминаний.

— Иди открывай, — сказала мама, выгружая пакеты из багажника. — Ключи в замке должны быть.

Я подошла к крыльцу, толкнула дверь. Запах пыльный, чуть сладковатый, запах закрытого дома. Я шагнула внутрь, и меня накрыло тишиной.

— Окна откроем, — сказала мама, заходя следом с пакетами. — И чай поставим. А потом за работу.

Я кивнула, прошла на кухню, открыла окно. В комнату ворвался свежий воздух, и пыльный запах отступил. Я смот-

рела на старый буфет, на вышитые салфетки, на фотографию бабушки на стене — чёрно-белую, молодую, с улыбкой, которой я не помнила.

— Мам, — сказала я.

— Что?

— А ты скучаешь по ней?

Мама подошла, встала рядом.

— Скучаю, — сказала она. — Мы дружили. Это странно, правда? Бывшая свекровь и бывшая невестка. А дружили.

— Почему вы дружили? — спросила я.

— Потому что она была хорошим человеком, — ответила мама. — И потому что мы обе любили одного мужчину. Но по-разному.

— Ты любила папу? — спросила я.

Мама помолчала. Потом сказала:

— Любила. Очень. Но любовь не всегда спасает.

Она взяла пакет с продуктами, начала раскладывать их на столе.

— Иди, погуляй, — сказала она. — Я сама тут пока управлюсь.

Я вышла на крыльцо, села на ступеньки. Достала колу, открыла, сделала глоток. Вдалеке лаяли собаки, где-то кричал петух. Небо очистилось, солнце пригревало, и я чувствовала, как мысли понемногу успокаиваются.

Я взгляну в сторону сада. Яблони. Их было много — рассаженные когда-то в шахматном порядке, они разрослись в

небольшой сад, где даже в самый жаркий день было прохладно. Сейчас яблоки ещё висели на ветках — жёлто-зелёные, с бочками, тронутыми первым румянцем. Некоторые уже упали на землю и лежали в высокой траве, привлекая ос и редких шмелей, которые ещё не улетели на зимовку.

Трава, вот что бросалось в глаза сразу. За лето она вымахала по пояс, а местами и выше. Стебли пожухли, кое-где полегли, но всё ещё держались, цепляясь друг за друга. Сорняки обвивали стволы яблонь, лезли в огород, тянулись к крыльцу. Участок выглядел диким, заброшенным — не потому, что за ним не следили, а потому, что лето было долгим, а руки до всего не доходят.

За домом, ближе к сараю, стояли качели. Старые, ещё бабушкины — деревянное сиденье, ржавые цепи, перекладина, врытая в землю так давно, что вокруг неё наросла трава почти до самого сиденья. Качели казались частью этого запустения, тихие, забытые, они только ждали, когда их найдут.

Сарай притулился в углу участка, заросший диким виноградом. Он был сложен из тёмного кирпича, с покосившейся дверью и маленьким окошком, затянутым паутиной. Внутри хранился весь деревенский инвентарь — лопаты, грабли, вёдра, старая косилка, которая заводилась с пятого раза, и банки с краской, уже давно высохшей.

— Начнём с травы, — сказала мама, надевая перчатки. — Пока не жара.

Я надела старые джинсы, которые не жалко было испач-

кать, и вышла во двор. Солнце только начинало подниматься, но воздух уже прогрелся, обещало быть жарким днём. Мама достала из сарая косилку, дёрнула за шнур. Двигатель чихнул, закашлял, потом завелся с глухим, ровным рокотом.

— Я начну с яблонь, — сказала я, беря грабли.

Мы работали. Мама водила косилку по участку, оставляя за собой ровные полосы скошенной травы. Я шла следом, сгребала её в кучи, потом таскала к забору, где уже лежала прошлогодняя, превратившаяся в сено. Потом менялись, я косила, мама сгребала. Косилка была тяжёлой, и после пятнадцати минут руки начинали дрожать, но я не останавливалась.

К полудню трава была скошена почти везде, кроме угла у сарая, где рос лопух выше человеческого роста. Мы решили оставить его на потом, стало слишком жарко.

— Давай передохнём, — сказала мама, вытирая лицо рукавом.

Мы сели в тени яблони, прислонившись спинами к стволу. Мама достала из сумки бутылки с водой — уже тёплой, но спасительной. Я пила и смотрела на то, что мы сделали. Участок преобразился, исчезли заросли, открылся дом, стали видны качели, сарай, старая скамейка у крыльца. Земля, освобождённая от травы, дышала.

Я взглянула на маму сидевшую рядом, прислонившись спиной к косяку. Она была невысокого роста, чуть ниже меня, но из-за полноты казалась ещё ниже. Не толстая, нет —

скорее плотная, с широкими бёдрами, которые делали её фигуру женственной, почти античной, и узкой талией, которая угадывалась даже сквозь старую растянутую футболку, в которой она работала в огороде. Короткие коричневые волосы, чуть вьющиеся на концах, были собраны в небрежный хвостик , такой маленький, что он казался смешным, детским.

Мы были похожи. Я замечала это всякий раз, когда смотрелась в зеркало после того, как видела её. Те же светлые глаза — серые, с холодным отливом, которые на солнце становились почти прозрачными. Родинка на щеке. Когда я была маленькой, я любила рисовать такую же и прикладывать палец к своей родинке, потом к её и думать, что мы отражение друг друга.

Она выглядела моложе своих сорока лет. Морщин почти не было, только тонкие лучики у глаз, которые появлялись, когда она улыбалась. И она улыбалась часто, даже когда уставала, даже когда было тяжело.

После обеда мы взялись за дом. Мама набрала в ведро воды, добавила мыла, и мы начали мыть окна. Я стояла на стремянке, мама подавала мне тряпки. Стёкла были пыльными, с разводами от дождей, и оттирались с трудом. Солнце жарило в спину, вода быстро нагревалась в ведре, и я то и дело опускала руки в прохладную жидкость, чтобы остудиться.

Потом — двери, крыльцо, старая веранда. Мы отмывали паутину, выметали мусор, который нанёс ветер. Мама нашла в сарае веник и подмела дорожку от калитки к дому. Я вы-

терла пыль с подоконников.

К вечеру мы выбились из сил. Солнце садилось, тени от яблонь вытянулись, легли на землю длинными полосами. Воздух стал прохладнее, и в нём запахло скошенной травой и чем-то сладким — может быть, яблоками.

— Всё, — сказала мама, опускаясь на скамейку. — На сегодня хватит.

Я села рядом. Спина гудела, руки болели, но внутри было странное, почти забытое чувство удовлетворения. Дом смотрел на нас чистыми окнами, двор лежал ровный, зелёный, ухоженный. Сарай, качели, яблони — всё было на своих местах.

Мама ушла готовить ужин. Я осталась на скамейке, смотрела на закат. Небо над лесом горело розовым, облака тянулись тонкими полосами, и где-то вдалеке кричали птицы.

Потом мы ели картошку с тушёнкой, запивали чаем с мятой, который мама заварила из сушёных листьев, найденных в доме. За окном темнело, и я слышала, как скрипят качели на ветру.

— Слушай, — сказала мама, садясь напротив. — Завтра мы свободны. По крайней мере, я. Ты тоже, если хочешь.

— Как это? — спросила я, отодвигая пустую тарелку.

— Ну, окна закрыли, траву скосили, дом в порядок привели, — она перечислила на пальцах. — Яблоки ещё остались, но это не срочно. Мне нужно их перебрать, часть на компот пустить, часть на варенье. Но это я сама сделаю.

— А я? — спросила я.

— А ты можешь отдохнуть, — мама улыбнулась. — Погулять, почитай, позвонить подругам. Делай что хочешь. У тебя два дня выходных впереди. Мама встала, убрала кружки в мойку. — Так что завтра можешь спать сколько хочешь, гулять сколько хочешь. Я буду яблоками заниматься. Если надоест — поможешь. Если нет — не надо.

— А ты не устанешь одна? — спросила я.— Устану, — честно ответила мама. — Но это моя работа. Не твоя. Ты приехала помогать с домом, помогла. А яблоки — это уже моя забота.

Я хотела возразить, но передумала. Потому что мама не любила, когда с ней спорили в таких вопросах. Она была из тех, кто сначала делает, а потом отдыхает. И если она говорила, что справится сама — значит, справится.

— Ладно, — сказала я. — Тогда завтра пойду в лес. Погляжу, может, грибы ещё есть.

— Иди, — кивнула мама. — Только не заблудись. Возьми телефон, зарядку.

— Я не маленькая, — усмехнулась я.

— Знаю, — ответила мама. — Но всё равно буду переживать.

Я вышла на крыльцо, села на ступеньки. Ночь была тёплой, звёздной, в городе таких не бывает. Где-то в лесу ухал филин, и мне казалось, что время замерло.Я могла просто быть. Дышать. Смотреть на звёзды. Думать о чём угодно, или

не думать ни о чём.

Я подумала о том, что завтра пойду в лес. Найду старую тропинку, которая ведёт к озеру. Посижу на берегу, посмотрю на воду или поплаваю. Может, возьму с собой блокнот — набросаю что-нибудь. Давно не рисовала для себя.

Я вернулась в дом. Мама уже ушла в свою комнату, свет под дверью не горел, значит, легла спать. Я прошла на кухню, выключила свет, потом в свою комнату. Легла на кровать, укрылась старым одеялом, пахнущим нафталином и деревом.

За окном было темно. Я закрыла глаза и подумала, что завтра не надо никуда спешить.

Глава 10

Проснулась я от того, что солнце светило прямо в лицо. Сквозь неплотно задернутые шторы оно пробивалось настойчиво, по-утреннему нагло, и я, перевернувшись на другой бок, попыталась снова провалиться в сон. Но не получилось. Сон ушёл, оставив после себя только приятную тяжесть в теле и пустоту в голове.

Я потянулась, хрустнув шеей, и села на кровати. Телефон показал почти двенадцать. Я проспала почти до обеда. Мама не разбудила и это было лучшим подарком за последние дни.

За стеной, на кухне, я услышала голоса. Мамин, спокойный, чуть сонный, но приветливый. И другой, женский, с мягкими интонациями, которые почему-то показались мне знакомыми, хотя я не могла вспомнить, где их слышала.

Я накинула кофту, пригладила волосы и вышла из комнаты.

Женщина стояла у порога, прислонившись плечом к косяку. Она была высокой — выше мамы, стройной, с длинными тёмными волосами, собранными в низкий хвост. Карие глаза смотрели приветливо, с лёгкой улыбкой. Простая светлая кофта, джинсы, на ногах резиновые сапоги. В руках корзинка с яблоками.

— А вот и моя, — сказала мама, увидев меня. — Проснулась.

— Здравствуйте, — сказала я, кивая женщине.

— Здравствуй, — ответила она.

— Это Марина Викторовна, — сказала мама. — Мама твоего одноклассника Артёма.

Я замерла. Последний раз, когда я ее видел, мы учились в пятом классе, с тех пор всем, что касалось сына, занимался отец Артёма.

Марина Викторовна улыбнулась шире, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти материнское.

— Артём мне рассказывал о тебе, — сказала она. — Говорит, ты хорошо рисуешь.

— Спасибо, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Марина Викторовна усмехнулась. Мама поставила чайник, достала чашки.

— Садись, — сказала она Марине Викторовне. — Сейчас чай попьём. Ты как, не торопишься?

— Не тороплюсь, — ответила та, садясь за стол. — Муж на охоту уехал, сын спит до обеда. Так что я свободна.

Я села на стул напротив, рассматривая её. Она действительно была красивой. Неброской, но какой-то правильной красотой — ровные черты лица, гладкая кожа, ухоженные руки. И в ней не было той сухости, которая иногда бывает у стройных женщин — она казалась мягкой, тёплой. Артём был абсолютно не похожим на неё, взяв все черты от отца.

— Твоя мама говорит, вы вчера весь день убирали уча-

сток, — сказала Марина Викторовна, поворачиваясь ко мне. — Молодцы. Я тоже хотела траву скосить, но руки не дошли.

Чайник закипел. Мама заварила чай, крепкий, с мятой, разлила по кружкам.

Я пила чай, слушала их разговор, и думала об Артёме. О том, как он испортил мой плакат. О том, как он вёл себя на уроке. И о том, что его мать — вот она, сидит напротив, пьёт чай с моей мамой, и ничего не знает. Или знает, но не говорит.

— Вы дружите с Артемом? — выдержу меня из мыслей, повернувшись ко мне, спросила женщина.

— Не то, что бы , — не соврала я, но и ответила не совсем честно. — общаемся.

— Жалко, — сказала она. — Ты производишь впечатление хорошей девочки. А ему нужны хорошие друзья.

Я ничего не ответила, да и что ответить не знала. Наша дружба, даже в качестве «чисто гипотетически», мне не представлялась.

Мы допили чай. Марина Викторовна встала, взяла корзинку с яблоками, на пороге дома о чем-то ещё перекинуть фразами и махнув мне, собиралась уходить.

— Я пойду, — сказала она. — Спасибо за чай.

— Заходи ещё, — сказала мама.

— Обязательно, — ответила Марина Викторовна и вышла.

Дверь закрылась. Я сидела за столом, смотрела в пустую

кружку и думала о том, что мир — маленький. И что иногда случайные встречи заставляют смотреть на вещи иначе.

Мама вымыла кружки, вытерла стол и села напротив меня, сложив руки на столе. Я смотрела на неё, чувствуя, что она хочет что-то сказать.

— Ты знаешь, откуда они здесь взялись? — спросила мама, кивая в сторону двери, за которой скрылась Марина Викторовна.

— Нет, — ответила я. — Думала, просто купили дачу, как все.

— Купили, — кивнула мама. — Но не просто так. Им твой отец посоветовал.

Я удивилась.

— Отец? Он что, с ними знаком?

— С отцом Артёма, — сказала мама. — Они общаются. Работают в одной сфере, пересекаются иногда. Пару лет назад Дёмин старший искал дачу в этом районе. Услышал, что здесь продаётся участок с домом. Недорого. Твой отец ему и посоветовал.

— Почему недорого? — спросила я.

— Потому что хозяйка болела, — мама вздохнула. — Старая женщина, одна. Детей у неё не было, только племянники в городе. Она решила переехать к ним, потому что самой уже не под силу было здесь управляться. А нужны были деньги на операцию. Сердце, кажется. Или что-то другое, я уже не помню.

— И отец узнал об этом?

— Ему кто-то сказал, — мама пожала плечами. — Он всегда в курсе таких вещей. Любит быть полезным, особенно когда это не требует от него личных затрат.

В её голосе послышалась горечь, которую она обычно прятала. Я знала эту интонацию, мама не простила отцу то, как он ушёл. Не за развод, не за то, что оставил нас. А за то, что сделал это так легко. Будто мы были чем-то, от чего можно просто отмахнуться.

— И они купили? — спросила я.

— Купили, — кивнула мама. — За те деньги, которые просила старуха. Не торговались даже. Говорят, помогли ей с переездом, оплатили операцию. Она потом ещё два года жила, я слышала.

— Ты её знала?

— Немного, но о ее проблемах не знала, — мама покачала головой. — я узнала обо всём случайно, когда пересеклась с Мариной в городе, совсем недавно, та рассказали.

— И ты не злишься?

— На что? — мама удивилась. — Что они купили дом? Нет. Пусть живут. Хорошие люди. Марина — добрая, спокойная. Муж её — молчаливый, но видно, что семья для него важна. А сын... — она помедлила, — сын — это уже их забота.

Она встала, подошла к окну, посмотрела на улицу.

— Ты иди, — сказала она. — Гуляй. Я тут сама. В лес

хотела?

— Хотела, — ответила я.

— Я пока яблоками займусь.

В голове крутилась история, которую рассказала мама. Отец посоветовал. Отец помог. Отец, который не помогал нам, когда мама болела. Отец, который не приезжал на мои дни рождения. Отец, который звонит раз в месяц и говорит: «Как дела?» — но никогда не ждёт ответа.

А чужим людям он помогает. Потому что это не требует от него быть рядом. Потому что можно просто дать совет и забыть. Потому что чужая благодарность не обязывает.

Мир тесен. И иногда это больно. Но иногда, просто странно.

Я прошла в свою комнату и достала из рюкзака скетчбук. Он был почти новый, плотная серая обложка, жёлтые страницы, которые приятно шуршали под пальцами. Я любила этот запах бумаги, графита, возможности начать что-то с чистого листа. Рядом положила пенал с карандашами: простыми, разной мягкости, и пару цветных на случай, если захочется добавить красок. Всё это аккуратно уложила в небольшую сумку через плечо, старую, льняную, выцветшую на солнце до цвета топлёного молока.

Потом заглянула в холодильник. Мама уже ушла на улицу, я слышала, как она возится во дворе, перебирая яблоки в сарае. Я взяла бутылку воды, два яблока из миски на столе и маленькую плитку шоколада, которая осталась с дороги. Всё

это тоже отправилось в сумку.

Купальник я нашла на дне рюкзака, чёрный, который надевала прошлым летом на речку. Он был немного большеват, но в деревне никто не смотрит на такие мелочи. Я переоделась, натянула поверх шорты и лёгкую футболку, на ноги старые кеды, которые уже не жалко испачкать. Кепка от солнца, очки и можно выходить.

Мама стояла у сарая, перебирая яблоки. Увидела меня, усмехнулась.

— Ты в лес или на пляж?

— И то, и другое, — ответила я. — Решила искупаться, если вода не холодная.

— Не должна быть, — сказала мама. — Сентябрь тёплый. Только осторожно, не заплывай далеко.

— Хорошо, — кивнула я и пошла к калитке.

Маршрут я помнила с самого детства. Наша деревня упиралась прямо в густой сосновый бор, за которым спряталось небольшое, но очень глубокое лесное озеро. Местные называли его Зеркальным — из-за темной, почти чёрной воды, в которой осенью идеально отражались золотые кроны берез и мшистые сосны.

Я шагала по узкой деревенской улочке. Из дворов пахло дымом от сжигаемой сухой детворы, жареной картошкой и прелыми яблоками. Переступив границу леса, я глубоко вдохнула чистый, звенящий осенний воздух, пропитанный хвоей и сыростью. Шагать по мягкому ковру из опавших иго-

лок было одно удовольствие. Лес стоял тихий, прозрачный, только изредка где-то на верхушках деревьев перекликались птицы.

Минут через пятнадцать между стволами заблестела гладь озера.

На берегу не было ни души — в сентябре купальный сезон давно закрыли даже самые отчаянные. Я скинула кроссовки, подошла к самой воде и опустила ладонь. Вода была обжигающе холодной, но именно этого мне сейчас и требовалось. Холод, который смыл бы весь этот липкий стресс последних дней.

Быстро раздевшись, я без раздумий шагнула в воду. Перехватившее дыхание ледяное объятие озера заставило меня тихо ахнуть, но я упорно сделала несколько мощных гребков, уходя на глубину. Проплыв метров двадцать, я перевернулась на спину и раскинула руки. Осеннее небо надо мной казалось огромным, бесконечным куполом. Холодная вода словно вымораживала из меня всю обиду на отца, глупые иллюзии об учителе и злость на Дёмина. На несколько минут я ощутила абсолютный, звенящий покой.

Выбравшись на берег, я быстро растиралась полотенцем, чувствуя, как по коже разливается приятный, горячий импульс.

Завернувшись в большую мамину кофту, я уселась на сухое поваленное бревно у самой воды. Достала скетчбук, откусила кусок шоколада, зажевала его яблоком и принялась за

рисунок. Грифель карандаша мягко скользил по плотной бумаге. Я рисовала противоположный берег — сложную фактуру старой наклонившейся сосны, зацепившейся корнями за песчаный обрыв, и размытые отражения деревьев в темной глади воды. Рисование всегда действовало на меня как медитация. Пальцы быстро пачкались графитом, а на листе оживала тихая, меланхоличная осенняя сказка.

Прошел, наверное, час. Солнце стало клониться к горизонту, окрашивая верхушки сосен в теплый золотисто-розовый цвет. Мне стало жалко уходить.

Отложив скетчбук и карандаши обратно в сумку, я посмотрела на воду. Захотелось ещё раз окунуться — на прощание, чтобы зафиксировать это ощущение свободы.

Сбросив кофту, я снова зашла в озеро. На этот раз вода уже не казалась такой ледяной — тело быстро привыкло. Я плыла к центру озера, наслаждаясь тишиной, шуршанием камыша и тем, как легко тело рассекает гладкую воду.

Перевернувшись на глубине, я отмахнула с лица мокрые волосы и бросила случайный взгляд на берег, где остались мои вещи.

Сердце мгновенно пропустило удар.

У поваленного бревна, прямо над моей сумкой и разложенной кофтой, кто-то стоял. Высокая фигура в темной толстовке с капюшоном. Человек наклонился и, кажется, что-то рассматривал у моих вещей.

Внутри всё сжалось от липкого, неожиданного страха. По-

среди глухого леса, одна, в холодной воде… Кто это? Местный деревенский неадекват? Браконьер?

Я быстро развернулась и с силой загребла к берегу, стараясь двигаться как можно тише, но сердце уже колотилось в ушах как сумасшедшее. Чем ближе я подплывала, тем четче становились контуры незнакомца. Широкие плечи, знакомая вальяжная осанка, рука в кармане брюк, а в другой… мой скетчбук! Этот гад спокойно держал в руках мой блокнот и перелистывал страницы!

Я нащупала ногами твердое песчаное дно, мелководье взгрустнуло брызгами, и я выскочила из воды, не обращая внимания на холод.

— Эй! Ты совсем с ума сошел?! — закричала я, тяжело дыша и вытирая воду с лица. — Ты что делаешь с моими вещами?!

Человек у бревна медленно повернул голову. Капюшон сполз назад, и при угасающем свете солнца я узнала его.

Дёмин.

Он стоял с моим открытым скетчбуком в руках, и на его лице расплывалась всё та же наглая, бесящая усмешка, от которой у меня внутри мгновенно закипела лютая злость. Он неспешно захлопнул скетчбук и окинул меня таким оценивающим, медленным взглядом, что мне захотелось немедленно натянуть на себя озеро целиком. Сарказм так и сочился из каждого его движения.

— Ого, Резвова, — протянул он, небрежно засунув мой

блокнот под мышку. — А я-то думал, ты в художке только вазы с грушами малевать научилась. А тут, оказывается, вполне себе ничего.

— Верни блокнот, Дёмин, пока я тебе его в одно место не запихнула, — прошипела я, делая угрожающий шаг вперед и безуспешно пытаясь прикрыть руками мокрый купальник. — Какого чёрта ты здесь забыл?! Ты что, за мной следишь? У тебя мания преследования или просто свободного времени до хрена после того, как тебя выгнали?

— Ой, да брось ты, драматизировать, — закатил глаза Артём, но взгляд его на секунду всё же зацепился за мои капли воды, стекающие по плечам, и он тут же отвернулся, сделав вид, что изучает корягу. — Никто за тобой не следит. Мать сегодня за обедом с твоей мамой трещала по телефону, вот я и услышал краем уха, что ты любишь уединяться на этом болоте. Решил прогуляться. Воздух тут, знаешь ли, полезный. Особенно для нервной системы.

— Судя по тому, что ты роешься в моих личных вещах, нервы у тебя ни к черту, — я сложила руки на груди, дрожа от холода и злости. — И что тебе нужно?

Артём неожиданно сник. Вся его напускная вальяжность куда-то испарилась. Он переступил с ноги на ногу, шмыгнул носом и сунул руки в карманы спортивных штанов.

— Слушай… — начал он, глядя куда-то в сторону верхушек сосен. — Про школу. И про тот плакат… Короче, я не собирался его портить. То есть, я психовал, да, бесил ме-

ня этот Рокотовский и ты со своими ответами умными… но банка упала случайно. Я просто споткнулся неудачно.

— Ой, правда? — я саркастично вскинула бровь. — Какое совпадение! И ты хочешь, чтобы я в это поверила?

— Ну, я вообще-то извиниться пришёл, если ты не заметила! — повысил голос Артём, раздраженно взмахнув рукой. — Редкость великая для меня, между прочим. Мог бы вообще сделать вид, что так и надо. Но мне типа… совестно стало. Немного.

— Ой, держите меня семеро, у Дёмина проснулась совесть! — я захлопала в ладоши с такой дозой ядовитого сарказма, что децибелы зашкаливали. — Наверное, это побочный эффект. Извинения не приняты, а теперь вали отсюда, пока я не начала орать так, что медведи проснутся. И верни мои вещи!

— Неа, — ухмылка мгновенно вернулась на его лицо, стирая все следы раскаяния. — Ты такая вредная, Резвова, когда злишься. Прямо искра, буря, безумие. Потренируй терпение.

С этими словами он резким движением подхватил мою сумку, мою кофту и побежал по узкой тропинке в сторону деревни, легко перепрыгивая через корни.

— Дёмин! Ах ты скотина! Вернись! — завопила я, бросившись за ним, но куда там — босиком по сосновым иголкам далеко не убежишь, а он уже скрылся за поворотом лесной тропинки, унося с собой всю мою одежду, телефон и

кроссовки.

Я осталась стоять посреди леса в одном открытом купальнике.

Конечно, день выдался солнечным для сентября, и воздух был жарким, но перспектива шлепать через всю дачную деревню в таком виде меня абсолютно не вдохновляла. Выругавшись самыми отборными матами, которые я знала (и половину из которых придумала только что), я нащупала ногами тропинку.

Пришлось идти быстрым шагом через весь посёлок. Благо, до нашей улицы было минут десять ходьбы, а дачники уже в основном сидели по домам или копошились в теплицах, не обращая внимания на сумасшедшую девчонку в купальнике.

Когда я, злая как тысяча чертей и готовая разорвать Дёмина на мелкие сувениры, долетела до нашей калитки, меня ждал «сюрприз». Моя сумка, кофта и кроссовки аккуратно стояли на деревянном крылечке. А сверху лежала записка, вырванная из моего же скетчбука. Я дрожащими от злости пальцами развернула листок. Там кривым, размашистым почерком красовалось: «Не благодари за доставку. Ты потрясающе выглядишь в заплыве, художник! Пять баллов за стиль».

— Убью гада… — прошипела я на пустой двор, сжимая записку в кулаке так, что от неё остался лишь мокрый ком.

Быстро сцапав с крыльца свои вещи и коварную записку, я на цыпочках проскользнула в дом. К счастью, мама была

занята на кухне на первом этаже и не видела моего феерического возвращения в одном мокром купальнике. Я пулей взлетела на второй этаж, заперлась в ванной и включила горячую воду на полную мощность.

Горячий душ постепенно смывал лесную прохладу, но вот злость на Дёмина смыть никак не получалось. Этот придурок мало того что испортил мне всю медитацию у озера, так ещё и заставил дефилировать по дачному посёлку в ненадлежащем виде. «Ну ничего, Дёмин, — злорадно думала я, намыливая волосы шампунем, — земля круглая, а школа тесная. Мы ещё сочтёмся».

Выйдя из душа, я натянула тёплые спортивные штаны, просторное худи и спустилась на кухню. Мама как раз заваривала свежий чай с мятой. На столе уже стояли чашки и тарелка с сушками.

— О, Женька, пришла наконец, — мама повернулась кран, споласкивая руки. — А я тебя потеряла. Где ты так долго пропадала?

— У озера сидела, рисовала, — ответила я, наливая себе чай и стараясь говорить как можно спокойнее, чтобы мама не заметила моего взвинченного состояния. — Там сегодня очень красиво.

— Понятно, — кивнула мама, присаживаясь напротив. — Слушай, тут Марина Викторовна звонила. Она предложила сегодня вечером устроить небольшие посиделки. Сказала, погода хорошая, грех упускать последний тёплый вечер.

Хотят шашлыки пожарить.

Я едва не подавилась горячим чаем.

— Шашлыки? Сегодня?

— Да. Я предложила жарить здесь. У нас же веранда удобная и мангал отличный, папа твой его в своё время хорошо обустроил. Они мясо сами замариновали, так что с нас только стол, овощи и хорошее настроение. Иди, помогай веранду в порядок приводить, они скоро придут.

Внутри меня всё просто взвыло. Дёмин. Снова Дёмин. Судьба явно решила поиздеваться надо мной по полной программе в эти выходные. Мало мне было лесного инцидента, так теперь этот неандерталец будет сидеть на нашей веранде, лопать наш шашлык и ухмыляться, вспоминая мою пробежку в купальнике!

Но деваться было некуда. Чтобы не вызывать у мамы подозрений, я молча кивнула и пошла помогать.

Следующий час мы провели в суматохе. Мы протерли стол на веранде, постелили красивую льняную скатерть, расставили тарелки и приборы. Я занялась овощами: быстро намыла упругие дачные помидоры, огурцы, нарезала кучу зелени и сделала фирменный чесночный соус со сметаной. Мама достала домашние маринады и запеченный картофель. Стол выглядел очень уютно и по-домашнему.

Около семи вечера у калитки раздался призывный свист и стук.

— Жень, открой, это они! — крикнула мама из дома.

Я сделала глубокий вдох, натянула на лицо самую безразличную маску, на которую была способна, и пошла открывать.

Виктор Сергеевич вошёл первым. Высокий, крепкий мужчина с аккуратной седой бородкой, безумно похожий на своего сына, только с гораздо более приятным выражением лица. В руках у отца Артёма была большая эмалированная кастрюля, от которой одуряюще пахло маринованным мясом со специями.

— Здравствуй, — сказал он, кивнув мне. Голос низкий, с хрипотцой, без лишнего тепла.

— Здравствуйте, Марина Викторовна, здравствуйте, Виктор Сергеевич, — вежливо улыбнулась я, принимая у мужчины кастрюлю. Она оказалась неожиданно тяжелой. — Проходите на веранду, у нас уже всё готово.

Я скользнула взглядом за их спины, ожидая увидеть долговязую фигуру Дёмина-младшего, и уже приготовила свой самый убийственный, ледяной взгляд. Но дорожка за калиткой была пуста.

Марина Викторовна, заметив мой ищущий взгляд, весело рассмеялась:

— Артёмку нашего не жди пока, Жень. Этот упрямец застрял у себя в гараже. Сказал, пока мотоцикл до зеркального блеска не отмоет — никуда не пойдёт. Весь в отца! Тот тоже, если за железки свои схватится, про еду забывает. Артём сказал, может, позже подтянется, если успеет до темноты.

— Понятно, — ответила я, чувствуя, как внутри разливается дикое, просто колоссальное облегчение.

Мотоцикл он моет. Ну и отлично. Пусть хоть до дыр его затрёт своей губкой, лишь бы его наглой физиономии не было на нашей веранде.

Виктор Сергеевич тем временем уже деловито направился к мангалу, оценивая состояние угля, а Марина Викторовна ушла в дом к маме, откуда сразу послышался их оживленный смех. Я вернулась к столу, раскладывая салфетки, и мысленно поблагодарила японский автопром за то, что он создал двухколесное чудо, способное отвлечь Дёмина от порчи моих царских нервов.

— Мы уже всё подготовили. — сказала мама, выходя из дома.

— А мы вот, — Марина Викторовна подняла пакеты, — принесли салат, домашний хлеб и маринованные помидоры. Свои, с огорода.

— Спасибо, — мама взяла пакеты. — Очень кстати.

Виктор Сергеевич чиркнул зажигалкой, дрова занялись. Пламя осветило его лицо, жёсткое, с глубокими морщинами у рта. Он не улыбался, но и не хмурился. Просто делал своё дело, не отвлекаясь на разговоры.

— А вы сами здесь часто бываете? — спросила Марина Викторовна у мамы.

— По возможности, — ответила мама. — Работа не всегда позволяет.

— Одна?

— Одна, — мама посмотрела на меня. — Но иногда, как сегодня, с дочерью.

Я чувствовала себя неловко. Не потому, что Дёмины были чужими, они и были чужими. А потому, что Виктор Сергеевич напоминал мне отца. Не внешне, совсем нет. А тем, как он держался. Как будто мир должен был подстраиваться под него, а не он под мир.

Я сидела за столом, на котором уже стояли тарелки с нарезанными овощами, зеленью, домашним хлебом и соленьями, которые принесла Марина Викторовна. В центре красовалась миска с маринованными помидорами — красными, упругими, пахнущими укропом и чесноком. Я взяла один, откусила. Кисло-сладкий сок обжёг язык, и я почувствовала, как просыпается аппетит.

Мама и Марина Викторовна сидели рядом, говорили о своём. Я слушала вполуха, кивала, когда нужно, и смотрела в сторону мангала, где Виктор Сергеевич переворачивал шампуры. Пламя лизало мясо, дым тянулся вверх, и воздух становился густым, почти осязаемым.

Артёма всё не было. Марина Викторовна извинилась за него.

Виктор Сергеевич подошёл к столу с большим блюдом, уставленным шашлыком. Мясо было румяным, с поджаристой корочкой, и пахло так, что у меня заурчало в животе.

— Прошу, — сказал он, ставя блюдо на стол. — Не дайте

остыть.

Он сел напротив меня, налил себе чай в кружку, отрезал кусок мяса, положил на тарелку. Ел он неторопливо, но с аппетитом, как человек, который привык делать всё основательно. Я тоже взяла, отрезала маленький кусочек, положила в рот. Мясо таяло на языке , мягкое, сочное, с дымком.

— Вкусно, — сказала я.

— Спасибо, — кивнул он. — Я умею только шашлык и яичницу. Всё остальное, её рук дело, — он кивнул в сторону Марины Викторовны.

— А вы не пробовали научиться? — спросила я.

— Зачем? — он удивился. — У меня есть жена.

Марина Викторовна покраснела, но улыбнулась. Мама тоже улыбнулась, глядя на них.

Вечер на даче выдался тихим. На веранде горела гирлянда из жёлтых лампочек, бросая мягкий свет на накрытый стол. В воздухе витал потрясающий, аппетитный аромат жареного на углях мяса со специями и дымком.

Взрослые сидели во главе стола и вели неторопливую беседу.

— Ой, Вить, ну ты переверни уже шампуры, они же сгорят с одной стороны! — смеялась Марина Викторовна, передавая мужу блюдо для готового шашлыка.

— Не суетись, Марина, у меня всё под контролем!! — гордо отмахивался Виктор Сергеевич, переворачивая мясо так, что по сторонам полетели золотистые искры.

Мама разливала по кружкам домашний травяной чай, а я сидела с тарелкой, на которой лежали сочный кусок шашлыка и свежие овощи, но аппетита почти не было. Разговоры взрослых крутились вокруг привычных им тем: как выросли дети и кто куда собирается поступать.

Я машинально ковыряла вилкой в тарелке, чувствуя, как от обилия чужих разговоров начинает немного гудеть в голове. О том инциденте на озере я уже почти не вспоминала. Артём до сих пор не появлялся, и это радовало меня больше всего. Видимо, его страсть к чистоте мотоцикла сегодня победила даже родительский шашлык.

— Мам, я отойду на минутку, — тихо сказала я, поднимаясь из-за стола. — Что-то душновато стало, посижу на качелях.

— Конечно, иди проветрись, дорогая, — кивнула мама, не отвлекаясь от беседы с Мариной Викторовной.

Я обошла дом по мягкой траве. С заднего двора веранда казалась далёким светящимся островом, а здесь, в тени старой раскидистой яблони, царила абсолютная тишина. В полумраке скрывались деревянные садовые качели с мягкими зелёными подушками, которые стояли в самом углу участка, почти вплотную примыкая к высокому деревянному забору, отделявшему нас от соседского заброшенного сада.

Я устроилась на широком сиденье, подтянув колени к груди и укутавшись в мягкий плед, лежавший на качелях, оставленный, видимо, мамой. Качели тихо скрипнули, плав-

но качнувшись от моего движения. Я сидела полубоком к забору, задумчиво глядя на звёздное небо через ветки яблони.

Где-то вдалеке послышался шум мотоцикла. Я замерла, прислушалась. Артём.

Качели качнулись в последний раз и остановились. Я осталась сидеть, смотреть на калитку. И ждать. Но парень так и не появится.

Я откачнулась назад, оттолкнулась ногами, и качели снова взлетели. Ветер дул в лицо, волосы разметались, и я закрыла глаза, чувствуя, как напряжение понемногу уходит. За домом было тихо , только сверчки стрекотали в траве да где-то вдалеке лаяла собака. Голоса с другой стороны двора доносились приглушённо, будто из другой жизни. Мама смеялась, Марина Викторовна что-то рассказывала, Виктор Сергеевич изредка вставлял короткие фразы.

Я достала из кармана шорт пачку сигарет и зажигалку. Зажигалка щёлкнула, в темноте вспыхнул огонёк, выхватив на секунду моё лицо, и я глубоко затянулась, чувствуя, как крепкий дым заполняет лёгкие, помогая сбросить остатки накопившегося за день напряжения.

Качели медленно раскачивались. Я сидела, курила и думала о том, что сегодняшний день был слишком длинным. Озеро, Артём с его выходкой, долгая дорога домой в одном купальнике под взглядами всей деревни. А теперь шашлык, его родители и ожидание, когда он сам появится.

Из кустов за забором что-то зашуршало. Я напряглась, вы-

тянула шею, пытаясь разглядеть, кто там. Сначала ничего, только ветки качаются. Потом я увидела руку, которая ухватилась за верхнюю перекладину забора, потом голову, плечи и через секунду Артём перекинул ногу и спрыгнул на нашу сторону.

Я испуганно дёрнулась, сигарета чуть не выпала из пальцев, но повернуться не успела.

— Привет, художница, — раздался прямо над ухом тихий, хрипловатый шепчущий голос.

Я отпрянула в сторону, едва не свалившись с сиденья, и вперила злой взгляд в незваного гостя.

Из тени кустов выпрямился Артём. На нём была та же тёмная толстовка, волосы слегка растрёпаны, а на губах играла та самая фирменная наглая усмешка, от которой у меня внутри всё моментально закипало.

— Какого чёрта ты здесь делаешь?! — прошипела я полушёпотом, опасаясь, что нас могут услышать с веранды. — Ты через забор лазаешь как вор! Совсем с дуба рухнул?!

Артём невозмутимо отряхнул штаны, сделал шаг к качелям и, не дожидаясь приглашения, уселся рядом со мной на свободный край сиденья. Качели качнулись под его весом.

— Тихо ты, спугнёшь романтику, — ухмыльнулся он, вальяжно закинув руку на спинку качелей за моей спиной. — Я вообще-то через парадный вход не мог пройти. Там мои сидят, заставят здороваться, вопросы дурацкие задавать… Зачем мне этот цирк? А через соседский заброшенный сад

— самый короткий путь к телу. То есть, к мангалу.Да ладно тебе, Резвова, не кипятись, — он покосился на дымящуюся сигарету в моей руке, и его взгляд вдруг стал чуть более осмысленным и менее ехидным. — Ого. Ты курить начала? А мать знает?

— А твоя знает, что ты лазаешь по чужим заборам?

— Не чужим, — он поправил. — Соседским.

Он протянул руку и, не спрашивая, забрал у меня сигарету. Я даже не успела возмутиться,а он уже затянулся, выпустил дым вверх, потом вернул обратно.

— Не твоё дело, — отрезала я, отворачиваясь и делая ещё одну затяжку. — И вообще, иди давай. Забыл, как ты сегодня мои вещи утащил? Я тебе это ещё не простила, между прочим.

— Ты злишься?

— Злюсь, — ответила я. — Но не настолько, чтобы кидаться в тебя камнями.

— А насколько?

— Настолько, чтобы сказать, что ты идиот.

— Я знаю, — он усмехнулся. — Мне уже сказали. Отец, мать, учителя. Даже соседская собака лает как-то осуждающе.

— Может, потому что ты ведёшь себя как... — я запнулась, подбирая слово.

— Как кто?

— Как человек, которому плевать на чувства других.

Он замолчал. Качели скрипнули, когда я оттолкнулась ногой.

— Не плевать, — сказал он тихо. — Просто я не умею иначе.

— Научись, — ответила я.

— Легко сказать.

— А ты попробуй.

Он повернул голову, посмотрел на меня. В темноте его глаза казались почти чёрными. Артём усмехнулся и затянулся в последний раз, потом затушил о подошву кроссовки и выбросил в траву.

— Зачем ты забрал мои вещи на озере? — спросила я.— Вся деревня видела, как я иду в одном купальнике.

— Ну, хоть что-то интересное в этой деревне случилось, — он усмехнулся. — А то скука смертная.

— Ты псих, — сказала я.

— Я в курсе, — ответил он.

Я посмотрела на парня, он сидел на качелях, смотрел в небо, и в его профиле было что-то одинокое, почти детское.

— Поделись ещё сигаретой,— подвергнувшись, сказал он.

—У меня больше нет,— ответила я,— особенно для тебя.

— Есть у тебя, — он полез в карман моих шорт.

Я отбила его руку.

— Ты охренел?

Артём вздохнул. Напускное веселье на секунду сползло с его лица, сменившись странным, почти уязвимым выраже-

нием. Он потёр рукой шею и тихо сказал:

— Слушай… насчёт озера. Я правда не хотел портить тебе рисунок. Точнее, я бесился, да. Но не думал, что банка так неудачно опрокинется. И уж тем более не собирался доводить тебя до истерики. Я просто… дурак, ладно? Довольна?

Я опешила. Услышать от Дёмина слово «дурак» в свой собственный адрес было примерно то же самое, что увидеть снег посреди июля.

— Ты это сейчас серьезно? — прищурилась я, подозрительно разглядывая его в темноте. — У тебя температура? Или ты головой о мотоцикл ударился, пока его мыл?

— Очень смешно, — закатил глаза Артём, но уголки его губ всё равно дрогнули в улыбке. — Я пытаюсь извиниться, между прочим. По-человечески. А ты опять ядишь.

— Потому что твои извинения выглядят так себе, Дёмин. Сначала ты портишь мою трёхдневную работу, потом крадёшь мои вещи, оставляешь дурацкие записки, а теперь заваливаешься через забор, как какой-то маньяк.

— Зато скучать тебе не даю, — хмыкнул он, наклоняясь чуть ближе ко мне. От него пахло бензином, чистым машинным маслом и дорогим парфюмом. — Признайся, ты же весь вечер сидела за столом и думала обо мне.

— Я думала о том, как бы сделать так, чтобы ты провалился сквозь землю, — ядовито ответила я, но от его близости по спине вдруг пробежал неприятный, предательский холодок.

— Ну вот, видишь? — он довольно улыбнулся. — Значит, я добился своего.

Я не ответила и мы сидели молча. Качели чуть покачивались, цепи тихо поскрипывали, и в этом звуке было что-то убаюкивающее. Артём закинул ногу на ногу, смотрел в небо, я на свои кеды. Тишина не была неловкой , скорее напряжённой, как перед грозой, когда воздух становится плотным и трудно дышать.

— Слушай, — сказал он, не глядя на меня.

— Что? — спросила я, тоже не поворачиваясь.

— Поехали, покатаемся.

Я повернула голову. Он смотрел прямо перед собой, но я заметила, как уголок его губ чуть дёрнулся, то ли усмешка, то ли что-то другое.

— Куда?

— Не важно, — он пожал плечами. — Просто покатаемся. Мотоцикл у забора, бензина полно, ночь тёплая.

— Ты серьёзно?

— А ты думаешь, я шучу?

— С тобой никогда не поймёшь, — ответила я. — Ты половину того, что делаешь , делаешь , чтобы позлить.

— А ты половину того, что слышишь, слышишь только то, что хочешь, — парировал он. — Это называется избирательное восприятие.

— Я знаю, как это называется, — ответила я. — Я просто не хочу с тобой никуда ехать.

— Боишься?

— Нет.

— Тогда чего?

— Не доверяю, — честно сказала я. — теперь предлагаешь покататься. С чего бы?

— С того, что мне скучно, — он повернулся ко мне. — А ты единственная, с кем мне хотя бы интересно спорить.

— Спасибо, я польщена, — ответила я с лёгкой усмешкой. — Но ты не ответил. Почему я должна тебе доверять?

— А кто сказал, что должна? — он приподнял бровь. — Я предлагаю, ты отказываешься. Это твой выбор.

— А если соглашусь?

— Тогда, — он встал, потянулся, хрустнув спиной, — ты перестанешь быть предсказуемой. А это уже интересно.

— Ты считаешь меня предсказуемой?

— Тебя — да, — он посмотрел на меня сверху вниз. — Всегда знаешь, что сказать, как ответить, как защититься. Как ёж. Сворачиваешься в клубок и показываешь шипы.

— А ты, значит, эксперт по ежам!?

— Я эксперт по людям, которые боятся жить, — ответил он. — Ты боишься, потому что если согласишься, придётся признать, что я не такой уж и придурок. А это разрушит твою картину мира.

Я усмехнулась.

— Ты слишком много о себе думаешь.

— А ты слишком мало рискуешь, — парировал он. — Так

что? Поехали?

Он протянул руку. Я посмотрела на его ладонь — широкую, с мозолями на пальцах. Потом перевела взгляд на его лицо. Он не улыбался. Смотрел серьёзно, без обычной насмешки.

— А если я откажусь? — спросила я.

— Тогда останешься здесь, с родителями, пить чай и делать вид, что ты лучше всех, — ответил он. — Твой выбор.

— Ты манипулятор, — сказала я.

Я встала. Качели качнулись, ударив его по ноге, но он даже не поморщился.

— Если я упаду — отвечаешь, — сказала я.

— Не упадёшь, — ответил он. — Я осторожно.

— Ты? Осторожно? — я приподняла бровь.

— Умею, когда надо, — он усмехнулся. — Просто не всегда хочется.

— Ладно, — сказала я. — Поехали. Но если ты меня обманешь, я расскажу твоей маме, что ты куришь.

— Она знает, — ответил он.

— Тогда что ты скрываешь?

— Ничего, — он развёл руками. — Я открытая книга. Просто с плохими иллюстрациями.

Я не сдержала улыбку.

— Ты идиот.

— Это мы уже выяснили, — он кивнул в сторону забора. — Идём? Или ты передумала?

— Не передумала, — ответила я. — Но если ты сделаешь что-то глупое, я спрыгну на ходу.

— Не сделаю, — пообещал он. — Сегодня.

Он пошёл к забору, перекинул ногу, оглянулся.

— Ну? — спросил он. — Ты со мной?

Я подошла к забору, взялась за перекладину.

— Только потому, что мне надоело пить чай, — сказала я.

— Конечно, — он усмехнулся. — Только поэтому.

Он спрыгнул на ту сторону, протянул руки.

— Давай, — сказал он. — Я поймаю.

— Упаду — убью, — ответила я, перекидывая ногу.

— Не упадёшь, — ответил он. — Я сказал.

Глава 11

Я перекинула ногу через забор, повисла на руках на секунду и спрыгнула. Артём поймал меня за талию, придержал, давая приземлиться на ноги мягко, почти невесомо. Я почувствовала его руки сильные, тёплые, но не грубые, а какие-то осторожные, будто я была хрупкой вещью, которую он боялся разбить. Он не спешил отпускать, и я замерла, не зная, что делать. Потом он убрал руки и сделал шаг назад.

— Не упала, — констатировал он. — Я же говорил.

— Ты меня поймал, — ответила я, одёргивая шорты. — Это не считается.

— Считается, — он усмехнулся. — Ты доверилась, я не подвёл. Редкий случай.

— Не нагнетай, — сказала я, идя за ним.

Мотоцикл стоял у дороги, чёрный, блестящий в свете фонаря. Артём подошёл к нему, провёл рукой по сиденью, жест собственника, который любит свою игрушку.

— Слушай, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — А ты когда-нибудь на мотоцикле ездила?

— Нет, — ответила я. — И не собиралась.

—Сейчас исправим, — он достал из-под сиденья шлем, протянул мне. — Держи.

— А ты?

— А я без, — он пожал плечами. — Мне не впервой.

— Это опасно, — сказала я.

— Жизнь вообще опасное мероприятие, — ответил он. — Надевай.

Я взяла шлем. Он был тяжёлым, пах кожей и чем-то ещё, может быть, бензином, а может, самим Артёмом. Я надела его, и он оказался немного великоват.

— Великоват, — сказала я.

— Ничего, — он подошёл ближе, поправил шлем, застегнул ремешок под подбородком. Его пальцы были аккуратными, почти нежными, он двигался медленно, будто боялся сделать больно или сломать застёжку. Я смотрела на его лицо вблизи, сосредоточенное, без обычной усмешки. Он был красивым, когда не улыбался. Или когда улыбался, я не знала. Я вообще не знала, какой он настоящий.

— Готово, — сказал он, отступая на шаг. — Сидит? Не жмёт?

— Нормально, — ответила я.

— Тогда садись, — он кивнул на мотоцикл. — Сзади.

Он сел первым, завёл двигатель. Мотор зарычал, и я почувствовала вибрацию, которая прошла через всё тело. Я забралась на сиденье сзади, не зная, за что держаться.

— Держись за меня, — сказал он, обернувшись. — Не за сиденье. За меня.

— Неудобно, — ответила я.— А ты попробуй, — он усмехнулся. — Если упадёшь, ты меня тоже не простишь. А мне твои дополнительные обиды, в коробку уже имеющих-

ся , ни к чему.

— Ты боишься моих обид? — спросила я, кладя руки ему на талию.

— Твоих — да, — ответил он.

Я обхватила его за талию, сцепляя пальцы в замок. В ту же секунду я почувствовала, как Артём весь напрягся. Спина под его толстовкой стала каменной. Я прижалась к нему плотнее, невольно ощущая спиной и ладонями его мощный торс — крепкие мышцы, тепло, исходящее от него, и ровный ритм его дыхания, который, как мне показалось, на мгновение сбился.

Внутри поднялась буря смутных, пугающих чувств. Это не было похоже на ненависть, которую я культивировала в себе годами. Это было что-то другое — острое, как электрический ток, смешанное с адреналином и запахом бензина. Мне было до безумия странно чувствовать его так близко. Человек, который сегодня днём был моим главным врагом, сейчас был единственной опорой, отделяющей меня от летящего навстречу ночного леса.

Мы ворвались в лесную чащу. Свет мощной фары выхватывал из темноты стволы сосен, которые сливались в одну сплошную стену. Ветер свистел в ушах, прижимая мою одежду к телу. Артём вёл уверенно, наклоняясь на поворотах так, что мне приходилось буквально сливаться с ним в одно целое. Я чувствовала, как под моими ладонями перекатываются его мышцы, когда он переключал передачи.

Вдруг он резко свернул с основной дороги на едва заметную тропу, заросшую папоротником. Мотоцикл затрясло на корнях, и я ещё крепче вцепилась в него, уткнувшись шлемом ему в плечо.

Спустя несколько минут деревья расступились.

Артём заглушил мотор. Наступила звенящая тишина, прерываемая лишь потрескиванием остывающего двигателя.

Мы оказались на том же озере, но с другой стороны — на высоком обрыве, где берег был крутым и песчаным. Зеркальное в свете полной луны выглядело магически. Чёрная вода, неподвижная и тихая, отражала звёзды так чётко, что казалось, будто мы стоим на краю бездны.

Артём слез первым. Под его ногами хрустнула ветер. Он потянулся, разминая плечи, а потом повернулся ко мне. Свет луны падал на его лицо, делая черты резкими, чужими. Я всё ещё сидела, глупо вцепившись в край сиденья, потому что шлем словно прирос к голове, а пальцы закоченели и отказывались слушаться.

— Ты там уснула или медитируешь? — его голос прозвучал неожиданно громко в этой ватной тишине. — Если второе, то предупреждаю: тут комары размером с воробья. Сожрут просветленную заживо.

— Я застряла, — буркнула я, дёргая застёжку. — Твой шлем меня ненавидит.

— Это взаимно. Он вообще людей не любит.

Он подошёл вплотную. Пришлось задрать голову, чтобы

видеть его лицо. Его руки, тёплые, с обветренными костяшками аккуратно отодвинули мои пальцы и взялись за ремешок.

— Сиди смирно, горе мотоциклетное, — проворчал он, ловко справляясь с тугим механизмом. — ты как хомяк в банке. Приехали уже, вылезай.

Щелчок и шлем подался. Артём снял его, и мои волосы тут же взъерошились статическим электричеством, прилипая к щекам. Я вдохнула полной грудью. Свобода. Лесной воздух хлынул в лёгкие ледяным потоком. Пахло тиной, мокрым деревом и чем-то цветочным, может, кувшинками, которые сейчас спали, сомкнув лепестки где-то в камышах.

— Ну что, художник? — негромко спросил он, глядя на воду. — Такой вид ты ещё не рисовала?

Я молчала, всё ещё ощущая в руках вибрацию мотора и жар его тела. Мир вокруг казался нереальным, а Дёмин — главной загадкой этого вечера. Всё, что я знала о нём раньше, вдруг стало казаться плоским и неверным.

— Здесь красиво, — тихо ответила я, боясь разрушить этот момент. — Спасибо, Артём.

Он повернулся ко мне, и в его глазах, обычно полных насмешки, я увидела что-то новое — странное ожидание и искру, которая заставила моё сердце пропустить удар. Мы стояли на обрыве, совершенно одни, и старая вражда казалась сейчас чем-то бесконечно далёким и глупым.

— Пошли.— Он кивнул в сторону деревянного мостика,

уходящего в воду метров на пять. Старые доски серебрились в лунном свете, перила местами покосились, но конструкция выглядела надёжной на вид. Артём пошёл первым, не оборачиваясь, его фигура тёмным силуэтом двигалась над чёрной водой.— Если я провалюсь, — сказала я ему в спину, осторожно ступая на первую шаткую доску, — с тебя причитается памятник. Красивый. И скамейка рядом, чтобы ты приходил рыдать.

— Разбежался, — фыркнул он, не сбавляя шага. —Утонешь — бобры тебя съедят. Экологично и бюджетно.

Я пихнула его в спину, но он даже не покачнулся. Мы дошли до края мостика. Он уселся первым, свесив ноги вниз, и похлопал ладонью по доскам рядом с собой. Я села, поджав колени на секунду, а потом тоже опустила ноги к воде. Она оказалась проходной. Ступни тут же заныли, но это было приятно, словно вся дневная усталость вытекала через пятки в этот чёрный, бездонный омут. Я дёрнула ногой, разбрызгивая воду. Капли полетели в его сторону.

— Эй, полегче, — он вытер лицо рукавом. — Я не просил водные процедуры.

— Это месть за бобров. И за шлем.

— Мстительница, блин, — хмыкнул он, но в голосе слышалась улыбка. — Ладно, прощаю. Смотри.

Я подняла глаза. Над озером, прямо напротив нас, висел тонкий серп луны. Сосны на том берегу казались чёрными копьями, воткнутыми в небо. И тишина. Только где-то в ка-

мышах осторожно квакнула лягушка, словно пробуя голос, и тут же умолкла.

— Слушай, — начала я, болтая ногами в воде. Внизу, под чёрной гладью, что-то едва слышно булькнуло. — А если там, под нами, сом? Здоровенный такой, усатый. Подплывёт сейчас и пятку укусит твою.

— Сом не кусается, отличница ты наша, — Артём повернулся ко мне, и в лунном свете блеснули его глаза. — Он всасывает. Целиком. Прямо с мостика. Прикинь: сидишь ты, философствуешь о смысле бытия, а потом — хлоп! И ты уже в сомовьем желудке. Без своего пафоса и прощальных речей.

— Звучит как план на ближайшие пять минут, — я сделала вид, что задумалась. — Зато никаких экзаменов.

Он засмеялся. Тихо, одними уголками губ, но я почувствовала, как дрогнули доски под нами от этого смеха. Его плечо касалось моего — тёплое, живое. Я украдкой покосилась на его профиль. Прямой нос, упрямый подбородок. Он выглядел уставшим, но спокойным. Редкое для него состояние.

— О чём задумалась?— он не поворачивался, но чувствовал мой взгляд.

— Думаю, сколько баллов по шкале романтики нам поставить. Озеро есть, луна есть, сом-людоед тоже в ассортименте.

— Твёрдая десятка, — кивнул он серьёзно.

Вода холодила щиколотки, звёзды сыпались в камыши,

и где-то в глубине, возможно, действительно плавал старый сом, размышляя о странных двуногих, которые приходят на его берег, чтобы говорить о ерунде.

Сентябрь в этом году, не смотря на частые дожди, выдался теплым, но ночи уже дышали осенью — зябко, сыро, с туманами под утро. А Арему хоть бы хны. Сидит в одной футболке с закатанными рукавами.

Я покосилась на его руки. Предплечья всё ещё хранили летний загар, но костяшки пальцев были сбиты следы работы. Он действительно вкалывал всё лето, это не байки. Ещё в июне, когда мы случайно столкнулись в магазине, от него пахло бензином и металлической стружкой. Я тогда фыркнула и прошла мимо, даже не поздоровавшись. А он, кажется, что-то сказал в спину. Не помню. Я вообще старалась его не замечать.

— Хватит сверлить меня взглядом, — Артём повернул голову и уставился на меня в упор.— У меня череп сейчас задымится. Что на этот раз? Причёска не та? Дышу слишком громко?

— Думаю, куда труп прятать, — отозвалась я, отводя взгляд и уставляясь на лунную дорожку. — Тут озеро глубокое. Никто не найдёт.

— Логично, — хмыкнул он, болтая ногами в воде. — Только сомов жалко. Отравятся.

— Чем это?

—Твоим ядом. Ты меня им с первого класса травишь.

Я резко повернулась. В горле поднялась горячая волна возмущения, перемешанная с чем-то ещё, старой, почти забытой обидой, которая, оказывается, никуда не делась, а просто затаилась и ждала момента.

— Непривычно слышать от тебя «тишину», Резвова, — хмыкнул он, но в голосе не было привычного яда. Скорее, лёгкая тень удивления. — Обычно в твой адрес от меня летят только проклятия и испорченные плакаты.

— На твоём месте я бы вообще помолчала про плакаты. Моя трёхдневная работа сейчас плавает в виде серой жижи в школьной мусорке. И между прочим, это ты должен был нести извинения, а не катать меня по ночным лесам.

Он молчал. Я видела, как дернулся кадык на его шее, сглотнул. Пальцы сжались на краю доски, побелели костяшки. Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то в камышах плещется рыба.

— Я не специально, — сказал он наконец. Голос низкий, без обычной ехидцы.— Я хотел извиниться ещё тогда, пришел он и...Слушай… Я хотел поговорить, — начал он тихо, и в этой интонации не было ни капли прежней показушной вальяжности. — За все эти годы.

Я напряглась, переведя на него настороженный взгляд.

— К чему это вдруг? Решил на прощание выбить слезу жалости перед выпуском?

— Нет. Просто… надоело играть в эту дурацкую войну, — он отвёл глаза, глядя на тёмную рябь воды, и горько усмех-

нулся. — Ты, наверное, думала, что я просто конченый придурок, которому нравится делать гадости.

— Ну, в общем-то, у меня были веские основания так думать, учитывая количество испорченных тетрадей, порванных рюкзаков и выведенных из себя учителей, — сухо ответила я.

Артём тяжело вздохнул, потхватил пальцем мелкий камешек и швырнул его в воду. Тот глухо булькнул, нарушив идеальную зеркальную гладь.

— Жень, все это не правильно. С самых первых дней, когда все началось... Я был идиотом, который не знал, как привлечь твоё внимание, — поправил он. — С тех пор мало что изменилось, если честно.

Я замерла. Лягушки в камышах затихли, будто тоже прислушивались. Вода под мостиком плеснула особенно громко — может, тот самый сом подплыл поближе, заинтересовавшись человеческой драмой.

— Ты поэтому меня сюда привёз? — спросила я тихо. — Чтобы извиниться?

— Ну да, — он пожал плечами, будто это было очевидно. —Не хочу до конца школы ходить в статусе твоего главного врага.

— Долго репетировал?

— Всю дорогу, пока ты сзади пыхтела как ёж, — он наконец повернулся ко мне и улыбнулся. Улыбка вышла кривоватая, чуть смущённая, совсем не похожая на его обычную

наглую ухмылку. — Ну что, мир? Или мне ещё в воду прыгнуть для полного искупления?

— Прыгай, — сказала я серьёзно. — Вода холодная. Будет весело.

Он прищурился, оценивая моё выражение лица. Потом медленно, не сводя с меня глаз, начал стягивать футболку.

— Ты что делаешь?!

— Искупаюсь. Ты же сама сказала.

— Я пошутила! — я вцепилась в край его футболки, пытаясь натянуть обратно.

— Ага, — он перестал раздеваться и снова уселся рядом, явно довольный произведённым эффектом. — Значит, не хочешь моей героической гибели в ледяной воде? Это прогресс. Ещё месяц назад ты бы сама меня туда столкнула.

— Ещё не вечер, — буркнула я, отворачиваясь, чтобы скрыть улыбку.

Мы замолчали. Тишина больше не была неловкой или враждебной, она стала другой, тёплой, почти уютной. Лунная дорожка на воде слегка подрагивала, как живое серебро.

— Слушай, — сказал он вдруг совсем другим тоном, без шуток. — Я правда хотел извиниться, за всё. Я не знаю, почему у нас так всё криво выходит. Я вроде как... ну, не со зла. Просто когда ты рядом, у меня мозг отключается и включается режим «сделать какую-нибудь дичь». Это не оправдание, я понимаю. Но ты... в общем, прости. Если можешь.

Он смотрел на меня прямо, без ухмылки, без сарказма.

Такого Артёма я ещё не видела. Или видела, но не замечала за пеленой многолетней вражды и детских обид.

Я глубоко вздохнула.

Артём сидел рядом, облокотившись на шершавые доски и глядя куда-то поверх воды, на тёмную стену леса на том берегу. Я уже решила, что ответа не будет — в его духе: отшутиться, перевести тему, сделать вид, что ничего не произошло.

Но он заговорил.

— В этот день... Хотел сказать что-то нормальное. Впервые за всё время, прикинь? Просто подойти и сказать по-человечески. А ты повернулась, посмотрела на меня — и у тебя на лице было это выражение. Ну, знаешь. Как на что-то прилипшее к подошве. И я... не помню, как это вышло. Локоть дёрнулся. Стакан полетел.

Он не смотрел на меня. Смотрел строго вперёд, на воду, будто там, в чёрной глубине, прокручивалась киноплёнка того утра.

— И я понял, что никаких «нормальных слов» не будет. Никогда. Ты уже всё решила про меня за эти одиннадцать лет.

Тишина. Даже ветер стих, будто лес тоже слушал.

— Зачем ты мне это говоришь сейчас? — спросила я. Голос прозвучал глухо, без злости. Просто вопрос.

— Затем, что не хочу больше не врать, — он повернулся наконец. Глаза в полумраке казались совсем тёмными,

без дна. — Я не вру. И врать не буду. Ни сейчас, ни потом. Я устал от этой дурацкой войны, прсто давай закопаем её как взрослые люди. С документами. С фактами. Без розовых соплей и без «ой, прости, я больше так не буду».

Я выдержала его взгляд.

— Хорошо. Тогда ответь ещё на один вопрос. Только честно.— Валяй.

— Почему я? В классе тридцать человек. Ты мог доставать кого угодно. Костика, Машу, да хоть физрука. Почему все одиннадцать лет — я?

Он отвёл глаза. Не потому что испугался вопроса , потому что ответ требовал слов, которые он, видимо, никогда раньше не произносил вслух.

— В первом классе, — начал он медленно, — ты сидела за первой партой. Я за последней. У тебя были эти дурацкие банты. Белые. Огромные. И ты всегда знала ответы на все, как сейчас. Всегда. Учительница тебя хвалила, родители на собраниях ставили в пример, одноклассники списывали. А я... я даже букву «р» до второго класса не выговаривал. Картавил. Меня дразнили. А ты — нет. Ты просто... не замечала. Проходила мимо, как мимо пустого места. И однажды я подумал: если я дёрну тебя за косу, ты хотя бы посмотришь на меня. Пусть со злостью, пусть с ненавистью. Но посмотришь.

Он замолчал. Сжал челюсти так, что желваки заходили под кожей.

— Это глупо, — сказал он наконец. — По-детски. Но мне

было семь лет. А потом это вошло в привычку. Ты злилась, я радовался. Потому что пока ты злишься, ты меня видишь. А когда перестанешь злиться, что тогда? Я не знал. До сих пор не знаю.

Я смотрела на него и видела не того Артёма, который одиннадцать лет портил мне жизнь. Я видела мальчика с последней парты, который картавил и не знал, как попросить, чтобы на него посмотрели без брезгливости. Который выбрал самый кривой, самый глупый, самый разрушительный способ — но другого у него не было. Не научили.

— Ты мог просто подойти и сказать, — произнесла я тихо. — В седьмом классе. В девятом. Да хоть вчера.

— Не мог, — он мотнул головой. — Между нами уже было одиннадцать лет пропасти. Ты бы не поверила. Решила бы, что это очередная издёвка. Я сам бы себе не поверил.

Он был прав. Абсолютно, до тошноты прав. Я бы не поверила. Рассмеялась бы в лицо. Сказала бы что-нибудь едкое и ушла.

— И что теперь? — спросила я.

— Не знаю, — он пожал плечами. — Теперь мы хотя бы поговорили. Это уже больше, чем за все одиннадцать лет. Может, через десять лет встретимся где-нибудь. На встрече выпускников или просто в метро. И сможем хотя бы поздороваться без того, чтобы внутри всё переворачивалось. Я на это надеюсь.

Он сказал это так просто, так буднично, что я вдруг поня-

ла: он правда об этом думал. О том, что когда-нибудь, спустя годы, мы сможем быть друг для друга просто людьми. Без войны. Без ненависти. Без этой дурацкой, выматывающей истории длиной в детство.

Он замолчал. И в этой тишине я вдруг услышала то, что он не сказал. Оно висело между нами, как туман над водой, плотное, осязаемое, не произнесённое вслух, но оглушительно громкое.

Я не дура. Я одиннадцать лет в школе отличница, между прочим. Читаю между строк с тех пор, как научилась складывать буквы в слова. И то, что он только что сказал, в переводе с артёмовского языка колючек и сарказма на нормальный человеческий, означало ровно одно. То самое. То, о чём мы оба сейчас старательно молчали.

Внутри что-то ёкнуло и провалилось в пятки. Прямо туда, где замёрзшие пальцы болтались в холодной воде.

— Так, — сказала я громче, чем собиралась. Голос предательски дрогнул. — Значит, мир?

Он повернулся ко мне. В лунном свете его лицо казалось вырезанным из дерева, резкие тени, острые скулы, глаза-провалы, в которых ничего не разобрать.

— Мир, — сказал он. Без улыбки. Слишком серьёзно.

— Отлично, — я закивала, возможно, слишком энергично. — Просто замечательно. Прямо ООН отдыхает. Мирный договор века подписан на скрипучем мостике над озером, где водятся сомы-людоеды. Очень пафосно. Мне нравится.

— Жень.

— Что? Я серьёзно. Лучшая церемония в моей жизни. Даже шампанского не надо. Вода вот есть, хоть залейся. Буквально.

— Жень, — повторил он, и в голосе появилась та самая хрипотца, которую я слишком хорошо знала. — Ты тараторишь.

— Я не тараторю. Я просто... радуюсь миру. Имею право. Одиннадцать лет войны — это, знаешь ли, утомляет. Ресурсы истощены, экономика в упадке, моральный дух на нуле. А теперь — бац. И мир. Надо как-то отметить. Может, рыбу половить? У тебя удочки с собой нет? В багажнике мотоцикла? Уверена, там помещается всё, включая ядерный чемоданчик на случай, если мирные переговоры провалятся.

Он молча смотрел на меня. И улыбался. Не той своей обычной кривой ухмылкой, от которой хотелось запустить в него учебником. А как-то... иначе. Мягче. Теплее. Так, что у меня внутри всё сжалось в тугой комок.

— Удочки нет, — сказал он наконец.— Есть конфеты, если ты не наелась отцовским шалашом. Запах стоял до нашего дома.

Он протянул мне горсть леденцов. Я взяла парочку и развернув, закинула одну в рот.

—Они не вкусные.— Скорчила я лицо, почувствовав кислый вкус.

— Жить можно. Я ел хуже. Например, твои кексы на яр-

марке в восьмом классе.

Я поперхнулась воздухом.

— Ты их помнишь?!

— Их невозможно забыть, Жень. Они были как кирпичи. Я думал, зуб сломаю. Но съел. Из вежливости.

— Из вежливости? Ты? Человек, который на уроке биологии сказал учительнице, что её причёска похожа на гнездо цапли?

— Ну, во-первых, это была правда, — он развёл руками. — Мы же договорились не врать. А во-вторых, это другое. Кексы — это личное. Я не мог обидеть твои кулинарные чувства. Тем более что ты их пекла сама. Я видел, как ты с ними возилась на перемене. Я тогда подумал: ну всё, сейчас отравлюсь, но попробую.

Я замолчала. Восьмой класс. Школьная ярмарка. Я действительно пекла те дурацкие кексы всю ночь, переживала, что не получатся, и очень гордилась, когда они вышли ровными и золотистыми. А потом кто-то купил почти все. Я ещё удивилась, думала, мамы одноклассников разобрали из жалости.

— Это ты их скупил? — спросила я тихо.

Он пожал плечами.

— Попросил Костика взять половину. Сказал, что для мамы. Костик — друг, он не задавал вопросов. А я потом неделю пил чай с твоими кексами. Честно скажу, макал в чай, иначе никак. Но доел. Все.

Я не знала, что на это ответить. В горле стоял странный ком — не от обиды, не от злости, а от какого-то щемящего, тёплого чувства, которому я пока не могла подобрать названия.

— Ты ненормальный, Дёмин, — сказала я.

— В курсе. Но ты только что подписала мирный договор с ненормальным. Так что вопрос: кто из нас двоих более странный?

— Определённо ты. Я просто жертва обстоятельств.

— Конечно-конечно, — он кивнул с серьёзным лицом. — Жертва. Которая одиннадцать лет огрызалась так, что у меня шрамы на самооценке до сих пор. Ты в курсе, что в шестом классе после твоей фразы «у тебя мозг как у амёбы, только амёба полезнее» я неделю ходил и гуглил, кто такие амёбы?

Я поперхнулась конфетой.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно. Я потом ещё маме за ужином выдал: «Мам, а ты знала, что амёбы размножаются делением?» Она чуть тарелку не выронила. Решила, что я внезапно заинтересовался биологией. А я просто пытался понять, насколько сильно ты меня оскорбила.

Я засмеялась. Впервые за этот долгий, странный вечер — по-настоящему, без напряжения. Смех вырвался сам, рассыпался над водой, и эхо подхватило его, унося к тёмному лесу на том берегу.

Артём смотрел на меня и улыбался. Не криво, не ехидно

— тепло, по-человечески. И в этом взгляде было что-то, от чего внутри всё переворачивалось.

— Оба, — я покачала головой. — Мы оба странные. Два идиота, делают вид, что это нормальный вечер пятницы.

— Субботы вообще-то, — поправил он. — И по-моему, отличный вечер.

Он сказал это так просто, без попытки казаться крутым, что я вдруг осознала: он правда так думает. Для него этот вечер с разговором, который мы откладывали одиннадцать лет, действительно отличный. И от этого осознания внутри разлилось что-то тёплое, как чай, в который макают кексы.

— Всё. Пора домой.

— Что, комендантский час? — хмыкнула я.

— Хуже. Я голодный. Конфеты — это, конечно, гастрономический оргазм, но там, у твоей мамы на даче, мой отец шашлык жарит.

Я фыркнула.

— Ладно, — я поджала замёрзшие ноги, собираясь вставать. — Шашлык — это серьёзный аргумент. Перед ним даже мирные переговоры меркнут.

— Наконец-то ты начинаешь мыслить здраво, — он поднялся первым, доски под ним скрипнули. Протянул мне руку. — Давай, поднимайся. А то примёрзнешь к мостику, потом не отдерём.

— Очень смешно, Артём.

— Я старался.

Я вложила свою ладонь в его. Пальцы у меня были холодные, к него — горячие, почти обжигающие. Он легко, без усилия потянул меня вверх, и я встала на затёкшие, непослушные ноги. Пошатнулась и он тут же придержал меня за локоть, не давая упасть.

— Осторожно, — сказал он. Без насмешки, просто по факту.

— Сама знаю.

— Знаешь, но всё равно шатаешься. Противоречивая ты натура, Жень.

Я закатила глаза и высвободила локоть, что бы спокойно обуться. Мы пошли к мотоциклу по скрипучим доскам, и я чувствовала, как прохладный сентябрьский воздух пробирается под кофту.У мотоцикла он остановился и взял мой шлем. Я потянулась за ним, но он мотнул головой.

— Стой смирно. Ты сейчас полчаса будешь застёжку мучить.

— Я справлюсь.

— Жень. Просто стой.

Я вздохнула и замерла. Он подошёл ближе, слишком близко, если честно. Его руки аккуратно надели шлем мне на голову, поправили, чтобы сидел ровно. Пальцы коснулись подбородка — сухие, горячие, с шершавыми подушечками. Он защёлкнул застёжку, проверил, надёжно ли сидит, и только потом отступил.

— Готово. Можешь дышать.

— Я и так дышала вообще-то.

— Ага. Как кролик перед удавом. Я слышал.

Я пихнула его в плечо, но он только хмыкнул и пошёл заводить мотоцикл. Мотор заурчал, разрывая ночную тишину. Я села сзади, привычно обхватила его за талию. На этот раз, чуть крепче, чем нужно.

Он тронулся с места — плавно, без рывков. Я прикрыла глаза. И перед внутренним взором — как всегда некстати — всплыло совсем другое лицо.

Алексей Михайлович.

Его спокойный, чуть усталый взгляд. То, как он смотрел на меня в машине, когда говорил: «Между нами ничего не может быть». Его пальцы на руле — ухоженные, с аккуратно подстриженными ногтями. Совсем не такие, как у Артёма. Его рубашка, пахнущая дорогим кондиционером. Его голос — ровный, взрослый, ставящий точку там, где мне хотелось поставить многоточие.

Я ведь даже не знаю, что именно я чувствовала. Он спас меня в парке,проводил до дома. А потом — караоке. Его друзья, смех, песни, взгляды. И момент у такси, когда он сказал: «Может, встретимся как-нибудь?» И я, дура, согласись.

А на следующий день он вошёл в класс. Мой новый учитель истории. Алексей Михайлович.

Я помню, как у меня земля ушла из-под ног. Как Оля вцепилась в мою руку под партой. Как Лена побледнела. И как он посмотрел на меня, быстро, на секунду и в этом взгля-

де было всё: узнавание, растерянность, попытка взять себя в руки. Он справился. Он взрослый мужчина, в конце концов.

И потом — машина, дорога до дома, и эти слова, сказанные ровным, почти чужим голосом. Я понимала. Я всё понимала. Я кивала, глядя в окно на проплывающие фонари, и ненавидела себя за то, что чувствовала.

Мотоцикл подо мной накренился в повороте, и я крепче сжала руки на торсе Артёма. Реальность вернулась резко — запах хвои, рокот двигателя, тепло чужой спины под моими ладонями.

Лес начал редеть. Впереди замаячили огни деревни , тёплые, жёлтые, живые. Где-то там, на даче у мамы, горел мангал и пахло шашлыком. Там сидели наши родители.

Артём сбавил скорость, въезжая на деревенскую улицу. Я почувствовала, как он расслабился, дорога стала знакомой, безопасной. Заборы, яблони, спящие дома с тёмными окнами. Где-то залаяла собака — та самая, что лаяла весь вечер. Мы проехали мимо покосившегося колодца, мимо старой берёзы у поворота, и наконец впереди показался свет в окнах маминой дачи.

— Почти на месте, — крикнул он через плечо. — Готовься к битве за шашлык.

Я не ответила. Просто кивнула, хотя он не мог этого видеть.

Мотоцикл замедлился у калитки. Я отпустила его и почувствовала, как холодный воздух тут же заполнил простран-

ство между нами. Артём заглушил мотор.

— Приехали, — сказал он, снимая шлем. — Живая?

— Живая, — я тоже стянула шлем, встряхнула волосами. — Даже не замёрзла. Почти.

— Врёшь. У тебя губы синие.

— Это помада такая.

— Ага. «Отмороженная вишня», новый оттенок.

Я фыркнула и слезла с мотоцикла. Ноги всё ещё были ватные после долгой дороги и ледяной воды. Артём тоже спрыгнул, поставил мотоцикл на подножку и кивнул в сторону дома.

— Пошли. Шашлык сам себя не съест. Ну, то есть съест, но без нас.

Я посмотрела на светящиеся окна, на тёплый дым над мангалом, на его лицо в полумраке — усталое, но спокойное.

— Пошли, — сказала я. — Только учти, если съешь мой кусок, я объявляю войну заново.

— Принято, — он усмехнулся и пошёл к калитке первым. — Но предупреждаю, за шашлык моего отца, я готов воевать даже с тобой.

— Это мы ещё посмотрим, Дёмин.

— Обязательно посмотрим, Жень. Обязательно.

Мы вошли во двор, где пахло дымом, жареным мясом и сентябрьскими яблоками. Родители сидели за столом под старой яблоней.

Глава 12

— Вы где были? — мама шагнула ко мне. Голос у неё был строгим, но в глазах читалось облегчение. — Мы уже собирались звонить соседям и идти вас искать.

— Простите, — сказала я. — Мы просто…

— Просто уехали и никому ничего не сказали, — закончила за меня Марина Викторовна. — Артём, я тебе сколько раз говорила: если уходишь, предупреди. Особенно вечером.

— Мы были недалеко, — пробормотал он.

— Это не оправдание, — отрезала его мама. — Телефон у тебя есть. Одно сообщение — и никто не переживает.

— Мам, я понял.

— Хорошо, что поняли оба, — сказала моя мама, переводя взгляд с меня на Артёма. — А теперь идите мыть руки и садитесь за стол. Еда остынет.

Спорить мы не стали. Взрослые ещё немного поворчали, но тревога постепенно уступила место обычным разговорам. Мы с Артёмом молча помыли руки и вернулись на веранду.

За столом стало шумно и тепло. Виктор Сергеевич разложил по тарелкам оставшийся шашлык, Марина Викторовна пододвинула к нам блюдо с овощами, а мама налила чай. После прогулки я проголодалась сильнее, чем ожидала, и быстро съела первую порцию.

— Кстати, — Виктор Сергеевич взглянул на сына, — мо-

тоцикл-то ты доделал ?

— Да. Ещё до ужина.

— И цепь смазал?

— Смазал.

— Масло проверял?

— Пап, я не первый день за ним слежу.

Виктор Сергеевич кивнул — коротко, скупо. И снова замолчал. Но я заметила, как плечи Артёма чуть расслабились. Это была не похвала , до похвалы в этой семье, видимо, надо было ещё дослужиться. Но и не осуждение.

Разговор постепенно перешёл на дачные дела, урожай и погоду. Потом Марина Викторовна повернулась ко мне:

— Женя, ты уже решила, куда будешь поступать?

Я замерла с вилкой в руке. За день этот вопрос мне задавали уже не впервые.

— Думаю об архитектурном, — ответила я. — Хочу попробовать туда.

— Архитектурный — это здорово, — сказала она. — Тебе рисование всегда хорошо давалось. А Артём пока об экзаменах даже слышать не хочет.

— Мам, — предупредил он.

— А что? Так и есть, — невозмутимо продолжила Марина Викторовна. — Спрашиваю, куда собирается, — отвечает: «Потом решу». Говорю, что пора готовиться, — он меняет тему. Зато в автомеханический хочет. Говорит, там хотя бы всё понятно: двигатель разобрал, причину нашёл, починил.

— А что плохого в автомеханическом? — спросила я, посмотрев на Артёма.

— Ничего, — быстро ответил он. — Если тебе интересно, почему это должно быть плохим вариантом.

Марина Викторовна улыбнулась:

— Да я и не говорю, что плохой. Просто хотелось бы, чтобы он хоть немного подумал о поступлении заранее, а не в последний момент.

— Я думаю, — буркнул Артём.

— Ты думаешь о мотоциклах, — заметил его отец. — Это тоже полезно, но экзамены за тебя они не сдадут.

— Я знаю.

Взрослые снова заговорили о своём, а я украдкой посмотрела на Артёма. Он заметил мой взгляд и чуть приподнял бровь, будто спрашивал, что не так. Я отвела глаза к тарелке. Его признание всё ещё не укладывалось в голове. Но теперь, сидя рядом за общим столом, мы впервые за много лет не пытались уколоть друг друга при каждом удобном случае. Это было непривычно. И, пожалуй, немного странно.

Вечер медленно шел к завершению. Дёмины начали потихоньку собираться домой. Марина Викторовна уже потянулась за своей сумочкой, сетуя на то, что после целого дня на пыльном участке безумно хочется смыть с себя эту усталость.

— Ой, Марин, погоди, — вдруг вспомнила моя мама, придерживая её за плечо. — Вы же говорили, что у вас на даче

опять какие-то проблемы с водопроводом и бойлер барахлит?

— Да не то слово, — махнула рукой мамина подруга. — Вода еле течёт, холодная, толком не помыться. Придётся в город ехать, чтобы в ванну залезть.

— Так у нас же отличный бойлер, вода горячая — залейся! — радушно предложила мама. — Давайте вы у нас по очереди в душ сходите, пока мы чайник на веранду организуем. Свежие полотенца я сейчас принесу. Смыть дачную пыль — святое дело.

Дёмины от такого предложения долго отнекивались, но под напором идей мамы, отказываться не смогли. Марина Викторовна ушла первой, за ней деловито проследовал Виктор Сергеевич. Мама убежала в дом греть воду и заваривать свежий чай, а я, воспользовавшись паузой, поднялась на второй этаж в свою комнату.

Захлопнув дверь, я обессиленно повалилась на кровать и вытащила телефон. На экране висело несколько пропущенных сообщений в нашем общем чате с девчонками.

Я:

«Привет, девочки! Простите, что пропала сегодня и не пришла в школу. Маме дали отгул, и мы уехали на дачу убираться и готовить дом к зиме. Сил вообще нет».

Ответ от Лены прилетел почти мгновенно, капслоком:

Лена:

«ЖЕНЬКА! Ну наконец-то! А у нас тут такие драмы, ты

просто представить себе не можешь! Я С ПАШЕЙ РАССТАЛАСЬ. Окончательно. Всё, конец, этот придурок меня довёл, я заблокировала его везде!»

Я невольно улыбнулась. У Лены расставания с Пашей происходили с завидной регулярностью, но каждый раз это преподносилось как конец света.

Я:

«Что? Когда?»

Оля:

« В пятницу, после уроков. Я была рядом, контролировала, чтобы без эмоциональных качелей с обеих сторон.»

Лена:

«Оль, какие качели! Я культурно всё сделала! Подошла, сказала: «Паш, всё, с меня хватит». Он стоит, глазами хлопает, как филин. Я ему: «Ты полтора года не можешь запомнить дату нашего начала наших отношений. У тебя в телефоне календарь есть, но ты даже туда не забил. Я тебе три раза напоминала про пятницу, а ты опять забыл. Всё». Он начал что-то мямлить про тренировку, про то, что закрутился. А я ему: «Паш, ты закрутился на полтора года. Я устала раскручивать». Развернулась и ушла!»

Оля:

« На самом деле она не ушла. Она развернулась, сделала три шага, потом вернулась и добавила: «И цветы твои дурацкие, которые ты дарил раз в полгода, тоже можешь себе оставить. Будешь ими свою рассеянность прикрывать». И толь-

ко потом ушла. Но через десять метров снова остановилась и крикнула: «И тренировки твои дурацкие!» Вот тогда уже окончательно.»

Лена:

« Оль, ну зачем ты подробности! Я создавала драматический эффект! Это была красивая сцена расставания!»

Оля:

« Это была сцена расставания в трёх актах с криками через полшкольного двора. Красивой её назвать сложно. Ещё, Жень, жаль, что тебя не было. Тут такое творилось. Дёмину вчера влетело по первое число за твой испорченный плакат».

Я замерла, вглядываясь в экран.

Я:

«В смысле? От кого?»

Оля:

«От историка нашего. И от Натальи Егоровны. Рокотовский, видимо, доложил директрисе, и Артёма вызвали на ковёр прямо с утра. Ходят слухи, его чуть ли не к отчислению склоняли, заставили писать объяснительную. В общем, влетело ему знатно, он весь день злющий как чёрт ходил».

Я медленно перевела дыхание. Значит, Алексей Михайлович сдержал слово. Он действительно решил этот вопрос и не оставил поступок Артёма безнаказанным. В груди шевельнулось странное чувство, но я быстро заглушила его.

Про Артёма, который прямо сейчас находился в моём доме, про нашу поездку на озеро и его неожиданное признание

на обрыве я не написала подругам ни единого слова. Это казалось чем-то слишком личным, хрупким, предназначенным только для нас двоих.

— Женька! Спускайся чай пить! — донёсся снизу мамин голос.

— Иду, мам! — крикнула я в ответ.

Я заблокировала телефон, отбросила его на кровать, даже не попрощавшись с девочками и вышла из комнаты. Последним в душ ушёл как раз Артём, так что я надеялась проскочить на кухню до того, как он освободит ванную.

Но не успела.

На половине пути, прямо на деревянном лестничном пролёте, я нос к носу столкнулась с ним. Артём только что вышел из ванной комнаты. На его плечах небрежно болталось белое полотенце, с которого на плечи стекали редкие капли воды. На нём были только низко сидящие джинсы. Голый, влажный торс слегка поблёскивал в тусклом свете настенного бра.

Я невольно замерла на ступеньке, лишившись дара речи.

У него оказалась потрясающая фигура. Крепкое тело, рельефные мышцы плеч, красиво очерченный пресс, с небольшой растительностью, которая переходила на грудь. Сильные руки в мелких ссадинах от работы с мотоциклом. На его загорелой коже ещё держался влажный пар, пахнущий нашим хвойным гелем для душа.

Артём остановился ступенькой ниже, так что наши лица

оказались почти на одном уровне. Заметив мой ступор, он тут же приподнял бровь, и на его лице расплылась та самая знакомая, невыносимая усмешка.

— Что, Резвова, засмотрелась? — негромко подколол он, складывая руки на груди, отчего мышцы его торса напряглись ещё сильнее. — Я, конечно, знаю, что чертовски хорош собой после душа, но не думал, что ты решишь караулить меня прямо на лестнице. Хочешь автограф? Или, может, набросок с меня сделаешь для своего альбома?

Обычно после таких слов я бы выдала ему порцию отборного яда или просто толкнула бы плечом, проходя мимо. Но сейчас... сейчас всё было по-другому. После его признания у озера лёд между нами окончательно растаял.

Я не обиделась. Вместо этого я лишь слегка улыбнулась и с нескрываемым, открытым интересом окинула его взглядом с ног до головы. Мой взгляд скользнул по его плечам, шраму над губой и остановился на его глазах.

— Мечтай больше, Дёмин, — тихо, но уверенно ответила я, сделав шаг ближе. — Наброски я делаю только с красивых вещей. А тебе до этого статуса ещё мыться и мыться. Полотенце поправь, а то сползёт.

Артём явно не ожидал от меня такой реакции. Его усмешка на секунду дрогнула, а в глазах мелькнуло удивление, смешанное с неприкрытым азартом. Он шумно выдохнул, но дорогу уступил, слегка прижавшись к перилам.

Я сделала пару шагов вниз, но остановилась, держась ру-

кой за гладкие деревянные перила. Оглянулась через плечо. Артём не спешил уходить. Он стянул с головы полотенце, небрежно перекинул его через плечо и оперся бедром о косяк двери, глядя на меня сверху вниз.

— А ты, я смотрю, осмелела, Резвова, — протянул он, и в его низком голосе прозвучало что-то бархатное, тягучее, от чего у меня предательски кольнуло под ложечкой. — Раньше ты при виде меня глаза закатывала так, что я боялся, они у тебя обратно не вернутся. А сейчас стоишь, разглядываешь… Понравилось то, что увидела?

— Пытаюсь понять, куда делся тот прыщавый мальчик, который кидался в меня огрызками, — не осталась я в долгу, разворачиваясь к нему корпусом и слегка склоняя голову набок. — Видимо, гаражная пыль и гаечные ключи творят чудеса.

— Тот мальчик вырос, — Артём медленно спустился на две ступени, сокращая между нами расстояние до опасного минимума.

Теперь он стоял прямо надо мной. От него веяло жаром после горячей воды, свежестью и хвоей, который на его горячей коже пах совершенно иначе — терпко и пьяняще. Он наклонился чуть вперед, заглядывая мне в глаза.

— И у него, между прочим, появились вполне взрослые методы привлечения твоего внимания. Правда, ты всё так же упрямишься.

— Твои «взрослые методы» — это стащить мою одежду

в лесу и заставить топать по поселку в купальнике? — я насмешливо вскинула бровь, хотя дыхание предательски сбилось. — Очень тонкая романтика, Дёмин. На троечку с минусом.

— Ну, за вид в купальнике я бы поставил себе твердую пятерку с плюсом, — парировал он с кривой, невероятно притягательной ухмылкой, в которой сквозила неприкрытая дерзость. — И вообще, скажи спасибо, что я вернул вещи до того, как тебя увидели соседи. Я, считай, спас твою репутацию приличной девочки.

— Моя репутация пострадала в тот момент, когда я села к тебе на мотоцикл.

— Брось, тебе понравилось, — его голос стал тише, почти интимным. Он сделал еще полшага, и его рука, пахнущая мылом и металлом, легла на перила прямо рядом с моей ладонью. Мизинцы едва заметно соприкоснулись, и по коже пробежал слабый электрический разряд. — Ты держалась за меня так, будто я единственный, кто может удержать тебя на этой земле.

Я замерла. Сердце сделало глухой, тяжелый толчок. Шутки шутками, но в этот момент воздух между нами стал слишком плотным, а его взгляд — слишком прямым и глубоким, чтобы списать это на обычный сарказм.

— Я просто жить хотела, Дёмин. Ты гнал как ненормальный, — попыталась я защититься привычной иронией, но голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

— Я вез ценный груз, — не моргнув глазом, ответил он.

В его словах была насмешка, но за ней пряталось нечто большее — то самое, что он открыл мне на обрыве у темного озера. Он смотрел на мои губы, потом снова в глаза, и на долю секунды мне показалось, что он сейчас наклонится еще ближе.

— Женька! Артём! Вы там застряли, что ли? Чай остывает! — громкий голос Марины Викторовны с кухни разорвал наваждение в клочья.

Мы оба синхронно вздрогнули. Артём усмехнулся — на этот раз немного смущенно, — отстранился и потер мокрый затылок полотенцем.

— Иди, художница, — негромко сказал он, отступая на шаг назад к двери. — А то подумают, что мы тут делим территорию. Футболку хоть накину, а то твоя мама решит, что я тебя соблазнять пришел.

— Тебе до соблазнителя как до луны пешком, — бросила я, разворачиваясь, чтобы скрыть вспыхнувший на щеках румянец.

— Ну-ну, — донеслось мне в спину тихое и уверенное. — Посмотрим, как ты заговоришь.

Когда мы наконец спустились на кухню, атмосфера там была максимально домашней и расслабленной. Артём уже успел натянуть простую чёрную футболку, которая всё равно опасно обтягивала его плечи, и теперь сидел за столом, с аппетитом уплетая мамин пирог.

Чай пили долго, обсуждая планы на завтра — Дёминым нужно было возвращаться в город пораньше, чтобы успеть разобрать вещи и подготовиться к рабочей неделе. Я сидела напротив Артёма, стараясь не смотреть на него слишком часто, но каждый раз, когда наши взгляды пересекались, я видела в его глазах отблеск того самого разговора на лестнице.

Наконец, когда часы в гостиной пробили десять, Дёмины окончательно засобирались. Мы вышли проводить их к калитке. Ночь была прохладной и звёздной, пахло мокрой травой и дымом из далёких печей.

Пока Марина Викторовна и моя мама застряли в «бесконечном прощании», обсуждая, какой сорт помидоров лучше оставить на семена, мы с Артёмом стояли чуть поодаль, прислонившись к деревянному забору.

— Ну что, Резвова, — тихо произнёс он, засовывая руки в карманы джинсов и глядя на меня сверху вниз. — Смотри не заскучай тут без моего пагубного влияния. Тишина, знаешь ли, затягивает.

— Поверь, Дёмин, я собираюсь наслаждаться каждой минутой этого покоя, — фыркнула я, хотя внутри почему-то шевельнулось странное нежелание его отпускать. — Наконец-то никто не будет дёргать меня за косички — метафорически выражаясь — и портить воздух своим сарказмом.

— Ага, конечно, — он усмехнулся, и в свете фонаря его глаза блеснули лукавством. — Ты уже через два часа начнёшь проверять телефон, надеясь, что я пришлю тебе ка-

кую-нибудь гадость. Это же твой главный стимул к жизни — спорить со мной.

— Твоё самомнение скоро вытеснит тебя из этой деревни, — я закатила глаза, но сдержать улыбку не смогла. — Езжай уже. Мотоцикл не забудь пристегнуть, а то вдруг он решит сбежать к более адекватному хозяину.

— Мой зверь признаёт только одного вожака, — он наклонился чуть ближе, понизив голос так, что его услышала только я. — Так же, как и я… признаю только одного достойного противника. До понедельника, Резвова. Постарайся не влюбиться в моё отсутствие.

— Мечтай, Дёмин! — бросила я ему вдогонку, когда он уже пошёл к своей калитке вслед за родителями.

Артём обернулся, махнул рукой и скрылся в темноте.

Мы с мамой вернулись в дом. Она закрыла дверь на засов и, хитро прищурившись, посмотрела на меня, пока я убирала со стола оставшиеся чашки.

— Ну и ну, — протянула она, прислонившись к косяку. — Давно я, оказывается, не видела Артёма маленьким.Красивый парень вырос, ничего не скажешь. Мужественный такой.

— Мам, ну ты чего, — я постаралась сделать максимально равнодушное лицо, активно моя посуду. — Дёмин как был дураком, так и остался. Только теперь он дурак с мотоциклом.

— Ну-ну, — мама подошла ближе и легонько подтолкнула меня локтем. — А ты видела, как он на тебя сегодня смот-

рел? Пока мы чай пили, он с тебя глаз не сводил. И на лестнице вы там что-то долго «застряли». У него такой взгляд стал… особенный. Раньше он на тебя по-другому смотрел, а сейчас — будто сокровище какое-то разглядывает.

— Мам, тебе показалось, — я почувствовала, как щёки начинают гореть. — Мы просто обменивались «любезностями». У нас вечная вражда, ты же знаешь.

— От любви до ненависти, Женька, один шаг, — философски заметила мама, забирая у меня полотенце. — И мне кажется, Артём этот шаг уже вовсю делает. Ладно, иди отдыхай, «враждующая» ты моя.

Я быстро чмокнула маму в щеку и сбежала к себе в комнату. Легла в кровать, уставившись в окно на верхушки сосен. В голове крутились слова мамы про его взгляд и фраза Артёма: «Постарайся не влюбиться»«Идиот», — подумала я, натягивая одеяло до самого подбородка.

Мы вернулись в город в воскресенье вечером, завалившись в квартиру уставшие, пахнущие костром и яблоками, но с полными сумками свежего урожая. Мама сразу упала без сил разбирать вещи, а я, приняв быстрый душ, рухнула в кровать, предвкушая тяжёлое понедельничное утро.

Но на удивление, мысль о том, что завтра придётся снова идти в школу, больше не вызывала во мне глухой тоски. Наоборот. Где-то на дне сознания затаилось странное, щекочущее предвкушение.

Глава 13

Утро понедельника выдалось прохладным и солнечным. Я собралась без обычных утренних истерик, надела любимые чёрные джинсы, белый топ и тот самый удлинённый серый пиджак. Посмотрела на себя в зеркало — вроде бы всё та же сдержанная одиннадцатиклассница Резвова. Но внутри всё звенело от напряжения.

Когда я подошла к школе, на площадке у крыльца уже толпился народ. Лена и Оля тут же вынырнули откуда-то из-за угла.

— Эй, беглянка! — Лена налетела на меня с объятиями. — Мы уж думали, ты на даче в медвежью спячку залегла! Как выходные?

— Нормально, — стараясь не выдавать лишних эмоций, ответила я. — Убирались, яблоки собирали. Ничего особенного.

— Ага, конечно, ничего особенного, — загадочно протянула Оля, внимательно изучая моё лицо своими пронзительными глазами. — Выглядишь подозрительно отдохнувшей для человека, который пахал на огороде.

Прежде чем я успела придумать отговорку, школьные двери распахнулись, и мы потянулись внутрь. Первым уроком стояла история. Ну конечно. Судьба явно решила испытать мою выносливость на прочность.

Когда я зашла в класс, Алексей Михайлович уже сидел за своим столом, проверяя какие-то бумаги. На нём была всё та же строгая тёмная рубашка. Наши взгляды встретились на долю секунды. В его глазах мелькнуло что-то тяжёлое и закрытое — эхо нашего разговора в машине. Я первая отвела глаза и прошла к своей парте.

Я рассклады вала вещи в сумку, когда Лена неожиданно пихнула меня локтем в бок.

— Смотри, кто пожаловал, — шёпотом произнесла она, кивнув на дверь.

Я подняла голову. В дверном проёме класса стоял Артём. Он выглядел так, будто только что сошёл с обложки какого-то молодёжного журнала: чёрная водолазка идеально подчёркивала широкие плечи, а на лице играла та самая полуусмешка.

Он не шёл к своему обычному месту на задней парте. Вместо этого он неспешно, вальяжной походкой направился прямо к моему ряду. Класс тут же притих. Некоторые девочки заинтересованно вытянули шеи — Дёмин редко жаловал мои ряды своим вниманием, тем более до начала урока. Артём остановился у моей парты, упёрся ладонями в деревянную поверхность и наклонился чуть ближе ко мне, полностью перекрывая обзор. От него пахло туалетной водой и утренней свежестью.

— Привет, — негромко произнёс он, и в его голосе отчётливо слышались бархатные, ленивые нотки. — Смотрю, ты

жива-здорова после вчерашней дороги. Не замёрзла по пути в цивилизацию?

Я подняла на него глаза, чувствуя, как к щекам приливает лёгкий румянец, но постаралась сохранить максимально невозмутимый вид.

— Представь себе, Дёмин, выжила, — я сложила руки на груди. — Даже несмотря на то, что накануне меня похитили и заставили лазить по лесам.

— Похитили? — он наигранно прижал руку к груди, изображая оскорблённую невинность. — По-моему, добровольно запрыгнула на мотоцикл и ещё держалась так крепко, что я думал, у меня рёбра треснут. Признайся, ты просто искала повод прижаться к кому-то сильному и надежному.

Несколько человек за соседними партами тихо захихикали.

— Я держалась, чтобы не упасть от твоей безумной езды, не льсти себе, — парировала я, хотя уголки моих губ уже предательски дёргались в улыбке. — И вообще, чего тебе? Твоя парта в самом конце, если ты забыл дорогу после двухдневного отсутствия.

— Да вот, решил проверить, как перенесла суровые будни моя любимая… соседка по даче, — он сделал едва заметную, очень интригующую паузу перед последним словом, от которой у меня внутри всё сладко заныло. — Думал, может, помочь тебе портфель донести до следующего кабинета. А то ты выглядишь хрупкой. Прямо пушинкой.

— Оставь свои рыцарские замашки для кого-нибудь другого, Дёмин, — я резко закинула сумку на плечо и встала из-за парты, оказавшись к нему лицом к лицу. — Я сама донесу. А то ещё уронишь ненароком, и придётся опять извиняться.

Артём не отступил ни на шаг. Он наклонился ещё ниже, так что его губы оказались в каких-то сантиметрах от моего уха, и прошептал так тихо, что слышала только я:

— Ну, за падение я могу и компенсацию потребовать. Например… ещё одну ночную прогулку. Ты как, согласна рискнуть?

Я замерла, чувствуя, как его дыхание касается моей кожи. Это была уже не просто игра в кошки-мышки. Это было откровенное, наглое заигрывание на глазах у всей школы.

В этот момент скрипнула дверь, и в класс вошёл Алексей Михайлович. Он шагнул к своему столу, бросил взгляд на нашу парочку, застывшую у первой парты, и его лицо мгновенно окаменело. Серо-голубые глаза потемнели до цвета грозовой тучи, а челюсть напряглась так, что на скулах заходили желваки.

— Дёмин, — раздался по кабинету ледяной, не терпящий возражений голос историка. — Звонок прозвенел две минуты назад. Твоё место на последнем ряду, а не у доски. Возвращайся к учебе. Или хочешь снова составить компанию директору?

Артём выпрямился, медленно повернулся к учителю, и на его губах мелькнула едва заметная, вызывающая усмешка —

он прекрасно понял и почувствовал эту внезапно вспыхнувшую между нами ревностную напряжённость.

— Уже иду, Алексей Михайлович, — сладко протянул Артём, бросив на меня ещё один лукавый взгляд. — Просто беседуем.

Он неспешно поплелся на своё место, а я осталась стоять у парты, чувствуя, как на меня смотрят десяток пар глаз, и пытаясь унять сумасшедший стук сердца в груди.

Как только Артём, нехотя и вальяжно, скрылся в конце кабинета, на меня тут же обрушился шквал приглушённого шёпота. Лена практически легла на мою парту, едва не задевая учебник кончиком носа.

— Резвова, ты ничего не хочешь нам рассказать? — её глаза горели таким любопытством, что, казалось, они светятся в темноте. — Какой лес? Какой мотоцикл? Дёмин и ночные прогулки? Ты же говорила, что на даче пахала как папа Карло!

— Лен, тише, — шикнула я, не поднимая глаз от тетради. — Он просто бредит. Ты же знаешь Дёмина, ему лишь бы ляпнуть что-нибудь эдакое, чтобы все обернулись.

— Он не просто ляпнул, он светился как новогодняя ёлка, — вставила Оля, обернувшись со своей парты. Её взгляд был куда более проницательным и подозрительным. — Женя, ты с ним куда-то ездила?

— Никуда я с ним не ездила, — отрезала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от необходимости лгать подругам. —

Просто столкнулись у калитки, обменялись парой колкостей. Всё, закроем тему. Урок начался.

Алексей Михайлович с силой стукнул ладонью по столу, призывая класс к порядку. Звук получился резким, как выстрел. Шёпот мгновенно затих.

— Итак, — голос историка вибрировал от сдерживаемого напряжения. — Сегодня мы продолжаем тему реформ. Надеюсь, выходные прошли у всех продуктивно не только в плане... отдыха, но и в плане изучения параграфа.

Я заставила себя выпрямиться. Лицо — каменная маска. Взгляд — в одну точку на доске, чуть выше его плеча. Раз он хотел «забыть» и «сделать вид», я предоставлю ему эту возможность в полном объеме.

— Резвова, — внезапно выкликнул он.

Я вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Медленно поднялась, глядя на него в упор. Холодно. Отстранённо.

— Слушаю вас, Алексей Михайлович.

— Назовите основные положения манифеста от семнадцатого октября. И, пожалуйста, без общих фраз. Нам нужны факты.

Я начала отвечать. Голос звучал ровно, почти механически. Я выдавала даты, фамилии и пункты реформ с точностью швейцарских часов. Я видела, как он внимательно следит за моими губами, как его пальцы нервно крутят на столе дорогую ручку. Между нами в воздухе висела такая густая, наэлектризованная тишина, что её можно было резать

ножом.

Каждый мой правильный ответ был как удар. «Смотри, — говорила я всем своим видом. — Я идеальная ученица. Всё, как ты просил. Я стерла всё остальное. Доволен?»

— Хорошо, — коротко бросил он, когда я закончила. — Но это база. Скажите, а как эти реформы отразились на расстановке политических сил? Как вы думаете, Женя... Евгения, это было своевременное решение или вынужденный шаг?

Он снова зацепил меня. Назвал по имени и тут же исправился. Это «Женя», сорвавшееся с его губ, на секунду пробило мою броню. Я увидела в его глазах вспышку той самой боли и ревности, которую он так отчаянно пытался скрыть под маской педагога. Он злился. Злился на Дёмина, на то, что тот так фамильярно шептался со мной, на то, что он сам не может подойти ко мне так же близко?

— Я считаю, — я сглотнула, возвращая голосу ледяную уверенность, — что это был вынужденный компромисс власти, который не решал глубинных противоречий. И, как показала история, такие половинчатые меры в итоге ведут к краху. Как в политике, так и в личных... стратегиях.

Я сделала крошечную, едва заметную паузу перед последним словом. Это был мой личный укол. Напоминание о его «половинчатом» решении в машине. Алексей Михайлович замер. Его взгляд стал острым, как скальпель. Он понял. Всё понял.

— Садитесь, Резвова. Пять, — сухо произнёс он.

До конца урока он вызывал меня ещё трижды. Задавал самые каверзные вопросы, пытался загнать в угол, заставить ошибиться, сорваться на эмоции, просто посмотреть на него как на человека, а не как на параграф из учебника. Но я не дала ему этого шанса. Я отвечала безупречно. Блестяще. Непоколебимо.

В классе воцарилась странная атмосфера. Ученики переглядывались — даже самые ленивые почувствовали, что между новым историком и мной идёт какой-то негласный, яростный поединок, скрытый за историческими терминами.

Артём на последней парте сидел, прищурившись, и переводил взгляд с меня на учителя. На его лице больше не было усмешки. Он чувствовал это напряжение тоже и, судя по тому, как он сжимал кулаки, оно ему очень не нравилось. Когда наконец прозвенел звонок, я начала собирать вещи так быстро, словно за мной гнались все демоны ада.

— Резвова, — раздалось от стола, когда класс уже почти опустел.

Я замерла, сжимая лямку рюкзака. Лена и Оля остановились у двери.

— Идите, я догоню, — бросила я им, не оборачиваясь.

Когда дверь закрылась, я подошла к его столу. В кабинете стало тихо. Слышно было только, как за окном шумит ветер в ветвях старого клёна. Алексей Михайлович поднялся. Он стоял очень близко — так же, как в пятницу в машине, но

теперь между нами был массивный дубовый стол.

— Ты блестяще подготовилась, — тихо сказал он. Его голос больше не был учительским. Он был надломленным. — Ты делаешь именно то, о чём я просил.

— Я просто выполняю свои обязанности, Алексей Михайлович, — я посмотрела ему прямо в глаза, и в моем взгляде не было ничего, кроме холодного равнодушия. — Вы же сами сказали: это единственная реальность, которая у нас есть. Я её приняла. Какие-то претензии?

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах борется желание сорвать эту маску и… что?

— Никаких претензий, — выдохнул он, отводя взгляд. — Можешь идти.

— Всего доброго, Алексей Михайлович.

Я развернулась и вышла из класса, чувствуя, как в груди всё горит от этой маленькой, горькой победы. Я подыграла ему. Я стала той самой «просто фамилией в журнале». И судя по его лицу, это было самое жестокое наказание, которое я могла для него придумать.

После четвёртого урока школьная столовая гудела, как пчелиный улей в брачный период. Пахло свежей сдобой, компотом из сухофруктов и жареными котлетами. Мы с девочками с боем отвоевали свободный столик у окна, подальше от шумных десятиклассников.

Я машинально размешивала ложкой остывающий чай, всё ещё прокручивая в голове ледяной диалог у учительского

стола. Руки до сих пор слегка подрагивали, но я старательно делала вид, что с аппетитом разглядываю тарелку с макаронами.

— Нет, вы видели его лицо на уроке? — не унималась Лена, отламывая кусочек сосиски в тесте. — Рокотовский на тебя смотрел так, будто ты у него любимую собаку украла. Я думала, он тебя прямо там испепелит. За что он так на тебя взъелся-то?

— Он не взъелся, — спокойно отозвалась Оля, отпивая сок. — Он просто проверял, насколько Женя готова. И она была готова лучше всех. Но напряжение между вами… Жень, даже слепой бы заметил.

— Никакого напряжения нет, — соврала я, не моргнув глазом. — Обычный урок. Всё как у людей.

— Ага, как у людей на допросе в НКВД, — хмыкнула Лена.

Договорить она не успела: на край нашего стола с глухим деревянным стуком опустился поднос. Стул рядом со мной со скрипом отодвинулся, и на него с непревзойдённой грацией плюхнулся Дёмин.

Лена поперхнулась чаем. Оля медленно опустила стакан, приподняв одну бровь на рекордную высоту. За всю историю нашего обучения Артём добровольно подсаживался к нашему столику ровно ноль раз — обычно он предпочитал оккупировать подоконники в компании Серёги и прочих завсегдатаев курилки.

— Приятного аппетита, дамы, — невозмутимо выдал Артём, бросив на меня быстрый, лукавый взгляд.

— Дёмин, ты столовой ошибся? — первой опомнилась Лена, подозрительно прищурившись. — Твоя стая вон там, у буфета толпится. Чего припёрся?

— Расширяю кругозор, Лукьянова. У вас компания приятнее, и не пахнет дешёвым вейпом, — парировал он, даже не глядя на неё.

Затем Артём полез в карман своей объёмной кофты, вытащил оттуда аккуратно запечатанный шоколадный кекс в прозрачной упаковке и с легким щелчком пододвинул его прямо к моей тарелке.

Я уставилась на кекс, потом на Артёма.

— Это ещё что за гуманитарная помощь? — с сарказмом спросила я, скрестив руки на груди. — Ты его мышьяком накачал или просто в коридоре нашёл?

— Чистый бельгийский шоколад, Резвова, не язви, — ухмыльнулся он, наклоняясь чуть ближе ко мне и упираясь локтем в стол. — Это, так сказать, символический жест. Официальный десерт в честь подписания пакта о ненападении. Завершение столетней войны, все дела.

Челюсть Лены, казалось, встретилась с линолеумом.

— Чего?! — почти взвизгнула она, но тут же понизила голос до свистящего шёпота, оглядываясь по сторонам. — Какого пакта? Вы же ещё на той неделе готовы были друг другу глотки перегрызть! Резвова, ты мне зубы не заговаривай,

что у вас произошло на выходных?! Откуда этот джентльменский набор?

— Мы просто… пришли к дипломатическому соглашению, — быстро ответила я, пряча усмешку и чувствуя, как начинают предательски гореть кончики ушей.

— Ага, дипломатическому, — поддакнул Артём, откровенно забавляясь реакцией моих подруг. — Встретились на нейтральной территории, обсудили демилитаризацию границ. Резвова оказалась на редкость несговорчивым послом, пришлось идти на уступки.

— На нейтральной территории? — Оля сузила глаза, сканируя нас обоих своим коронным рентгеновским взглядом. — Вы на даче пересеклись? Женя говорила, что только с мамой была.

— Ну, посёлок-то один, заборы хлипкие, — хмыкнул Дёмин, не моргнув глазом. — Случайно встретились. Поболтали о высоком… Резвова даже почти не дралась.

— Я исключительно держала оборону, — парировала я, демонстративно пододвигая кекс к себе и разрывая упаковку. — И вообще, Дёмин, один кекс не искупает одиннадцать лет морального террора. Но в качестве первого транша сойдёт.

— Смотри, не подавись от жадности, — хохотнул он, поднимаясь со стула. — Второго транша не будет, пока не увижу встречных шагов доброй воли. Например, спишешь мне домашку по алгебре.

— Мечтай, — бросила я ему вслед.

— До встречи, девочки, — он подмигнул онемевшей Лене и вальяжной походкой направился к выходу из столовой.

Как только дверь за ним закрылась, Лена вцепилась мне в запястье:

— Так, Резвова. Ты никуда отсюда не уйдёшь, пока не выложишь всё. Какая «нейтральная территория»? Почему он покупает тебе кексы? И с каких это пор Дёмин смотрит на тебя так, будто… будто ты не бесишь его до белых глаз?!

— Лен, да ничего такого, — я отломила кусочек шоколадного бисквита, пряча глаза. — Наши родители жарили шашлыки, мы просто поговорили без криков и решили, что глупо продолжать эту детскую вражду в выпускном классе. Всё. Никакой мистики.

Оля молча изучала моё лицо ещё несколько секунд, а потом тихо, так, чтобы слышала только я, заметила:

— Родительские шашлыки обычно не вызывают такого блеска в глазах, Жень. Смотри, как бы твой новый «пакт о ненападении» не оказался взрывоопаснее старой войны. Особенно с учётом того, как на вас обоих сейчас косится полшколы.

Я проглотила сладкий кекс, чувствуя странную, щемящую смесь тревоги и азарта. Оля была права: правила игры стремительно менялись, и я сама уже не понимала, куда ведёт эта новая партия.

— Нет, серьёзно, Женька, послушай меня хоть раз в жиз-

ни без своего вечного упрямства, — Лена всё ещё держала меня за рукав, на этот раз совершенно без привычного театрального пафоса, а с редкой для неё искренней тревогой. — Ты только на секунду включи голову и вспомни, кто вообще такой Дёмин. Он одиннадцать лет был ходячей катастрофой для всей параллели, а для тебя — персональным кошмаром. Он тебе косички дёргал, тетради в лужи ронял, на уроках подножки ставил и хамил так, что уши вяли. А тут вдруг — раз! — и благородный жест. Шоколадные кексы таскает, подсаживается за наш стол, шуточки шутит на глазах у всех. Не бывает таких резких перемен просто так. Либо он что-то затевает, либо пытается усыпить твою бдительность.

— Поддерживаю каждое слово, — негромко, но веско вставила Оля, аккуратно складывая бумажную салфетку треугольником и кладя её на край стола. — Внезапная смена курса у людей вроде Артёма никогда не происходит на пустом месте. Запомни это, Женя. Дёмин привык брать то, что хочет, наглостью и нахрапом. Если он вдруг перешёл на дипломатию и сладости, значит, у него есть свой интерес. Ему либо нужно твоё молчание перед директрисой за тот испорченный плакат, либо он затеял какую-то новую пакость, чтобы потом побольнее поддеть. Не развешивай уши. Будь начеку и держи дистанцию. Договорились?

Я посмотрела на недоеденный кекс, лежащий на шуршащей обёртке, а затем перевела взгляд на напряжённые лица подруг. В их словах был абсолютный, железобетонный здра-

вый смысл. То, что произошло на обрыве у озера, и его признание в старой детской нелепой влюблённости звучали искренне, но одиннадцать лет вражды не стираются за один вечер и один кекс. Артём всё ещё оставался тем самым Дёминым — резким, непредсказуемым, привыкшим к язвительным выпадам. Доверять ему сейчас было бы верхом глупости.

— Договорились, — вздохнула я, сгребая пальцем крошки с пластикового стола. — Никакого слепого доверия. Уши не развешиваю, держу оборону, на провокации не ведусь. Я прекрасно помню, кто он такой. Довольны, следователи?

— Вполне, — удовлетворённо кивнула Оля, поднимаясь со стула и закидывая сумку на плечо. — А теперь пойдём быстрее, иначе Зоя Павловна закроет дверь прямо перед нашими носами, и нам придётся изучать русскую классику на холодном полу в коридоре.

Пятый урок — литература — прошёл для меня в каком-то мутном, вязком полузабытьи. Учительница размеренным, усыпляющим голосом разбирала чеховскую драматургию, строчила мелом на доске цитаты и выводила фамилии персонажей, а я тупо смотрела в раскрытую тетрадь и не могла связать двух мыслей.

В голове был сплошной клубок противоречий.

С одной стороны — Алексей Михайлович. Его потемневший, застывший взгляд на уроке истории, то, как он напрягся у стола, увидев Дёмина рядом со мной, и та холодная, вы-

матывающая дуэль у доски, которую мы вели на глазах у всего класса. Я сама выбрала эту маску отстранённости, сама решила держаться сухо и безупречно, как он того и требовал в машине. Но от этого «правильного» решения внутри оставалась лишь глухая, ноющая пустота.

С другой стороны — внезапное перемирие с Дёминым. Это было непривычно до странности. Мы столько лет существовали в режиме взаимной войны, что нормальное человеческое общение с ним казалось чем-то неестественным, требующим постоянного контроля. Я всё время ждала подвоха.

К концу урока голова гудела так, что мысль о физкультуре показалась настоящим спасением. Физическая нагрузка всегда помогала выбить из головы лишний мусор: когда тело работает на пределе, мозгу просто некогда гонять по кругу дурацкие переживания.

Шестым уроком стояла физкультура.

Мы с девчонками спустились в цокольный этаж и забились в тесную, пропахшую дезодорантами женскую раздевалку. Быстро переоделись: плотные чёрные легинсы, простая серая футболка, кроссовки. Я стянула волосы в тугой хвост на затылке, чтобы не мешали, и первой вышла в спортзал.

Там стоял привычный рабочий шум: гулкий скрип подошв по лакированному дощатому полу, эхо ударов мячей о щиты и эхо голосов под высокими потолками.

— В две шеренги стройся! — разнёсся над залом команд-

ный бас Пал Палыча.

Наш бессменный физрук — коренастый, широкоплечий мужчина с вечным секундомером на шее — резко дунул в свисток, заставляя всех вздрогнуть.

Класс потянулся к центральной белой линии. Девчонки выстроились в одну шеренгу, парни — напротив, в другую. Мальчишки толкались, ржали и перекидывали друг другу баскетбольный мяч. Артём стоял почти по центру строя — в тёмной майке без рукавов, открывавшей широкие плечи и темнеющую татуировку. Он выглядел расслабленным, лениво крутил на пальце волейбольный мяч. Когда наши взгляды на секунду пересеклись, он лишь слегка приподнял бровь, словно оценивая мою готовность к уроку. Я ответила ему абсолютно невозмутимым, холодным взглядом и тут же отвернулась к окну.

— Равняйсь! Смирно! — рявкнул Пал Палыч, зашагав вдоль строя, заложив руки за спину. — Вольно. Слушаем сюда внимательно, дважды повторять не стану. На носу районная спартакиада. Сразу после Дня учителя, через две недели, стартуют официальные межшкольные соревнования по волейболу.

По залу прокатился оживлённый гул. Парни переглянулись с азартом, девчонки, наоборот, недовольно заворчали.

— Тихо мне! — пресёк возмущения физрук, зыркнув из-под кустистых седеющих бровей. — Играют раздельно: сетка для парней, сетка для девушек. Победители района выходят

на город, так что позориться перед комиссией я никому не позволю! С парнями разговор отдельный, Дёмин там за капитана, а по женской сборной объявляю боевой состав прямо сейчас.

Пал Палыч достал из кармана олимпийки мятый блокнот и начал зачитывать фамилии:

— Пасующая — Петрова. Блокирующие на передней линии — Лукьянова и Резвова. На подачу и страховку в заднюю линию берём Смирнову, Ковалёву и Васильеву. Это ваш костяк. Тренировки начинаются со вторника, трижды в неделю, строго после уроков. Если кто-то вздумает симулировать или отмазываться подготовкой к экзаменам — лично поставлю неаттестацию за четверть. Будем делать из вас нормальную команду, а не стадо перепуганных ланей!

Лена рядом со мной шумно, со свистом выдохнула сквозь зубы и толкнула меня локтем:

— Ну всё, прощай, свободное время… Мы же пальцы себе повыбиваем на этих блоках! Пал Палыч нас загоняет насмерть.

— Нормально всё будет, — сухо отозвалась Оля, даже бровью не поведя. — Зато форму наберём.

Я же в этот момент почувствовала странную, острую волну облегчения. В голове моментально сложился расклад: тренировки после уроков. Три раза в неделю. До самого вечера, в этом спортзале.

Это было идеальным выходом. Железобетонным оправда-

нием, против которого даже директриса Наталья Егоровна не сможет ничего возразить. У меня появлялась официальная, законная причина не оставаться в кабинете истории, не рисовать очередные плакаты наедине с Алексеем Михайловичем и не дёргаться от каждого его взгляда или неловкой паузы в лаборантской. Никаких объяснений. Спортзал, свисток, мяч и чистая физическая усталость.

— Напра-во! — скомандовал физрук. — Бегом марш по кругу! Дистанция два шага!

Мы сорвались с места, мерно застучав кроссовками по доскам. Волосы в хвосте ритмично хлестали по шее, прохладный воздух зала приятно остужал горящее лицо.

Парней пустили по внутреннему радиусу в противоположную сторону. На втором круге наши шеренги начали расходиться вдоль боковых линий — мальчишек перевели на приставной шаг и растяжку возле центральной сетки.

Когда я пробегала мимо, Дёмин как раз делал глубокий выпад в сторону, опираясь руками на колено. Он поднял голову и проводил меня насмешливым, цепким взглядом.

— Блокирующая, значит, Резвова? — негромко бросил он сквозь общий топот, кривя губы в своей привычной язвительной манере. — Ты смотри, пальцы свои художественные не повреди. А то прилетит с подачи от девиц из тринадцатой школы — улетишь вместе с мячом за трибуны. Кто потом в классе умничать будет?

Я даже не сбила дыхание. Лишь скользнула по нему ко-

ротким, холодным взглядом, слегка приподняв подбородок, и бросила через плечо:

— За свои колени переживай, Дёмин. Тебе ещё на пересдачи к историку ползать, когда из первого круга вылетите.

Артём хмыкнул, явно оценив выпад, но ничего ответить не успел — строгий окрик Пал Палыча заставил его вернуться к упражнениям. Я побежала дальше, сосредоточившись исключительно на ровном ритме шагов и стараясь не думать ни о его насмешках, ни о том, что эта неделя обещала быть куда сложнее, чем я рассчитывала.

На четвёртом круге тяжёлая двустворчатая дверь спортзала со скрипом отворилась, впуская внутрь прохладный сквозняк из коридора.

Я машинально скосила глаза на вход, перепрыгивая через белую разметку, и дыхание сбилось само собой. На пороге стоял Алексей Михайлович.

Он сменил строгую рубашку на простую темно-серую футболку и спортивные штаны, и в этом виде выглядел совершенно иначе — шире в плечах, моложе и куда более собранным физически, чем за учительским столом. На запястье болтался спортивный браслет, а в руках он держал какую-то папку.

Эффект от его появления был мгновенным. Бежавшие передо мной Смирнова и Ковалёва тут же подобрались, расправили плечи, а их шаги стали подозрительно плавными и лёгкими. Даже дыхание у девчонок, казалось, перестало быть

хриплым.

— Опаньки, — пропыхтела Лена мне в ухо, поравнявшись со мной. — Гляди, как наши лани копытцами зацокали. Смирнова аж грудь колесом выкатила, сейчас лопнет от усердия. Историк-то наш, оказывается, в отличной форме.

— Смотри под ноги, Лукьянова, — буркнула я, упрямо глядя прямо перед собой и наотрез отказываясь смотреть в сторону дверей.

Только этого мне не хватало. Я надеялась укрыться в спортзале от всех сложных мыслей, а источник этих мыслей явился сюда собственной персоной.

— Шагом! — прозвучал резкий свисток Пал Палыча. — Восстанавливаем дыхание! Руки через стороны — вдох, наклон — выдох! Парни, бегом за сеткой и стойками, живо! Девчата, мячи из корзины достаём.

Зал засуетился. Мальчишки побежали в подсобку, громыхая металлическими опорами, а Алексей Михайлович тем временем подошёл к Пал Палычу. Они пожали друг другу руки с уважительным мужским кивком.

Когда центральная сетка была туго натянута и закреплена, физрук снова дунул в свисток, подзывая всех к центру площадки:

— Слушаем вводную! По календарю соревнований у нас накладка вышла: районный комитет поставил игры парней и девушек на один и тот же день и в одно время. Девушки играют в спорткомплексе «Юность», парни — в манеже тре-

тьей гимназии. Разорваться я при всём желании не смогу, клонирование у нас в стране пока не освоили. Поэтому команду парней на турнир везу я сам. А вот руководителем и тренером женской сборной назначен Алексей Михайлович.

По шеренге девчонок прокатился дружный, восторженный вздох. Лена округлила глаза и выразительно пихнула меня бедром. Я же застыла на месте, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Тренер. Наш тренер. Мой план сбежать от него на тренировках рухнул, даже не начавшись.

— Да вы не вздыхайте так радостно, — усмехнулся Пал Палыч, скрестив руки на груди. — Алексей Михайлович с вами церемониться не станет. Он в свои студенческие годы за сборную университета играл, на первенстве области выступал, так что волейбол знает от и до, побольше некоторых дипломированных специалистов. Гонять вас будет по полной программе. Алексей Михайлович, скажешь пару слов подопечным?

Историк сделал шаг вперёд. Его взгляд скользнул по строю девчонок — спокойный, уверенный, оценивающий. На мне он задержался ровно на долю секунды, но этого хватило, чтобы по спине пробежали мурашки: в его серо-голубых глазах снова появилась та самая закрытая, нечитаемая глубина.

— Времени у нас мало, — заговорил он ровным, глубоким голосом. — Технику ставить с нуля не будем, займёмся сыгранностью, правильной расстановкой и приёмом. На

площадке не должно быть суеты и паники. Мяч падает только тогда, когда вы сами позволяете ему упасть. Сегодня посмотрим, на что вы способны в базовой игре.

— Отлично! — хлопнул в ладоши Пал Палыч. — Не будем тянуть кота за хвост. Проверим основной состав. Девочки на этой половине, парней ставим напротив. Тренировочный сет до двадцати пяти очков. По позициям!

Мы разошлись по площадке. Оля встала на распасовку у сетки, Лена заняла место на передней линии слева, я — справа на блоке. Напротив нас выстроились парни: Дёмин у сетки по центру, Серёга на подаче, остальные рассредоточились сзади. Артём покрутил плечами, бросил на меня насмешливый взгляд через ячейки сетки и крикнул:

— Ну что, девчонки, поддаваться не просите, мы сегодня без жалости!

— Себе жалость оставь, Дёмин, — хладнокровно отозвалась Оля со связки.

Игра началась.

Глава 14

К удивлению мальчишек, лёгкой прогулки у них не вышло. Парни играли мощно, но слишком разрозненно — каждый пытался показать себя, тянул одеяло на себя и лупил со всей силы, надеясь на эффектный удар. А вот у нас неожиданно сработала тактика. Оля раздавала передачи филигранно, точно под руку. Мы с Леной дважды намертво закрыли атаку Дёмина блоком — мяч звонко отскакивал от наших выставленных рук обратно под ноги опешившим парням. Смирнова и Васильева на задней линии буквально стелились по паркету, вытаскивая сложнейшие мячи.

Счёт на табло быстро рос в нашу пользу: 18:14, затем 21:17.

— Да вы издеваетесь! — рявкнул Пал Палыч, глядя, как Серёга в очередной раз запустил мяч в глубокий аут. — Дёмин, что за бардак на приёме?! Где страховка?! Вас девчонки в сухую раскатывают, позорище!

Физрук нервно сплюнул на пол, повернулся к Алексею, который стоял у судейской вышки и внимательно делал какие-то пометки в блокноте:

— Алексей Михайлович, спасай положение. Смени Серёгу на передней линии, а то они сейчас окончательно развалятся. Покажи этим оболтусам, как блок ставится и как мяч доигровщику доводится. Вспомни молодость.

Историк поднял брови, явно не планировавший влезать в игру, но Пал Палыч уже махал рукой:

— Давай, давай, не ломайся! Серый, вон с площадки, на лавку!

Алексей отложил блокнот на судейский стол, стянул с руки часы и вышел на площадку парней, заняв позицию в четвертой зоне — прямо напротив меня по диагонали.

Воздух в зале мгновенно сгустился. С его выходом игра парней преобразилась за две минуты. Алексей двигался легко, пружинисто, без лишней суеты. Он одним коротким окриком перестроил их защиту, а в следующей же атаке идеально принял сложную подачу Оли и сам мягко, с ювелирной точностью скинул мяч в пустой угол нашей площадки.

Разрыв начал стремительно таять: 22:21, 23:23, 24:24. Наступил решающий мяч — больше-меньше.

На подачу у парней пошёл Дёмин. Он сильно подбросил мяч и вколотил его по диагонали. Мяч с глухим ударом врезался в руки Васильевой на задней линии, взмыл под самый потолок, срезаясь к сетке.

— Мой! — крикнула Оля, выходя под мяч.

Я уже разбегалась по правому краю для завершающего удара. Сердце колотилось как бешеное, в ушах стоял гул от напряжения. Прямо передо мной, по ту сторону белой капроновой ленты, на блок выходил Алексей Михайлович. Высокий, сосредоточенный, с абсолютно непроницаемым лицом.

Оля мягко вытолкнула мяч на меня — чуть ближе к сетке, чем следовало.

Я толкнулась обеими ногами от лакированных досок, взлетая в воздух. Рука пошла на замах. В ту же секунду с противоположной стороны над сеткой выросла стена — Алексей выпрыгнул мощно, с идеальным зависанием, перекрывая мне всю диагональ широкими ладонями.

Мы встретились глаза в глаза в высшей точке прыжка. В его взгляде не было снисхождения — только азарт, ледяная собранность и что-то ещё, от чего у меня перехватило дух.

Я ударила по мячу, пытаясь обвести его блок по линии. Мяч задел кончики его пальцев, замедлился и упал прямо на белую ленту сетки, заплясав на ней.

И я, и он потянулись за ним в отчаянной попытке протолкнуть на чужую сторону.

Наши руки соприкоснулись над тросом. Инерция прыжка не оставила шансов: сетка натянулась, затрещала. Мы оба потеряли равновесие при приземлении. Алексей перевалился грудью через трос, пытаясь удержаться, а я неловко подвернула стопу на чужой половине разметки.

Удар плеча о плечо получился глухим и тяжёлым. Я вскрикнула, запутавшись ногами в провисшей сетке, и со всего маху рухнула спиной на жесткий лакированный пол. Дыхание из лёгких выбило начисто. Боль в щиколотке отозвалась острой, пульсирующей волной, а из легких от падения вышибло весь воздух. Я зажмурилась, судорожно пыта-

ясь вдохнуть.

— Женя!

Голос прозвучал совсем рядом, испуганный и глухой. Прежде чем я успела открыть глаза, сильные горячие руки уже подхватили меня за плечи, помогая приподняться и высвобождая ноги из натянувшейся капроновой сетки. Алексей Михайлович опустился на колени прямо на дощатый пол рядом со мной. На его лице не осталось и следа той ледяной маски, которую он носил всю последнюю неделю, — только неподдельный, темный испуг и побелевшие от напряжения губы. Его пальцы судорожно коснулись моего плеча:

— Жива? Дыши. Где болит? Спина? Нога?

— Всё… нормально, — хрипло выдавила я, пытаясь отодвинуться от него хотя бы на сантиметр, потому что в спортзале мы были не одни, и эта его неприкрытая, паническая забота была слишком опасной. — Просто дыхание сбило.

В следующую секунду вокруг нас уже образовалась плотная толпа.

— Женька! — Лена плюхнулась на колени с другой стороны, хватая меня за руку. — Ты как?! Ударилась сильно?

Оля опустилась рядом, ее проницательные глаза мгновенно зафиксировали, как близко сидел историк и как напряженно он сжимал пальцы, уже убрав руку от моего плеча.

— Резвова, ты чего разлеглась? Паркет холодный, — раздался резкий, чуть насмешливый голос сверху.

Артём протиснулся сквозь спины одноклассников, ото-

двинув в сторону Серёгу. Он стоял, уперев руки в бока, но в его прищуренных глазах вместо привычной язвительности мелькнуло нешуточное беспокойство. Он скользнул взглядом по Алексею Михайловичу, затем посмотрел на мою подогнутую ногу:

— Встать можешь?

— Конечно могу, — огрызнулась я, упрямо закусив губу и делая попытку опереться на руки. — Я же сказала: всё в порядке. Не надо устраивать из этого трагедию века. Мяч-то чей в итоге?

— Да к черту твой мяч, Резвова, — раздраженно бросил Дёмин. Он шагнул вперед, практически оттесняя историка, наклонился и бесцеремонно подхватил меня под локоть, заставляя подняться.

Я оперлась на здоровую ногу, но стоило слегка наступить на правую стопу, как в щиколотку словно иголку воткнули. Я невольно зашипела сквозь зубы и качнулась в сторону. Артём среагировал мгновенно — перехватил меня за талию, намертво прижимая к своему боку и принимая весь мой вес на себя.

Алексей Михайлович резко поднялся с пола. Его челюсть снова окаменела, а взгляд, устремленный на руку Дёмина на моей талии, стал тяжелым, как свинец.

— Евгения, не наступайте на ногу, — сухо и подчеркнуто официально произнес учитель, хотя в голосе всё еще звенело остаточное напряжение. — Нужно приложить холод.

— В медкабинет ее надо, — безапелляционно перебил его Артём, даже не глядя на историка. — Чего тут стоять гадать на кофейной гуще. Она сейчас на одной ноге до раздевалки доскачет, а к вечеру стопа в кроссовок не влезет.

— Дёмин прав, — подоспел Пал Палыч, нахмурившись и оглядывая мою ногу. — Никаких геройств, Резвова. Артём, бери ее под белы рученьки и марш на первый этаж к Нине Васильевне. Пусть посмотрит связки. Заодно куртки ваши из раздевалки захватите, урок всё равно через пять минут заканчивается.

— Я сама могу дойти! — запротестовала я, чувствуя, как от всеобщего внимания и тяжелого взгляда Алексея Михайловича начинают пылать щеки.

— Сама она дойдет, ага, циркачка без страховки, — фыркнул Артём. Он крепче перехватил меня за плечо, практически отрывая от пола. — Пошли, говорю. Не позорься.

Лена хотела было пойти с нами, но Оля незаметно придержала ее за локоть, покачав головой. Я бросила короткий, беспомощный взгляд назад: Алексей Михайлович стоял у сетки, сжимая в руке волейбольный мяч так сильно, что побелели костяшки пальцев. Он смотрел нам вслед, и в его серо-голубых глазах бушевала глухая, бессильная ярость человека, связанного по рукам и ногам собственными правилами.

Мы вышли в гулкий полутемный коридор. Без поддержки Дёмина я бы точно далеко не ушла — щиколотка противно пульсировала при каждом шаге.

— Да отпусти ты меня хоть немного, я же не хрустальная, — проворчала я, ковыляя рядом с ним.

— Была бы хрустальная — уже бы склеивали по кускам, — не остался в долгу Артём. — Ты вообще соображаешь, куда лезешь? На мужика в два раза тяжелее себя на сетке прыгать. Ты бы еще под поезд бросилась с криком «мой мяч».

— Это был игровой момент! — огрызнулась я, морщась от очередного неловкого шага. — И вообще, историк отлично играет, если бы не дурацкое приземление, мы бы взяли это очко.

— Историк твой головой думать должен, а не на школьниц в воздухе заваливаться, — зло процедил сквозь зубы Дёмин, и в его голосе проскользнули странные, ревнивые нотки, от которых я на секунду замолчала.

Он покосился на меня, вздохнул и сбавил тон, возвращая привычную насмешливую интонацию:

— Короче, Резвова. Уговор такой. Если ты сейчас не будешь устраивать цирк у медсестры, не станешь падать в обморок от запаха нашатыря и дашь нормально забинтовать свою конечность — я так и быть, спасу тебя от голодной смерти. За углом открылась новая кофейня. Куплю тебе кофе. И круассан. Тот самый, миндальный, от которого у тебя обычно глаза на лоб лезут от счастья.

Я не сдержала слабой улыбки, несмотря на ноющую боль в ноге:

— Подкупаешь меня выпечкой, Дёмин? Думаешь, я так

дешево продаюсь?

— Я инвестирую в твое молчание, чтобы ты не ныла всю дорогу, — парировал он, аккуратно придерживая дверь медкабинета. — Заходи давай, героиня спорта.

Нина Васильевна, школьная медсестра с сорокалетним стажем, встретила нас запахом спирта и легким ворчанием. Она усадила меня на высокую кушетку, стянула кед и носок и принялась методично ощупывать горячую, слегка припухшую щиколотку. Я несколько раз болезненно ойкнула, вцепившись пальцами в край клеенки. Артём всё это время стоял у окна, скрестив руки на груди, и внимательно следил за каждым движением врачебных пальцев.

— Перелома нет, кости целы, — вынесла вердикт медсестра, доставая из шкафчика эластичный бинт и охлаждающую мазь. — Обычный ушиб мягких тканей и легкое растяжение связок. До свадьбы заживет, Резвова. Но прыгать на уроках запрещаю на две недели. Сейчас наложу тугую повязку. Дома — покой, холод на двадцать минут и мазь дважды в день.

Она ловко зафиксировала мою стопу бинтом, натянула обратно носок и махнула рукой:

— Всё, свободна. Дёмин, доведешь ее до дома?

— Куда я денусь с подводной лодки, — хмыкнул Артём, забирая со стула мой рюкзак и свою куртку. — Пошли, инвалид труда.

— Я сама могу идти, бинт держит, — попыталась я отстоять независимость, осторожно наступая на ногу. Было боль-

но, но вполне терпимо.

— Даже не начинай, — Артём снова подставил мне свое плечо, не оставляя выбора.

Мы вышли из школы через боковой выход, минуя центральное крыльцо. На улице стоял свежий, пахнущий сыростью и прелыми листьями сентябрьский вечер. Солнце уже садилось, окрашивая верхушки деревьев в багровые тона.

Артём уверенно повел меня не в сторону моего двора, а чуть левее — к небольшой уютной кофейне с большими панорамными окнами и гирляндами теплого света. Внутри пахло корицей, свежемолотой арабикой и ванилью.

Он усадил меня за круглый деревянный столик у самого окна, сгрузил наши вещи на соседний стул и коротко бросил:

— Сиди. Я сейчас.

Через пять минут он вернулся с большим картонным стаканчиком капучино с плотной пенкой, посыпанной корицей, и огромным, еще теплым миндальным круассаном на бумажной тарелке. Сам он взял себе простой черный американо.

— Держи, — он пододвинул кофе ко мне. — Заслужила за мужество перед лицом Нины Васильевны.

— Спасибо, — тихо сказала я, беря горячий стакан обеими ладонями. Тепло приятно согревало пальцы, а сладкий аромат миндаля мгновенно вытеснил из головы больничный спирт и душный школьный спортзал. Я отломила хрустящий кусочек выпечки. — Ты, оказывается, держишь слово, Дёмин. Это даже пугает.

Артём сел напротив, откинувшись на спинку кресла. Он сделал глоток горького кофе, не отрывая от меня цепкого, внимательного взгляда. В теплом свете кофейни его резкие черты лица казались мягче, а шрам над губой больше не выглядел угрожающим.

— Я всегда держу слово, Резвова. Просто раньше у меня не было повода тебе его давать, — спокойно ответил он, и в этой простой фразе не было ни капли сарказма.

Я опустила глаза на свой кофе, чувствуя, как внутри снова поднимается то самое странное, теплое чувство, которое я так отчаянно пыталась заглушить весь сегодняшний день.

Допив кофе до половины, мы вышли из кофейни. Осенний вечер уже начал накрывать город: фонари вдоль главной аллеи парка зажглись мягким янтарным светом, а воздух стал терпким, прозрачным и холодным.

Я прихрамывала, стараясь наступать на пятку забинтованной ноги, но каждый шаг всё равно отдавался тупой пульсацией в щиколотке.

— Так, инвалидная команда, сбавляем обороты, — фыркнул Артём, придерживая меня за локоть и замедляя шаг под мой темп. — Ты ковыляешь так, будто у тебя вместо ноги бревно. Того и гляди, носом в гравий клюнешь.

— Очень смешно, Дёмин. Мог бы проявить хоть каплю уважения к пострадавшей на производстве, — проворчала я, кутаясь в серый пиджак и грея пальцы о теплый бок стакана.

— Уважение надо заслужить, Резвова, — хмыкнул он, но

руку с моего локтя не убрал, аккуратно ведя меня по неровному асфальту. — Вон, гляди, лавка пустая. Садись давай, сделаем привал, а то ты до своего подъезда доскачешь только к первому уроку завтрашнего дня.

Скамейка стояла в глубине аллеи, усыпанная сухими кленовыми листьями, в стороне от редких прохожих. Я с облегчением опустилась на деревянные рейки, вытянув ногу вперед. Боль сразу немного утихла.

Артём поставил свой стаканчик рядом, достал из кармана куртки пачку сигарет и щелкнул зажигалкой. Огонек на секунду выхватил его лицо — резкие скулы, темные ресницы и внимательный, цепкий взгляд.

— Угостишь? — спросила я, кивнув на пачку. — Мои на дне рюкзака, лень доставать.

Он смерил меня насмешливым прищуром, но протянул сигарету. Прикурил мне, прикрывая пламя широкой теплой ладонью от налетевшего порыва ветра. Его пальцы на мгновение коснулись моих — сухие, горячие, чуть шершавые.

Мы затянулись одновременно. Тонкая струйка серого дыма взмыла вверх, смешиваясь с паром от горячего кофе и растворяясь в холодном воздухе. Какое-то время мы сидели в тишине. Только шуршали падающие листья да где-то далеко шумели машины на проспекте.

Я поймала себя на том, что исподлобья разглядываю его. Сидит рядом, в полуметре, не язвит, не пытается выбить из-под меня скамейку, поит кофе.

Артём повернул голову и перехватил мой взгляд. На его губах появилась ленивая полуулыбка, но в глазах не было привычной издевки.

— Ты до сих пор сидишь и ждешь подвоха, да? — негромко спросил он, стряхивая пепел. — Думаешь, я сейчас какую-нибудь гадость выкину?

— А почему я не должна этого ждать? — парировала я, выпустив дым в сторону темных деревьев. — Ты одиннадцать лет усердно тренировал во мне этот рефлекс. Любое твое появление рядом всегда означало проблемы. А тут вдруг — забота, бинты, кофе… Это выглядит подозрительно, Дёмин. Очень.

Артём тихо усмехнулся, глядя на тлеющий огонек своей сигареты. На пару секунд повисла пауза, и когда он заговорил снова, его голос звучал совсем иначе — глуше, ниже, без напускной бравады.

— Да нет тут никакого подвоха, Жень. Просто… надоело быть для тебя ходячей катастрофой.

Я замерла, удивленно скосив на него глаза. Он впервые назвал меня просто по имени — не «Резвова», не «художница».

— Знаешь, в чем твоя главная проблема была все эти годы? — он повернулся ко мне, оперевшись локтем о спинку скамейки. — Ты ходила по школе так, будто вокруг никого не существует. Всегда сама по себе или со своими безумными подружками . В наушниках, в своих мыслях, с этим своим

непроницаемым лицом. Смотришь сквозь людей — и сквозь меня тоже. Будто я пустое место на задней парте. Стенка, мимо которой ты просто проходишь каждый день.

— И поэтому нужно было постоянно устраивать мне скандалы? — тихо спросила я, чувствуя, как внутри натягивается какая-то тонкая, опасная нить.

— А как еще? — он горько усмехнулся, глядя мне прямо в глаза. — По-человечески подойти? Заговорить? Ты бы отшила меня на второй секунде своим фирменным холодным взглядом, и я бы остался дураком. А когда я тебя цеплял… когда хамил, спорил, доводил до белого каления — ты хотя бы смотрела на меня. Злилась, глазами сверкала, огрызалась в ответ. Но смотрела. По-настоящему.

Артём затушил окурок о край урны, шумно выдохнул остатки дыма и подался чуть ближе. Расстояние между нами сократилось так, что я отчетливо почувствовала запах его парфюма — горьковатый можжевельник, табак и сухое тепло.

— Мне просто до одури нужно было, чтобы ты меня замечала, — произнес он, и в его голосе прозвучало что-то настолько искреннее и обнаженное, что у меня перехватило дыхание. — Не как очередного идиота из параллели, а отдельно. Пусть со злостью, пусть с ненавистью — плевать. Главное, чтобы ты не проходила мимо. Глупо, знаю. По-детски. Но как вышло, так вышло.

В воздухе повисла плотная, звенящая тишина.

Я смотрела на него и не знала, что ответить. Вся моя выстроенная за годы броня, весь мой сарказм рассыпались в пыль перед этим простым признанием. Оказывается, за всеми его ядовитыми выпадами стояло не желание унизить, а отчаянная, корявая попытка пробиться сквозь мою холодность.

— Ты сумасшедший, Дёмин, — наконец выдохнула я, но в моем голосе не было осуждения. Скорее, растерянность.

— Есть немного, — он криво улыбнулся уголком рта.

Артём протянул руку и аккуратно, едва касаясь подушечками пальцев, поправил воротник моего пиджака, защищая шею от налетевшего сквозняка. Его пальцы задержались у моей ключицы на секунду дольше, чем требовалось, и по коже прокатилась внезапная горячая волна мурашек.

— Но согласись, — добавил он, и в его голос снова вернулись лукавые нотки, — если бы я вел себя как пай-мальчик, мы бы сейчас здесь не сидели.

— Если бы ты вел себя нормально, у меня бы сейчас не болела нога, — попыталась я вернуть привычный тон, пряча смущение за стаканчиком кофе.

— Зато у тебя есть бесплатный кофе и персональный телохранитель, — парировал Артём, поднимаясь со скамейки и протягивая мне раскрытую ладонь. — Пошли, Резвова. А то твоя мама решит, что я тебя похитил, и вызовет наряд.

Я посмотрела на его протянутую руку, заколебалась ровно на секунду, а затем уверенно вложила свои пальцы в его

ладонь. Он крепко сжал мою руку, помогая подняться, и я снова оперлась на его плечо, чувствуя, как между нами медленно, но бесповоротно стираются последние границы старой вражды.

До моего подъезда мы дошли не спеша. Артём так и держал меня за руку, не отпуская даже тогда, когда мы вышли из парка на освещенный проспект, а возле железной двери мягко придержал за плечо, пока я искала в кармане магнитный ключ.

— Завтра до школы доковыляешь или заехать за тобой? — спросил он, сунув руки в карманы и глядя на меня сверху вниз с привычной полуулыбкой, в которой теперь больше не было яда.

— Сама дойду, Дёмин, не начинай, — я приложила ключ к домофону, и дверь отозвалась писком. — К утру всё пройдет.

— Ну-ну. Посмотрим на твой парадный шаг. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Я поднялась на лифте на свой этаж, стараясь как можно меньше нагружать правую стопу. Но стоило переступить порог квартиры и стянуть кеды, как из кухни выглянула мама — уже в пальто, с сумкой на плече. Она как раз собиралась на ночное дежурство.

Ее взгляд моментально упал на мою ногу, плотно стянутую эластичным бинтом.

— Женя! Это что такое? — мама в два шага оказалась рядом, опустилась на корточки и осторожно коснулась пальцами повязки. — Ты почему хромаешь? Что в школе произошло?

— Мам, не паникуй, всё нормально, — я поспешила ее успокоить, опираясь рукой о стену. — На физкультуре волейбольный мяч неудачно приняла на блоке, приземлилась криво. Нина Васильевна осмотрела, сказала — просто легкое растяжение и ушиб. Ничего не сломано, связки целы. Пару дней покоя и мазь.

Мама тяжело вздохнула, покачав головой, но профессиональным взглядом медика быстро оценила, что гипс действительно не нужен.

— Горе ты мое луковое… С этими вашими спортивными рекордами одни травмы. Мазь в аптечке на второй полке, эластичный бинт на ночь не затягивай слишком туго. Я побежала, смена через двадцать минут. В холодильнике суп, разогреешь. Если нога разболится — сразу звони мне на рабочий.

Она торопливо чмокнула меня в лоб и выскользнула за дверь.

В квартире повисла тишина, нарушаемая только тиканьем настенных часов. Я доковыляла до гостиной, рухнула на диван и первым делом достала телефон. Нога действительно ныла, но куда сильнее зудело внутри — от событий сегодняшнего дня, от признания Артёма в парке и от того, как

всё стремительно переворачивалось с ног на голову. Сидеть одной в четырех стенах было выше моих сил.

Я открыла общий чат.

Я: «Мама ушла в ночь. Я дома одна, хромая и почти недееспособная. Спасайте».

Ответ от Лены прилетел мгновенно:

Лена:«Мы с Олей как раз у нее во дворе торчим! Через пятнадцать минут будем. Никуда не уползай!»

Девчонки появились ровно через двадцать минут. Лена влетела в квартиру первой, победоносно потрясая темным шуршащим пакетом, из которого донеслось характерное стеклянное позвякивание.

— Мы взяли вишневое и нефильтрованное! — объявила она, сбрасывая кеды прямо у порога. — А еще я уже оформила доставку двух больших пицц: пепперони и с ветчиной и грибами. Курьер обещал быть с минуты на минуту!

Оля вошла следом — спокойная, собранная, с коробкой любимого шоколадного печенья под мышкой. Она окинула придирчивым взглядом мою забинтованную щиколотку, хмыкнула:

— Жить будешь. Но Дёмин тебя на руках тащил так, будто ты при смерти. Полшколы на ушах стояло.

— Никто меня не тащил, я сама шла, — проворчала я, ковыляя обратно к дивану.

Вскоре приехал курьер.

Горячие коробки перекочевали на журнальный столик,

наполнив комнату сумасшедшим запахом расплавленного сыра, чесночного соуса и запеченного теста. Мы устроились прямо на ковре и диване: я вытянула пострадавшую ногу на мягкую подушку, Оля разлила холодное пиво по высоким бокалам, а Лена закинула ноги на подлокотник, жадно впиваясь в кусок острой пепперони.

Первые десять минут прошли под мерное жевание и редкие междометия. Но стоило первому голоду отступить, как Лена отставила бокал, подобралась и уставилась на меня в упор:

— Так. Про Дёмина и его кексы мы еще поговорим отдельно — ты мне зубы не заговаривай. Но сейчас выкладывай главное. Что с историком?

Я замерла со стаканом в руке. Рубиновое вишневое пиво слабо колыхнулось.

-- А что с ним?

— Не строй из себя дурочку, Резвова, — вмешалась Оля, отламывая корочку пиццы. — Ты после пятницы ходишь как в воду опущенная. На уроке сегодня вы устроили показуху какую-то. А на физкультуре он кинулся к тебе на паркет с таким лицом, будто у него сердце остановилось. Что между вами произошло?

Я сделала глоток, чувствуя, как кисло-сладкий алкоголь приятно обжигает горло, и вздохнула. Скрывать дальше не имело смысла.

— Он попросил всё забыть, — тихо сказала я, глядя в свой

бокал. — В пятницу, когда довез меня до дома. Сказал, что всё, что было — парк, караоке и так далее, — это глупая ошибка. Что мы должны вычеркнуть это и остаться строго учителем и ученицей. Что это единственная нормальная реальность.

— Чего?! — Лена аж подпрыгнула на диване, едва не опрокинув бутылку. — Ошибка?! После того что было?! Вот козел! Трус несчастный!

— Он поступил логично, Лен, — ровно заметила Оля, сделав глоток пива. — Мы с самого начала говорили, что для него это уголовка и конец карьеры. Он испугался последствий.

— Да плевать на карьеру, он хотя бы поговорить по-человечески мог?! — кипятилась Лена, ее щеки вспыхнули праведным гневом. — Сам номер брал, сам хвостом вилял, а как жареным запахло — сразу «забудь»?!

— Ну, по-факту, ничего же не было… у него, видимо, и без меня проблем хватает, — не удержалась я, горько усмехнувшись. — Особенно с учетом того, что у него вообще-то есть Диана.

В комнате повисла мгновенная, глухая тишина. Лена медленно перевела взгляд с меня на Олю, которая вдруг напряглась и отвела глаза к окну.

— Кто? — переспросила Лена очень тихо и опасно. — Какая еще Диана?

Я прикусила губу, запоздало сообразив, что сболтнула

лишнее. Оля поставила свой бокал на стол, издав тяжелый вздох.

— Мы встретили его на прошлой неделе на стадионе, — неохотно пояснила Оля. — Помнишь, когда мы с Женькой на пробежку ходили в среду? К нам выбежал его пес, Лу. Мы пошли отдавать собаку хозяину, а он там тренировался. И с ним была девушка. Он представил ее как подругу, но… они выглядели очень близкими.

Лена сидела с приоткрытым ртом. Ее глаза стремительно округлялись, переполняясь смесью шока и острой обиды.

— Вы… вы встретили его с девушкой на стадионе? — голос Лены дрогнул. — В среду?! И вы обе мне ничего не сказали?!

— Лен, да там всё так быстро произошло… — попыталась я оправдаться, протягивая к ней руку.

— Заткнись, Женя!— Лена резко отшатнулась, вскочив с дивана. На ее глазах моментально выступили слезы — искренние, детские и очень горькие. — Вы серьезно?! Мы же договаривались, что между нами никаких секретов! Я вам про свои сопли с Пашей каждый шаг докладываю, душу наизнанку выворачиваю, а вы вдвоем узнали, что у историка есть девушка, и шушукались за моей спиной целых четыре дня?!

— Лена, перестань истерить, — строго осадила ее Оля, хотя в ее голосе тоже прозвучала неловкость. — Женя сама была не своя после той встречи. Ей нужно было переварить

это. Мы не хотели поднимать панику раньше времени.

— Да пошли вы! — вспыхнула блондинка, скрестив руки на груди и отвернувшись к балконной двери. — «Подруги», называется. Сидите тут, секретничаете, а я как дура бегаю, переживаю за нее, строю теории про их романтику… Предательницы. Обе.

Я посмотрела на ее вздрагивающие плечи. Зная импульсивный, взрывной характер Лены, я понимала, что она злится не из-за самого историка, а именно из-за того, что почувствовала себя лишней и исключенной из нашей тайны.

Я превозмогла ноющую боль в ноге, осторожно спустила пятку на пол и, прихрамывая, подошла к ней со спины. Положила руку ей на плечо.

— Ленка. Ну прости. Правда.

Она шмыгнула носом, не оборачиваясь:

— Отстань, Резвова. Иди к своей Оле секретничай.

— Лен, я клянусь, я просто была раздавлена в тот вечер, — мягко сказала я, заглядывая ей в лицо. — Мне казалось, что если я произнесу это вслух, то признаю, что меня просто обвели вокруг пальца. Он в караоке со мной заигрывал, встретиться звал, а сам всё лето с этой Дианой крутил. Мне было стыдно и паршиво. Я даже Оле запретила это обсуждать.

Лена скосила на меня мокрые зеленые глаза.

— Правда?..

— Правда, — я слабо улыбнулась. — Мы идиотки, что не

рассказали тебе сразу. Ты бы сразу назвала его козлом, и мне бы стало легче.

Оля подошла ближе, протягивая Лене свежий бокал с вишневым пивом и салфетку.

— Мир? — коротко спросила Оля. — Пицца остынет, а холодная она невкусная.

Лена всхлипнула, сердито вытерла нос тыльной стороной ладони, посмотрела на нас обеих и не удержалась — фыркнула:

— Ладно. Но вы обе мне по гроб жизни обязаны. И завтра на алгебре Оля решает мой вариант, поняла?

— Договорились, шантажистка, — усмехнулась Оля.

Лена забрала бокал, сделала большой глоток и плюхнулась обратно на ковер, подтаскивая к себе коробку с пиццей:

— А теперь садись, инвалидка, и выкладывай всё с самого начала. В мельчайших подробностях. Как она выглядела, во что была одета и что этот гад Рокотовский вообще нес в свое оправдание!

Мы вкратце пересказали Лене всё: и как Лу вылетел на стадион, и эффектную брюнетку Диану, которая вела себя так, будто владела всем миром вокруг Алексея, и то, как в кладовой он сбивчиво уверял, будто это просто прошлое лето без обязательств.

— Ну и мутный тип, — резюмировала Лена, запивая откровения вишневым пивом и показательно морща нос. — «Свободные отношения», «просто общались»… Знаем мы

эти мужские сказки. Короче, туда ему и дорога. Забудь и перекрестись.

— Я и забыла, — хмыкнула я, поправляя эластичный бинт на щиколотке. — У меня теперь другая головная боль нарисовалась.

— Это ты про нашего благородного рыцаря на черном коне? — прищурилась Оля, подперев подбородок ладонью. — Дёмин сегодня превзошел сам себя. Кексы в столовой, потом это спасение раненых с поля боя, личный эскорт до медкабинета… Жень, он же реально вокруг тебя кругами ходит. Что в парке-то было, пока вы кофе пили?

Я почувствовала, как к щекам снова подступает предательское тепло.

— Да ничего криминального. Он… признался, короче. Сказал, что все эти годы цеплял меня и устраивал скандалы только потому, что не знал, как иначе заставить меня на него посмотреть. Типа я ходила с лицом кирпичом и никого не замечала, а его от этого клинило.

Лена застыла с куском пиццы у самого рта, а Оля лишь медленно и многозначительно покачала головой:

— Обалдеть. Классика жанра из детского сада: дернуть за косичку, чтобы обратила внимание, только растянутая на одиннадцать лет. И ты ему поверила?

— Не знаю, — честно призналась я, глядя в свой бокал. — Но он говорил это так… без своей обычной спеси. По-настоящему.

Не успела Оля вставить свое коронное скептическое замечание, как телефон Лены, брошенный на ковре, настойчиво завибрировал. Раздалась целая череда коротких мелодичных звуков входящих сообщений.

Лена моментально оживилась. Она схватила трубку, вперилась в экран, и ее лицо преобразилось в ту же секунду: брови взлетели, глаза заблестели, а губы сами собой растянулись в глупой, мечтательной улыбке. Ее пальцы застрочили по клавиатуре с бешеной скоростью.

— Опа, — я толкнула Олю локтем. — А кто это там у нас только что трагически рыдал из-за расставания с Пашей?

— Не твое дело, Резвова, — пробормотала Лена, даже не поднимая головы и продолжая увлеченно строчить ответ с румянцем на щеках.

— Лен, кто пишет-то? — хмыкнула Оля. — Новый кавалер уже на горизонте?

— Никто! Секрет фирмы, — отмахнулась она, прижимая телефон к груди и загадочно хихикая. — Личная жизнь налаживается, не мешайте процессу! Давайте, идите проветритесь, а мне нужно сосредоточиться.

Мы с Олей переглянулись. Поняв, что сейчас из влюбленной конспираторши ничего не вытянуть, Оля поднялась с пола и выразительно кивнула мне в сторону балкона.

— Пойдем, покурим. А то тут воздух сейчас засахарится от чьих-то вздохов.

Я осторожно встала, опираясь на здоровую ногу, и похро-

мала за ней.

На застекленном балконе было зябко и свежо. Прохладный ночной воздух мгновенно остудил разгоряченное лицо. Оля приоткрыла створку окна, впуская шум засыпающего города и запах осенней сырости, достала пачку тонких сигарет и щелкнула зажигалкой. Мы прикурили, выпуская струйки дыма в темноту двора.

Я посмотрела на профиль подруги в бледном свете уличных фонарей — строгий, красивый, но какой-то непривычно уставший.

— Оль, — тихо позвала я, стряхивая пепел в баночку на подоконнике. — А у тебя дома как? С мамой всё по-прежнему?

Оля медленно выдохнула дым, глядя куда-то вдаль, поверх крыш соседних пятиэтажек. Ее плечи чуть заметно опустились.

— По-прежнему, — ее голос прозвучал глухо, без привычной брони. — Очередной «идеальный» отчим на горизонте. Мама опять носится с ним как с писаной торбой, заглядывает в рот, пытается казаться идеальной хозяюшкой. А я… я для нее просто напоминание о прошлых неудачах. Вчера опять устроила мне скандал на ровном месте: мол, я слишком холодно с ним поздоровалась, когда он пришел на ужин, и вообще «порчу ей женское счастье своим кислым видом».

— Оль… — я сочувственно коснулась ее плеча.

— Да ладно, я привыкла, — она резко дернула уголком губ, стараясь казаться невозмутимой, но я видела, как сильно сжаты ее пальцы на тонкой сигарете. — Просто скорей бы этот год закончился. Сдам экзамены, уеду учиться в Питер, сниму комнату и буду жить своей жизнью. Только бы продержаться до лета и не сорваться.

— Продержишься. Мы обе продержимся, — твердо сказала я, сжимая ее ладонь. — Ты же знаешь, если дома совсем ад будет — мой диван всегда в твоем распоряжении. Мама только рада будет.

— Знаю, Жень. Спасибо, — Оля слабо, но искренне улыбнулась, затушив окурок. — Ладно, хватит о грустном. Пойдем внутрь, а то ты со своей ногой на этом сквозняке окончательно закоченеешь.

Мы вернулись в теплую комнату. Лена уже отложила телефон, но всё еще сидела на ковре с блаженным видом, дожевывая последний кусок пиццы.

— Надышались? — весело спросила она. — А то у нас тут, между прочим, важное дело зависло. День учителя через две недели!

— Точно, — Оля опустилась на диван рядом со мной и достала из сумки толстый блокнот. — Нас с Ленкой Наталья Егоровна сегодня официально утвердила ведущими праздничного концерта. Сценарий — полный мрак, писала завуч по воспитательной работе, там половина стихов из интернета за двухтысячный год. Нужно всё переделывать, чтобы со

сцены не стыдно было рот открыть.

— А ты, Резвова, — радостно подхватила Лена, подползая ближе, — как пострадавшая на спортивном фронте и официально освобожденная от волейбола, теперь наш главный ресурс! С плакатом для конкурса ты уже, считай, разделалась — переделывать его после Дёмина никто не заставит, раз он признал вину. Так что будешь нашим режиссером и оформителем зала. Поможешь нам сценарий отредактировать и задник сцены оформить?

Я посмотрела на исписанные листы в руках Оли, на сияющую Лену, от которой исходила тонна энергии, и впервые за этот долгий сумасшедший день почувствовала, как внутри наконец воцаряется спокойствие. Нормальная школьная рутина, подруги, дурацкий сценарий. Никаких запретных чувств, никаких взрослых учителей со сложным прошлым.

— Куда я от вас денусь, — рассмеялась я, придвигая к себе блокнот и ручку. — Давайте ваш шедевр. Будем вычеркивать всю завучевскую графоманию.

Мы придвинули журнальный столик поближе к дивану. Оля торжественно раскрыла свой увесистый кожаный блокнот, исписанный мелким, аккуратным почерком, а Лена сгрузила сверху стопку распечатанных листов формата А4, щедро украшенных жирными пометками красным маркером.

— Ну, девчонки, держитесь, — вздохнула Лена, устраиваясь по-турецки на ковре и делая глоток пива. — Наша завуч

по воспитательной работе превзошла саму себя. Этот сценарий — просто концентрат испанского стыда. Если мы не перепишем хотя бы половину диалогов, одиннадцатый «Б» коллективно сгорит со стыда прямо на сцене.

— Давай по порядку, — Оля посветила экраном телефона на листы. — Открываем блок первый. Официально-торжественный. Здесь у нас по плану… боже мой, «Вальс поколений».

Я невольно прыснула, едва не подавившись пепперони.

— Что, прости? Какой вальс?

— Самый настоящий, — абсолютно серьёзно подтвердила Оля, хотя в её глазах плясали смешинки. — Наталья Егоровна лично настояла. Традиционный танец выпускников. Сначала одиннадцатый класс танцует между собой — ну, разбиваемся по парам, — а в середине композиции музыка меняется, и мы должны пригласить на танец учителей.

— О, я уже представляю это зрелище! — Лена восторженно замахала руками. — Представляете Дёмина, танцующего вальс? С его-то габаритами и сорок последним размером обуви? Он же партнерше все ноги отдавит в первые три секунды, а потом просто уронит её на колонки.

— Ну, учитывая ваши новые «дружеские отношения», Женька, у тебя есть все шансы стать этой счастливицей, — Оля тонко улыбнулась, бросив на меня красноречивый взгляд. — Твоя нога к празднику как раз заживёт, так что отмазаться не получится. Придётся вальсировать.

Я мысленно содрогнулась, представив, как Артём в костюме пытается делать плавные па в школьном актовом зале. Но тут же в голове вспыхнула другая, куда более опасная мысль. Если мы приглашаем учителей… Значит, кто-то пригласит Алексея Михайловича. И от этой мысли внутри неприятно, остро кольнуло.

— Ладно, с вальсом разберёмся, — поспешно перевела я тему, утыкаясь в сценарий. — Что дальше?

— Дальше — юмористический блок, — Лена ткнула пальцем в распечатку. — Сценки-пародии на школьную жизнь. Мы решили сделать три миниатюры. Первая — про наши многострадальные уроки химии, где Смирнова вечно пытается что-то взорвать. Вторая — про физику и Пал Палыча на физкультуре. Мы там задействуем Серёгу и ещё пару парней, будет забавно. А вот третью сценку завуч предлагала сделать про… историю.

Я замерла.

— Про историю? И как вы себе это представляете?

— Ну, изначально там был какой-то жуткий бред про Ивана Грозного, — поморщилась Оля. — Но мы перепишем это под мягкий, безобидный шарж. Никакой пошлости. Просто покажем, как тяжело приходится новому молодому учителю адаптироваться к нашему сумасшедшему классу. Главное — чтобы сам Рокотовский не обиделся. Хотя, судя по его самообладанию, он даже бровью не поведёт.

Я промолчала, вспоминая, как это «самообладание»

Алексея сегодня трещало по швам в спортзале.

— И наконец, финальный аккорд, — Лена заговорщически понизила голос и придвинулась вплотную к дивану. — Вишенка на этом завучевском торте. Финальная песня. Петь, естественно, доверили нашей «золотой связке» — то есть вам с Олей. Директриса сказала, что после твоего триумфа в прошлом году, вся школа должна услышать этот дуэт на официальном уровне.

— Петь я не против, — кивнула я, откидываясь на подушки. — Какая песня?

— Вот тут начинается самое интересное, — Оля выразительно посмотрела на меня поверх блокнота. — Наталья Егоровна решила проявить креатив. Она где-то узнала, что наш новый историк, Алексей Михайлович, в студенческие годы не только в волейбол играл, но и отлично владеет гитарой. И она… настоятельно предложила ему аккомпанировать вам. Живой звук, акустика, учитель и ученицы на одной сцене — «символ преемственности и духовного единения», как она выразилась.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног, а воздух в комнате внезапно стал горячим и липким. Мой бокал с пивом едва не выскользнул из пальцев.

— Что?.. — прошептала я, округлив глаза. — Он… играть на гитаре? Вместе с нами?

— Да! — Лена так искренне засияла, что мне стало тошно. — Представляешь, как это будет круто?! Он на гитаре,

вы с Олей поёте красивую лирическую песню, она играет на пианино, в зале темно, только софиты… Боже, все девчонки из младших классов просто утонут в слезах зависти! Рокотовский и гитара — это же комбо! Он и так у нас ходячий секс-символ школы, а тут ещё и романтичный музыкант.

Я перевела беспомощный взгляд на Олю. Та смотрела на меня очень серьёзно, без тени улыбки. Она прекрасно понимала, какой катастрофой для меня оборачивается эта затея. Я так усердно строила планы, как буду избегать Алексея на волейбольных тренировках, надеясь скрыться за сеткой и свистком Пал Палыча. А теперь судьба буквально запирала нас в одном творческом пространстве. Совместные репетиции. Часы один на один или втроём в пустом актовом зале. Музыка, гитарные аккорды, его голос, звучащий в унисон с моим…

Это было выше моих сил. Это рушило всю мою выстроенную защиту.

— Я не могу, — тихо, но твёрдо сказала я, качая головой. — Девочки, давайте выберем другой номер. Или пусть поёт кто-то другой. Смирнова, например, она тоже неплохо поёт.

— Исключено, Жень, — покачала головой Оля, вздыхая. — Наталья Егоровна лично подписала приказ по концертной программе. Твоя фамилия там стоит первой. Если ты сейчас откажешься, у неё возникнут вопросы

— Да ладно тебе, Женька! — Лена легонько толкнула меня в здоровое колено. — Это же просто песня! Всего три ми-

нуты позора на сцене — зато какой эффект! Да и Рокотовский, может, реально, круто играет. Сработаетесь. Вы же оба такие… творческие, загадочные.

Я прикусила губу до боли, глядя на строчки сценария, которые теперь казались мне смертным приговором.

«Сработаетесь», — эхом отозвалось в голове.

Это обещало быть не просто сложной подготовкой ко Дню учителя. Это обещало быть настоящим испытанием на выживание, где каждый аккорд его гитары будет бить прямо по моим натянутым нервам.

— Ладно, — выдохнула я, потирая виски, где уже начинала зарождаться слабая, тупая боль от обилия информации. — Раз уж деваться некуда, давайте выберем песню. Только умоляю, пусть это будет что-то приличное. Никаких слезливых эстрадных хитов про вечную любовь под дождём. Я этого просто не переживу, тем более в такой компании.

— Пока предложений никаких нет, — спокойно произнесла Оля, перелистывая страницу своего блокнота. — Но нудно, что бы партия гитары не слишком сложная.

— О, это же вообще идея гениально! — Лена восторженно захлопала в ладоши, едва не пролив остатки вишневого пива на ковёр. — Под акустику, в полумраке актового зала, с нашими голосами… Женька, даже не думай отказываться. Это будет самый крутой номер концерта. Обещаю, я лично прослежу, чтобы свет настроили как надо.

Я посмотрела на Олю. Подруга едва заметно, понимающе

кивнула, словно без слов говорила: «Я знаю, что тебе тяжело. Но это лучший компромисс из всех возможных».

— Хорошо, — тихо согласилась я, сдаваясь под общим натиском.

На этом официальная часть нашего вечера наконец закончилась. Мы отложили блокноты и распечатки сценария в сторону, окончательно закопав их под горой пустых коробок из-под пиццы. Напряжение последних дней постепенно улетучивалось, уступая место той самой тёплой, хмельной расслабленности, которая бывает только в кругу самых близких людей.

Мы болтали обо всём на свете до глубокой ночи. Лена, то и дело отвлекаясь на свой беспрерывно вибрирующий телефон, мечтательно вздыхала, но на все наши с Олей ехидные расспросы лишь загадочно отмахивалась и прятала лицо в подушку. Мы вспоминали наши прошлые дачные приключения, спорили о том, как пережить грядущие экзамены, и строили планы на выпускной.

Около трёх часов ночи разговоры сами собой сошли на нет. Мы устроились прямо в моей комнате: девчонки расстелили широкий диван, а я улеглась на свою кровать, вытянув забинтованную ногу на мягкий валик. Засыпая под мерный шум дождя за стеклом, я впервые за долгое время почувствовала себя по-настоящему спокойно.

Глава 15

Собирались мы в дикой спешке, сонные, переругиваясь из-за очереди в ванную и на ходу допивая остывший чай. Нога за ночь практически перестала болеть — тугая повязка Нины Васильевны и охлаждающая мазь сделали своё дело. Щиколотка ещё немного ныла при ходьбе, но хромота стала почти незаметной.

До школы мы дошли большой дружной компанией. Лена всю дорогу зевала, Оля сосредоточенно молчала, а я куталась в джинсовую куртку, вдыхая холодный осенний воздух и пытаясь настроиться на учебный лад. Первым уроком, по расписанию, стоял русский язык.

Обычно мы сидели вместе с Леной, но сегодня блондинка, заговорщически подмигнув Оле, демонстративно пересела к ней на парту позади меня.

— Эй, ты чего? — удивилась я, оборачиваясь. — А ко мне кто сядет?

— Место зарезервировано для особо важных персон, — хихикнула Лена, доставая учебник. — Не благодари.

Я не успела возмутиться: прозвенел звонок, и в класс вошла учительница. Почти одновременно с ней в приоткрытую дверь скользнула высокая фигура.

Артём.Вместо того чтобы, как обычно, поплестись на свою галёрку к Серёге, он уверенно зашагал по нашему ря-

ду. Дёмин бесцеремонно отодвинул свободный стул рядом со мной и уселся, закинув длинные ноги под парту, от него пахло холодным утром, сигаретами и ментолом.

— Привет, Резвова, — негромко произнёс он, бросив рюкзак на пол. — Как твоя конечность? Доковыляла без приключений?

— Твоими молитвами, Дёмин, — фыркнула я, доставая тетрадь и стараясь не смотреть на Лену, которая за моей спиной уже вовсю давилась беззвучным смехом. — Я же говорила, что до свадьбы заживёт. А ты чего здесь забыл? Твоё болото в самом конце класса.

— Там шумно, Серёга опять будет ныть про самостоятельную по физике, — лениво отозвался он, подпирая подбородок рукой и глядя на меня с той самой мягкой, негласной усмешкой. — А тут тихо. И вид приличный. Вдруг списывать разрешишь.

— Разрешу. Только неправильно, — парировала я, открывая тетрадь.

Учительница начала урок, записывая на доске тему синтаксического разбора. В классе воцарился мерный шорох ручек по бумаге. Я сосредоточенно выводила буквы, стараясь игнорировать присутствие Артёма. Но сделать это было сложно: он сидел слишком близко, его плечо то и дело задевало моё при каждом движении, а от его тела исходило приятное тепло. Минут через десять после начала урока, когда учительница отвернулась к доске, Артём слегка толкнул ме-

ня локтем в бок.

— Эй, — шёпотом позвал он.

— Чего тебе? — так же тихо отозвалась я, не отрываясь от конспекта.

— Руку опусти под парту. Живо.

Я подозрительно скосила на него глаза, но руку опустила. В ту же секунду его тёплые пальцы скользнули по моей ладони, оставляя в ней какой-то плотный, прямоугольный предмет. Я опустила взгляд под стол. В моей руке лежала плитка Ritter Sport с цельным фундуком. На ней ярким жёлтым маркером прямо на обёртке было криво нацарапано: «За боевые ранения ».

Внутри меня что-то тепло и глухо ёкнуло. Я сжала шоколадку в пальцах, чувствуя, как лицо заливает румянец, и быстро спрятала её в ящик парты под учебники.

— Это ещё что за взятка? — прошептала я, поворачиваясь к нему. — Думаешь, я за шоколадку прощу тебе вчерашний позор у калитки?

— Это не взятка, Резвова, это компенсация за моральный ущерб и физические страдания, — ухмыльнулся он, даже не пытаясь скрыть довольного блеска в карих глазах. — Чтобы ты росла большой, здоровой и больше не падала на сетку, как мешок с картошкой. Ешь давай, а то у тебя на уроке истории опять будет такое лицо, будто ты лимон целиком проглотила.

— Нормальное у меня лицо, — буркнула я, возвращаясь к тетради, но сдержать глупую, тёплую улыбку уже не смогла.

Оля была права: мне стоило быть начеку. Но сидя на первом уроке рядом с Дёминым, чувствуя в парте тяжесть шоколадки и ловя его негромкий шёпот, оставаться холодной и неприступной становилось с каждой минутой всё сложнее.

Когда прозвенел звонок с последнего урока, школа наполнилась привычным гулом. Но для нашего одиннадцатого класса день только начинался — впереди была первая серьезная репетиция в актовом зале.Завуч по воспитательной работе, Наталья Борисовна, уже расхаживала перед сценой, нервно постукивая каблуками.

— Одиннадцатый «Б»! Не расслабляемся! — ее голос разлетелся эхом под высокими сводами. — Мальчики в одну шеренгу, девочки — напротив. Сейчас будем формировать пары для вальса. И без нытья, это традиция школы!

Я стояла между Олей и Леной, стараясь не привлекать внимания. Щиколотка все еще немного ныла, и перспектива кружиться в танце меня не радовала.

— Так... Смирнова и Серёжа. Васильева и Петров... — завуч быстро шла по списку. — Лукьянова и Котов. Оля, вставай к нему.

Лена, заговорщически подмигнув мне, ушла к своему партнеру. Мы с Олей остались стоять вдвоем.

— Резвова... — Наталья Борисовна подняла глаза от блокнота и оглядела оставшихся парней. — Дёмин! Иди сюда. Будете с Женей в центре. Вы оба высокие, фактурные, на вас вся композиция держаться будет.

По залу прошел нестройный гул. Я замерла, чувствуя, как внутри всё напряглось. Артём, который до этого лениво прислонялся к шведской стенке, неспешно оттолкнулся от неё и направился ко мне.

— Ну что, Резвова, — негромко произнес он, останавливаясь напротив. — Готова к позору на глазах у всей школы?

— Только если ты не наступишь мне на ноги в первые пять секунд, — парировала я, стараясь сохранять невозмутимость.

Завуч хлопнула в ладоши, и из колонок полились первые такты вальса. Артём сделал шаг вперед. Его ладонь легла мне на талию — уверенно, широко, почти собственнически. Другой рукой он перехватил мою ладонь. Его пальцы были горячими и чуть шершавыми.

— Раз-два-три, раз-два-три... — командовала завуч.

Мы начали движение. К моему удивлению, Артём двигался плавно. Он не суетился, не сбивался с ритма, а просто вел меня, задавая темп. Я чувствовала его плечо под своей рукой, чувствовала тепло, исходящее от него, и странный запах — ментол и что-то неуловимо мужское.

— Ты неплохо танцуешь для человека, который предпочитает мотоцикл паркету, — шепнула я, когда мы заходили на очередной круг.

— Я просто не хочу, чтобы ты снова упала, Резвова, — он наклонился чуть ближе к моему уху, и его дыхание опалило кожу. — Хватит с тебя травм на этой неделе. Расслабься, я

тебя держу.

Я невольно посмотрела на него. В его взгляде не было привычного вызова — только странная, сосредоточенная мягкость. На мгновение я забыла, что мы в школьном зале. Были только ритм, его руки на моей спине и это странное чувство безопасности.

— Всё, закончили с танцем! — оборвала музыку завуч. — Десять минут перерыв. Резвова, Петрова, не уходите, сейчас будем пробовать песню. Алексей Михайлович должен подойти.

Артём отпустил меня не сразу. Его рука задержалась на моей талии лишнюю секунду, прежде чем он отступил.

— Неплохо для начала, — хмыкнул он, снова возвращая свою обычную маску.

В этот момент двери зала распахнулись. В проеме показался Алексей Михайлович, за плечом висел чехол с гитарой. Он выглядел усталым, но, едва переступив порог, его взгляд мгновенно нашел меня. И Артёма, стоящего в полуметре от меня. Лицо учителя на секунду дрогнуло, но он тут же взял себя в руки, надевая маску вежливой отстраненности.

— Добрый день, — произнес он, проходя к сцене. — Извините за задержку, были дела в учительской.

Наталья Борисовна засуетилась вокруг него, а мы с Олей поднялись на сцену. Алексей Михайлович достал гитару, сел на высокий стул и начал настраивать струны. Звук был чи-

стым и резким в тишине зала.

— Начнём? Покажите, что придумали, — спросил он, не поднимая глаз.

Оля села за старый тяжёлый рояль, стоявший в левом углу. Она медленно подняла лакированную крышку, открывая ряд желтоватых клавиш, и на секунду замерла, настраиваясь.

Мы переглянулись.

— Ну? — Алексей Михайлович поднял на нас взгляд. — Что вы выбрали?

Оля прикусила губу. Я смотрела на неё, надеясь, что у неё есть план. У неё не было плана.

— Мы... — начала я.

— Мы хотели спросить, — перебила Оля, поворачиваясь к учителю. — А что вы умеете играть?

Алексей Михайлович чуть приподнял бровь.

— Много чего. Но если вы хотите, чтобы я играл то, что вы не выбрали, это будет сложно.

— Мы не совсем не выбрали, — сказала я. — Мы просто... ещё обсуждаем.

— Сколько у вас было времени?

— Два дня.

— И за два дня вы не смогли выбрать одну песню?

Оля посмотрела на меня. Я посмотрела на неё. Мы обе молчали.

— Ладно, — сказал Алексей Михайлович, вздохнув. — Я предложу вариант.

Он взял гитару, перебросил ремень через плечо и сел на стул, доставая телефон. Оля подошла к роялю, села за него и положила пальцы на клавиши.

— Скорее всего, такую вы не знаете, но это, относительно, не сложный вариант, как в тексте так и в аккордах, посмотрите— сказал он, протягивая нам телефон. — Подходит для Дня учителя?

Мы послушали песню и быстро пробежались по тексту. Как учитель и сказал, песня нам, оказалась, действительно, не знакома. Конечно,не из серии чего-то популярного на нынешнем музыкальном фронте, но по тематике подходила сто из ста.

— Да, подходит — сказала я.

— Хорошо. Начнём с начала, вы попробуете исполнить песню двоем, а я посмотрю и примерно подгоню партию гитары под пианино.

Я встала чуть правее, ближе к центру сцены, у микрофона на высокой металлической стойке. Сердце глухо и тяжело билось в груди — не от страха перед сценой, а от присутствия человека в зале. Алексей Михайлович сидел в седьмом ряду, откинувшись на спинку кресла. Его гитара лежала на коленях, длинные пальцы свободно покоились на грифе, но сам он не шевелился. Взгляд его серо-голубых глаз был прикован к сцене. Ко мне.

Оля мягко опустила руки на клавиши.

Зал наполнился первыми аккордами песни. Звук пиани-

но — глубокий, хрустально-чистый, с легким вибрирующим эхом — поплыл под высокими сводами потолка. Мелодия была завораживающей, меланхоличной, похожей на старинную мрачную сказку. С первого же созвучия в зале установилась звенящая тишина. Никто не шуршал бумагами, никто не перешептывался.

Оля начала петь первая. Её голос — низкий, ровный, обволакивающий бархатом — идеально лег на клавишное сопровождение.

Я сделала глубокий вдох, настраивая дыхание, и вступила на следующей строчке, переплетая свой голос с её партией.

— Стоп, — сказал учитель, опуская гитару, пережив меня. — Женя, ты поёшь слишком тихо.

— Я стараюсь.

— Старайся громче.

— Я не могу громче.

— Тогда учись.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня спокойно, без осуждения, но и без снисхождения.

— Попробуй ещё раз, — сказал он. — Только на этот раз не думай о том, как ты звучишь. Просто пой.

— Легко сказать.

— Тогда не пой вообще. Но тогда номер не получится.

Я сжала кулаки. Оля сидела за роялем, глядя на меня с сочувствием. Наталья Борисовна наблюдала за нами из угла, явно наслаждаясь зрелищем.

Мелодия взмывала вверх, отражалась от деревянных панелей стен и падала обратно в зал, заставляя кожу покрываться мелкой дрожью. Я заставила себя смотреть прямо перед собой, удерживая взгляд на одной точке в глубине зала, но всё равно видела его.

Алексей Михайлович сидел неподвижно. Его привычная учительская маска — вежливая, отстраненная, безупречная — сейчас казалась натянутой слишком сильно. Пальцы, сжимающие гриф гитары, напряглись так, что побелели суставы. Он смотрел на меня в упор, не отводя глаз ни на секунду. В этом взгляде было слишком много напряжения, слишком много того невысказанного, что осталось между нами после его глухого «забудем всё».

Я просто пела свою партию, стараясь держать звук ровным и чистым, но внутри всё равно всё сжималось от глухого, натянутого до предела электричества между сценой и седьмым рядом. В зале люди буквально затаили дыхание. Лена, сидевшая у пульта, прижала ладони к щекам, во все глаза глядя на нас. Одноклассники, обычно шумные и циничные, замерли в неестественных позах. Даже воздух в актовом зале, казалось, стал плотным и неподвижным.

Мы вышли на кульминацию. Оля сильнее ударила по клавишам, заставляя рояль звучать мощно, драматично. Наши голоса взлетели к самому потолку, сливаясь в идеальном, чистом аккорде. Это было сильно, красиво и очень искренне.

А затем музыка начала плавно утихать.

Оля перешла на тихий, перекатывающийся перебор клавиш. Мы допевали последние строки почти шепотом, возвращая зал в реальность. Последний аккорд пианино медленно растаял в воздухе, оставляя после себя оглушительную тишину. Несколько секунд никто не шевелился.

Алексей Михайлович медленно опустил голову, глядя на струны своей гитары. Его плечи едва заметно опустились, словно он наконец сделал вдох, который сдерживал всю песню. Несколько секунд никто в зале не шевелился. Мы с Олей стояли на сцене, тяжело дыша, а воздух вокруг всё ещё казался наэлектризованным от последних нот.

Тишина длилась ровно три секунды. И первым, кто её нарушил, оказался Дёмин. Он сидел на одном из задних кресел, закинув длинные ноги на соседнее сиденье, но в этот момент резко поднялся в полный рост.

— Воу! — Артём громко, по-разбойничьи свистнул на весь зал и начал восторженно и ритмично хлопать. — Резвова, Петрова, это было просто охренительно! Реально мощно!

Его громкие, уверенные хлопки мгновенно разбили оцепенение. Лена тут же визгливо зааплодировала вслед за ним, завуч Наталья Борисовна согласно закивала, бурно захлопав в ладоши, а за ними подтянулись и притихшие одноклассники. Артём ухмыльнулся, глядя на меня со своего конца зала, и этот его простой, шумный восторг мгновенно сбил пафос момента, заставив меня облегчённо улыбнуться.

Алексей Михайлович переждал эту волну аплодисментов,

по-прежнему не выпуская из рук гитару. Он медленно поднялся со своего седьмого ряда, поправил джемпер и подошёл ближе к сцене. Его лицо уже вернуло привычное спокойствие, но в глазах всё ещё читался отзвук только что закончившейся песни.

— Да, у вас отлично получается , — произнёс он, глядя на нас снизу вверх. Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалось искреннее одобрение. — Но теперь давайте попробуем уже с гитарой, вместе, — учитель повернулся к Оле, а затем перевёл взгляд на меня, — Нужно ещё разобрать сетку аккордов. Мне необходимо понять, как лучше подстроиться под пианино Оли и ваш темп, чтобы гитара не перебивала вокал, а мягко его вела.

— Да, конечно, без проблем, — кивнула Оля, снова приоткрывая крышку рояля.

Артём, стоявший у дверей зала, закинул рюкзак на плечо. Он поймал мой взгляд, насмешливо приподнял бровь и громко, так, чтобы слышал весь зал, бросил:

— Ладно, певицы. Я тогда на крыльце подожду. Не запевайте историка до смерти, нам его ещё завтра слушать.

Завуч неодобрительно цыкнула на него, но Дёмин лишь коротко ухмыльнулся мне и вышел из зала, негромко прикрыв за собой массивную дверь.

На сцене остались только мы трое: Оля, я и Алексей Михайлович и Лена в зале. Он поднялся по деревянным ступенькам, держа гитару в руке, и устроился на высоком стуле

рядом с роялем. Вблизи от него снова пахнуло горьким кофе и холодной осенней свежестью.

— Оля, сыграй ещё раз вступление, — попросил он, настраивая инструмент на слух. — Медленно, по долям. Мне нужно записать переходы в блокнот.

Я отошла на пару шагов назад, прислонившись спиной к бархатной кулисе. Нога всё ещё немного норовила заныть от долгого стояния, но сейчас меня гораздо больше беспокоило то, как близко он находился. Каждое его движение, каждый тихий вздох казались слишком громкими в опустевшем зале.

Алексей начал подбирать аккорды под Олину игру. Его пальцы двигались быстро, уверенно ложась на гриф. Он тихо напевал мелодию под нос, проверяя тональность и подстраивая струны. В его движениях не было суеты — только чистая концентрация на музыке.

— Женя, — вдруг обратился он ко мне, не поднимая глаз от струн, но от звука моего имени, произнесённого его низким голосом, у меня внутри всё равно что-то упрямо дрогнуло. — Вступи со второго куплета. Мне нужно услышать, где гитара должна уйти на более мягкий перебор, а где поддержать тебя.

Я сделала глубокий вдох, подошла к микрофону и запела, заставляя себя концентрироваться исключительно на чистом ведении звука и стараясь игнорировать то, как его серо-голубые глаза следили за каждым моим вдохом.

Где-то на середине песни Лена, сидевшая в первом ря-

ду и не отрывавшаяся от переписки, вдруг испуганно ойкнула. Она торопливо сгребла свою сумку, замахала на нас руками, беззвучно шевеля губами: «Девочки, я бегу, меня ждут!», и виновато улыбаясь, на цыпочках выскользнула из зала. Дверь за ней тихо щелкнула.

Мы доиграли куплет до конца. Алексей Михайлович остановил перебор, задумчиво глядя на гриф:

— Здесь хорошо, но давай попробуем на тон ниже, чтобы в припеве переход был мягче.

Оля потянулась к нотам, но в этот момент на деревянной панели рояля требовательно зажужжал её телефон. Подруга взглянула на экран, и её брови слегка нахмурились.

— Простите, это мама, — Оля виновато посмотрела сначала на учителя, потом на меня. — Она просила сразу взять, там что-то срочное по дому. Я буквально на минуту выйду в коридор, ладно?

— Да, конечно, иди, — спокойно ответил Алексей Михайлович.

Оля быстро спрыгнула со сцены и вышла.

Дверь закрылась, и в актовом зале мгновенно воцарилась звенящая, вязкая тишина. Слышно было только мерный стук осеннего дождя по стеклам высоких арочных окон. Я осталась стоять у микрофона, не зная, куда деть руки, и опустила взгляд на доски сцены. Алексей Михайлович сидел на своем табурете в паре метров от меня. Он лениво скользнул пальцами по струнам, извлекая тихий, смазанный аккорд, а затем

поднял голову.

Без девочек воздух вокруг словно стал разреженным.

— У тебя красивый тембр, Жень, — негромко нарушил он молчание. Его голос звучал непринужденно, мягко, совершенно без той учительской строгости, которую он старательно демонстрировал на уроках. — Ты раньше где-то училась вокалу?

— Нет, — я покачала головой, стараясь отвечать ровно и сдержанно. — Просто дома иногда напевала. Оля немного помогла с дыханием.

— Очень хорошо звучит, — он чуть заметно улыбнулся уголком губ. — Под рояль и гитару это будет один из лучших номеров на концерте, поверь. Как нога? Сегодня не сильно беспокоит?

— Почти прошло. Эластичный бинт держит, так что нормально.

— Рад, что обошлось без серьезных травм.

Он снова замолчал, медленно покручивая колок гитары, словно проверяя натяжение струны. Казалось, он искренне старался вести обычный, ни к чему не обязывающий диалог, но за этой вежливостью слишком отчетливо чувствовалось напряжение. Было видно: его что-то терзает, и это «что-то» не имело никакого отношения к партитуре или моим вокальным связкам.

Наконец Алексей отложил медиатор на край рояля и внимательно посмотрел на меня снизу вверх. В его серо-голубых

глазах блеснуло что-то цепкое и настороженное.

— Я хотел спросить, — начал он негромко, аккуратно подбирая слова. — Что происходит с Дёминым?

Я слегка нахмурилась:

— В каком смысле?

— В самом прямом, — Алексей чуть прищурился. — Я его с трудом узнаю. Сначала он сдает мне долги по темам, которые висели с прошлой недели, практически без привычных пререканий. Потом этот его показательный восторг в зале... А уходя, он заявляет на весь зал, что будет ждать тебя на крыльце.

Он говорил спокойно, пытаясь звучать просто как наблюдательный педагог, но в его интонациях проскальзывала глухая, ревнивая нотка, которую он был не в силах скрыть.

— Вы ведь с ним, насколько я помню, и минуты не могли провести в одном помещении без скандала, — продолжил он, пристально глядя мне в глаза. — А тут такая резкая перемена. С чего вдруг такая опека?

Я выпрямилась у микрофона, чувствуя, как внутри поднимается глухое, упрямое раздражение. Раз он сам в машине провел между нами жирную черту, запретив любые намеки на чувства, то устраивать мне допросы сейчас не имел ни малейшего права.

— У нас перемирие , — холодно ответила я, глядя на него в упор. — Решили попробовать общаться по-человечески. По-моему, и для школы это только одни большие плюсы. Вы

ведь сами говорили, что перемены к лучшему — это хорошо.

Алексей медленно перевел дыхание. Мой подчеркнуто холодный, официальный ответ явно задел его глубже, чем он рассчитывал показать. Его пальцы на грифе гитары заметно напряглись. Он явно хотел сказать что-то еще — резкое, непедагогичное, выходящее за рамки приличий, — но в этот момент дверь скрипнула, и в зал торопливо вернулась Оля, пряча телефон в карман.

— Всё, я свободна, — Оля легко поднялась по ступеням на сцену и скользнула быстрым, понимающим взглядом между мной и учителем. — Простите за задержку. На чем мы остановились?

Алексей Михайлович в ту же секунду натянул привычную невозмутимую маску, резко отводя взгляд от меня к струнам:

— С начала припева. Давайте попробуем с акцентом на вторую долю. Женя, начинай.

Репетиция закончилась минут через десять. Алексей Михайлович сложил гитару в чехол, застегнул молнию с каким-то особенным, резким звуком и сухо кивнул нам на прощание. Мы с Олей быстро собрали вещи и вышли из душного зала в пустой школьный коридор.

— Напряжение можно было ложками черпать, — негромко заметила Оля, когда мы спускались по лестнице. — Рокотовский явно не в восторге от твоего «нового друга».

— Его восторг меня меньше всего волнует, — отозвалась

я, хотя сердце всё ещё неспокойно билось где-то в горле.

Мы вышли на крыльцо. Вечерний воздух был пропитан холодом и сыростью. У самых ступенек, прислонившись спиной к колонне и засунув руки в карманы куртки, стоял Артём. Его мотоцикл, поблескивая мокрым металлом, ждал неподалеку. Увидев нас, он оттолкнулся от стены и на его лице расцвела та самая вальяжная ухмылка.

— Ну что, не охрипли? — спросил он, оглядывая нас. — Я уже начал думать, что вы там на бис для призраков поете.

— Мы работали, Дёмин. В отличие от некоторых, — парировала я, спускаясь к нему.

В этот момент тяжелая дубовая дверь школы снова открылась, и на крыльцо вышел Алексей Михайлович. Он замер на верхней ступеньке, закидывая чехол с гитарой на плечо. Взгляд его тут же упал на Артёма, который теперь стоял ко мне почти вплотную.

Воздух между ними словно заледенел.

— Дёмин? — Алексей приподнял бровь, и его голос прозвучал подчеркнуто официально, с легкой долей учительской иронии. — Приятно видеть такую тягу к стенам учебного заведения во внеурочное время. Обычно тебя отсюда и звонком не выманишь, а тут — стоишь, мокнешь. Неужели записался в поэтический кружок?

Артём не растерялся. Он чуть склонил голову, и в его глазах блеснул встречный сарказм, идеально сбалансированный на грани фола.

— Алексей Михайлович, — Артём растянул губы в вежливой, но колючей улыбке. — Знаете, вдохновился вашими лекциями о рыцарстве. Решил, что оставлять дам без охраны в такое время— исторически неправильно. Вдруг по парку бродят какие-нибудь... любители античности с листочком на оголенном причинном месте, с недобрыми намерениями?

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, вспомнив первую встречу в парке. Алексей Михайлович едва заметно прищурился. Его пальцы крепче сжали ремень чехла.

— Твоя забота похвальна, — сухо ответил он. — Надеюсь, такая же исполнительность проявится и в твоем эссе по Крымской войне. Там тоже важна... стратегия и своевременная подача материала. Не хотелось бы, чтобы твои успехи в «охране» шли в ущерб успеваемости.

— Обязательно, — кивнул Артём, не сводя с него дерзкого взгляда. — Я как раз планировал глубоко изучить вопрос... обороны важных объектов. Стратегия — это моё всё.

— Рад, что мы друг друга поняли, — Алексей перевел взгляд на меня, и на секунду в его глазах мелькнуло что-то болезненное, чего он не смог скрыть за официальным тоном. — Женя , Оля , хорошего вечера. Не простудитесь.

— Спасибо, Алексей Михайлович. До свидания, — Оля быстро потянула меня за рукав, чувствуя, что градус беседы приближается к точке кипения.

— До свидания, — бросила я, стараясь не смотреть учителю в след.

— Ну, идем, — Артём по-хозяйски взял меня за локоть, увлекая к выходу с территории школы. — До свидания, Алексей Михайлович! Удачи с гитарой, музыка — это путь к сердцу... ну, или просто способ скоротать вечер.

Мы отошли уже на приличное расстояние, но я кожей чувствовала взгляд историка, который продолжал стоять на крыльце, глядя нам в спины.

— Дёмин, ты неисправим, — выдохнула я, когда мы вышли за ворота. — Зачем ты его провоцируешь?

— Ему полезно, — хмыкнул Артём, ничуть не раскаиваясь. — А то ходит такой весь правильный, слова в граммах взвешивает. Пошли, кофе куплю. Надо смыть вкус этой вашей высокой культуры.

Мы шли по прохладной улице, пахнущей мокрой листвой и остывающим асфальтом. Дождь почти перестал, оставляя на стеклах витрин мелкую водяную пыль. Артём уверенно вел нас в сторону небольшого сквера, где недавно открылся круглосуточный кофе-поинт. Несмотря на свою привычную торопливость, он явно притормаживал, подстраиваясь под мой шаг, чтобы я не напрягала забинтованную щиколотку.

— Дёмин, а получше заведения в этом районе не нашлось? — усмехнулась Оля, пряча руки в карманы пальто. — Или твой бюджет рассчитан только на растворимый «три в одном»?

— Петрова, ты меня обижаешь, — не усердствуя в защите, ответил Артём. — Там бариста — проверенный чувак.

Если скажешь, что от меня, он тебе даже корицы не жалея насыпет. Это же элитный сервис.

На подходе к скверу, у яркой неоновой вывески «Coffee To Go», у высокого деревянного столика стоял парень. На нём была простая тёмная куртка с поднятым воротником и капюшон, сдвинутый на затылок. Он крутил в руках стаканчик и, завидев нас, оттолкнулся от стойки.

— О, гляди-ка, кто из школы вылез, — раздался его спокойный, чуть глуховатый голос.

— Илюх! — Артём поднял руку в приветствии. — Ты какими судьбами в нашем районе? Свои гаражи надоели?

— Да карбюратор ездил забирать на тринадцатую, — парень подошел ближе и пожал Артёму руку. — А ты чего не на колёсах?

— Так с дамами же, — Артём мотнул головой в нашу сторону. — Знакомься. Это Женя, а это Петрова — её строгий конвой.

Мы остановились. Парень, которого Артём назвал Ильей, перевёл на нас взгляд. Он оказался высоким, с широкими плечами и темными, со стрижкой «под машинку» волосами. В его облике не было ни капли той показушной дерзости, которой обычно фонтанировал Дёмин, или романтичной загадочности. Простой, уверенный в себе и очень спокойный.

Его взгляд сначала мельком скользнул по мне, а потом зацепился за Олю. И остался на ней.

Оля, привыкшая встречать всех чужаков своим коронным

ледяным прищуром, чуть приподняла подбородок, явно готовая выдать какую-нибудь колкость. Но Илья посмотрел на неё слишком прямо, без ухмылки и сканирования, словно просто зафиксировал факт: перед ним очень красивая и интересная девушка.

— Илья, — коротко представился он, не отводя от неё глаз. — С тридцать четвертой школы.

— Оля, — произнесла подруга, и к моему удивлению, в её голосе не прозвучало привычного яда. Голос был ровным, но в воздухе между ними мгновенно натянулась какая-то неощутимая струна.

— Ну так что, Илюх, ты с нами? — прервал паузу Артём, бесцеремонно хлопая друга по плечу. — Я тут элиту культурного фронта спасаю от истощения. Берем кофе и идём выгуливать девочек, пока они окончательно не превратились в музейный экспонат.

— Можно, — ответил Илья, снова глядя на Олю. — В кофейне как раз нормальный эспрессо наконец-то начали делать. Тебе какой кофе нравится, Оль?

Подруга слегка удивилась такой прямой заботе от незнакомого парня, но тут же взяла себя в руки:

— Американо. Без сахара.

— Хороший выбор, — чуть заметно улыбнулся Илья уголком губ. — Сейчас сделаем.

Он развернулся и первым подошёл к окну кофейни, чтобы сделать заказ на всех. Артём тут же наклонился к моему уху

и с ехидным шёпотом выдал:

— Смотри-ка, Резвова, кажется, твоя неприступная Петрова сейчас поплывёт. Илья у нас парняга суровый, если заприметил — с дистанции не сойдёт.

— Замолчи, Дёмин, — шёпотом шикнула я, но всё же улыбнулась, наблюдая за тем, как Оля, сама того не замечая, поправила выбившуюся из-за уха прядь волос, пока Илья расплачивался у стойки.

Илья протянул Оле стаканчик с невозмутимым видом.

— Не видел девушек, пьющих американо, еще и без сахара.

Оля медленно перевела взгляд со стакана на его лицо, слегка приподняв бровь:

—Сахар глушит вкус дешёвых зёрен. Спасибо.

— Бариста бы обиделся, но спорить не стану, — спокойно отозвался Илья, развернулся и зашагал рядом, держа комфортную дистанцию.

— Резвова, если ты пойдёшь ещё чуть медленнее, мы встретим рассвет прямо на этом пешеходном переходе. -- скомандовал Артём, придерживая меня под локоть на неровном стыке брусчатки.

— Дёмин, если ты ещё раз дёрнешь меня за капюшон, чтобы ускорить процесс, я проверю стабильность твоей челюсти этим самым латте, — не поворачивая головы, парировала я.

— Кто же тогда будет кружить тебя на вальсе? Серёга? Он же потеряет сознание от переизбытка ответственности.

— Зато Серёга не комментирует каждый мой шаг и каждое движение, как ведущий спортивного канала.

— Да он тебя боится, а у меня к твоему яду выработались антитела.

Илья, шагавший чуть впереди, бросил на нас короткий насмешливый взгляд через плечо.

— Вы всегда так общаетесь или это специальная программа?

— Это они ещё на мировую вышли, — пояснила Оля, делая аккуратный глоток. — До этого в ход шли летающие стулья и проклятия до седьмого колена. Ты давно с Дёминым знаком? Тебя никто не предупредил, что находиться с ним рядом в замкнутом пространстве вредно для кармы?

— С седьмого класса, — пожал плечами Илья. — В секции бокса нас поставили в пару в первый же день. Там вариантов было немного: либо драться до выпускного, либо начать здороваться.

— И к какому выводу пришли? — с лёгким интересом сощурилась Оля.

— Сначала первое. Месяца через три надоело замазывать синяки, перешли ко второму.

— Какая зрелая позиция, — оценила подруга, и в её голосе впервые за вечер проскользнула не дежурная саркастичная колкость, а искренняя, чуть насмешливая улыбка.

Мы свернули к широкому скверу у старого кинотеатра, где между каштанами стояли тяжелые каменные скамьи с де-

ревянными сиденьями. Ветер здесь почти не гулял, а желтые фонари выхватывали из темноты мокрый ковер из листьев.

— Всё, привал, — Артём бесцеремонно нажал мне на плечо, заставляя сесть. — Давай, вытягивай свою пострадавшую лапу.

Я с наслаждением опустилась на скамейку, вытянув ногу. Щиколотка после марш-броска гудела, но внутри наконец-то разлилось приятное, почти забытое чувство нормальности. Никаких душных школьных коридоров, никакой трагедии и пристальных взглядов из седьмого ряда.

Илья прислонился к фонарному столбу напротив скамейки, оглядывая наш состав:

— И часто у вас в школе такие перформансы?

— Только когда приближается День учителя и завуч решает, что наш класс обязан продемонстрировать всю глубину душевного богатства, — отозвалась я, согревая ладони о стаканчик.

— Ну, песня звучала мощно, — заметил Артём, бросив короткий взгляд на Олю. — Без всей этой школьной самодеятельности. На секунду даже показалось, что я случайно зашёл на нормальный концерт. Надо сказать спасибо Петровой, — Артём плюхнулся рядом со мной, закинув руку на спинку скамейки за моей спиной. — Она у нас Моцарт в юбке. Если бы не её клавиши, Резвова бы запела что-нибудь из репертуара дворовых.

— Дёмин, я тебя сейчас ударю, — миролюбиво пообеща-

ла я.

— Ты уже пыталась, помнишь? Закончилось тем, что ты пролила кофе мне на куртку.

— Это был тактический маневр.

Оля тихо фыркнула, закуривая и глядя на нас сквозь дым с выражением снисходительного судьи:

— Илья, привыкай. Если они прекратят огрызаться, значит, кто-то из них умер.

— Я заметил, — Илья достал зажигалку и негромко усмехнулся. — Зато не скучно. В нашей тридцать четвёртой народ куда более предсказуемый. Либо курят за трансформаторной будкой, либо зубрят общество. Никакого экшена.

— Можем одолжить Дёмина на недельку, — щедро предложила я. — Для повышения уровня хаоса. Он вам и кого-нибудь до нервного срыва, и мотоцикл прямо в фойе разберёт.

— Эй, полегче, — Артём легонько подтолкнул меня плечом, заставив чуть качнуться. — Я штучный товар.

— Штучный? — переспросила я. — Один экземпляр, и тот лучше не включать без присмотра.

— Зато гарантия пожизненная.

— На что? На головную боль?

— На яркие впечатления.

— У меня после тебя нервный тик. Это считается ярким впечатлением?

Илья рассмеялся, отставляя пустой стаканчик на край ур-

ны. Артём посмотрел на него с притворной обидой, но спорить не стал. Он вообще сегодня спорил иначе: раньше цеплялся за каждую реплику, теперь чаще позволял мне закончить, а потом отвечал. Разница была небольшой, но я её замечала.

— Вы всегда разговариваете так, будто уже развелись, но продолжаете делить холодильник?

— Нет, — ответили мы с Артёмом одновременно.

— Пока нет, — уточнил Артём.

— Не мечтай, — сказала я.

— Я реалист. Ты слишком вредная для нормальных отношений.

Оля взглянула на часы.

— Если вы закончили , может, уже пойдём? Кофе у меня остывает, а на улице темнеет.

— Есть одно место неподалёку, — предложил Илья. — Старая смотровая за кинотеатром. Там видно весь центр. Если лестница ещё не развалилась, можно посидеть наверху.

— Убедительное начало, — сказала Оля. — Особенно часть про лестницу.

— Я бы не повёл вас туда, если бы она уже развалилась.

— Как заботливо.

— Я только что познакомился с вами. Пока стараюсь не давать поводов для жалоб.

— Пока, самая важная часть, — заметила Оля и направилась к выходу из сквера.

Артём поднялся и протянул мне руку. Я опёрлась на неё, хотя вставать могла сама.

Мы пошли следом за Олей и Ильёй. Впереди те негромко разговаривали. Оля задавала вопросы, Илья отвечал без лишней бравады; иногда между ними повисала пауза, и никто не пытался срочно её заполнить.

Артём ничего не говорил, только пошёл чуть ближе. Когда дорожка стала особенно неровной, его ладонь легла мне под локоть. Не крепко, без попытки удержать, просто чтобы я могла опереться, если понадобится.

К старой площадке вела лестница, пережившая, судя по виду, несколько войн и одну неудачную реконструкцию. Некоторые ступени осыпались, по краям росла трава.

— Это безопасно? — спросила Оля.

— Абсолютно, — сказал Артём. — Если не учитывать отсутствие света и перила, которые держатся на ржавчине.

— Ты уже был здесь? — Стояла я у Артёма.

— Да, с Ильёй. у нас было свободное время и слабый инстинкт самосохранения.

Илья взялся за перила и осторожно поднялся на первую ступеньку. Артём поднялся следом, затем обернулся ко мне и протянул руку.

— Давай.

— Я могу сама.

— Я знаю.

— Тогда зачем руку протягиваешь?Он не ответил и руку

не убрал. Я посмотрела на его ладонь, потом всё-таки вложила в неё пальцы. Артём помог мне подняться на разрушенную ступеньку и сразу отпустил. Слишком быстро, чтобы это можно было назвать чем-то особенным, но достаточно медленно, чтобы я заметила.

— Не зазнавайся, — сказала я.

— Поздно. Ты взяла меня за руку.

— Это для страховки.

— Конечно. А я — всего лишь бесплатное средство от падения..

— Ладно, — признала я, остановившись у ограды. — Тут действительно красиво.

— Спасибо, — сказал Илья. — Я передам это человеку, который нашёл место.

— То есть себе? — спросила Оля.— Я не хотел хвастаться.

— Не переживай, у тебя ещё будет время.

Я повернулась к каменным перилам, разглядывая внизу мерцающий город: машины ползли по проспекту, в окнах зажигался свет, над крышами висело бледное вечернее небо.

Артём достал пачку сигарет. Оля тоже взяла сигарету, Илья предложил ей зажигалку. Он сделал это осторожно, без привычного «будешь?», будто не был уверен, что имеет право вмешиваться. Оля сама наклонилась к огню и после короткого кивка вернула зажигалку.

— Спасибо.

— Не за что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.